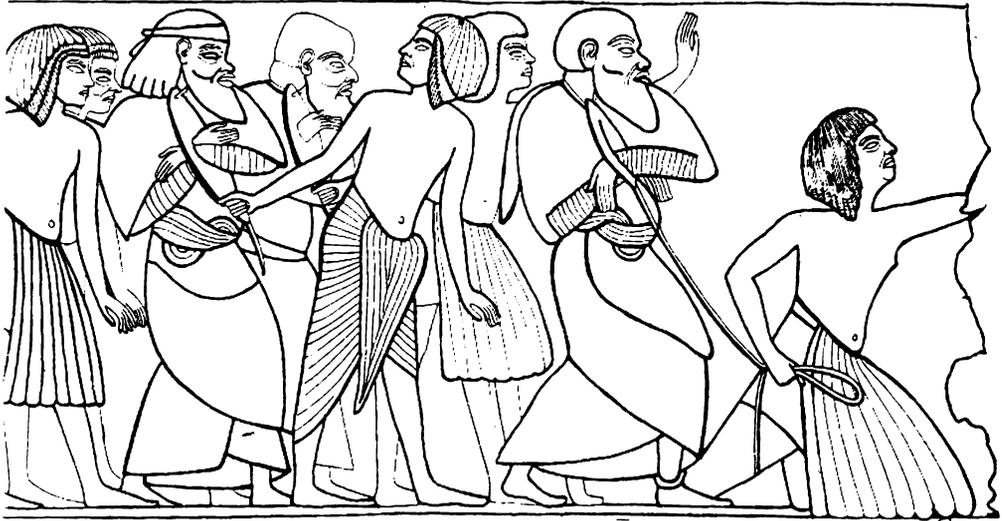

И. В. Богословская

Одежда народов библейских стран

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

МУЗЕЙ АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ им. ПЕТРА ВЕЛИКОГО
(КУНСТКАМЕРА)

J.H.

И. В. Богословская

Одежда народов библейских стран

*(по древнеегипетским источникам
XVI—XI вв. до н.э.)*

Санкт-Петербург

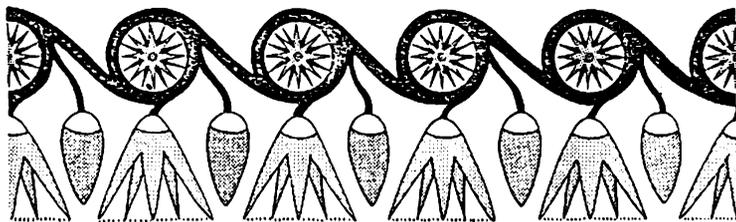
1995

В монографии впервые собраны и исследованы все дошедшие до нашего времени свидетельства древнеегипетских изображений костюма народов Ближнего Востока XVI—XI вв. до н.э. Уникальный комплекс источников позволяет реконструировать внешний вид и костюм как местного населения, так и пришедшего на эту территорию в эпоху Великого переселения народов, нашедшую свое отражение в Библии. Кроме того, исследование костюма ряда народов на протяжении пяти столетий дает уникальную возможность судить об общих закономерностях в развитии одежды в целом.

Ответственный редактор
М.Ф. Альбедиль

Рецензенты:
А.О. Большаков, Ю.К. Поплинский

*Работа выполнена с участием фонда
«Культурная инициатива»*

ВВЕДЕНИЕ

Восточное Средиземноморье второй половины 2-го тысячелетия до н.э. стало территорией, где происходили процессы формирования большого числа народов, культура которых в значительной степени определила судьбу современных мировых цивилизаций. Именно в этом регионе сложилась Библия, возникло христианство, была создана античная цивилизация. Здесь позднее появился и стал распространяться ислам. Культура финикийцев, хеттов и других народов передалась сменившему их населению. Уникальная территория и уникальное время — за два тысячелетия произошло множество крупнейших событий, определивших ход глобального исторического процесса! Многие в развитии событий до сих пор неясно, далеко не о всех участниках исторической драмы можно сказать, что мы их знаем по именам, а тем более — «в лицо» (по изображениям).

Целый ряд наук изучает памятники, сохранившиеся на Ближнем Востоке, и все же по некоторым объективным причинам еще очень многое остается спорным, а то и вовсе неизученным. Одни народы, сыгравшие важную роль в истории, не имели письменности, другие — использовали письменность только для узкоспециальных целей (хозяйственные записи, тексты религиозного или литературного характера). Реальная же жизнь, быт целых народов не нашли своего отражения в текстах. Проблема осложняется

и тем, что природные особенности региона не позволили сохраться органическим материалам. В результате исследователи, изучающие определенный археологический комплекс, либо вовсе не могут точно определить, какому именно народу (народам) он принадлежит, либо судят о его этнической принадлежности по косвенным признакам или определенным «знакам».

Одним из подобных «знаков» является костюм. Практически все культурные комплексы содержат те или иные изображения (царей, богов, воинов), а значит — данные об одежде. Проблема состоит в том, что скульптор или резчик рассчитывал на посвященного зрителя, грамотность была распространена лишь у представителей небольшого слоя населения.

Иная ситуация сложилась у египтян. Раннее развитие письменности, ее относительно широкая распространенность во времена Нового царства, особенности религиозных представлений, требовавшие и письменного, и изобразительного отображения действительности, создали уникальные условия для передачи информации: с точки зрения египтян — для воспроизведения жизни в мире-Двойнике,¹ с нашей точки зрения — для восстановления черт исчезнувшего бытия. Естественно, для получения более или менее точной картины жизни требуется работа специалистов в разных областях знания, кропотливое сопоставление данных различных источников. Но информация на базе древнеегипетских памятников по Ближнему Востоку уже давно признана наиболее полной и точной, без привлечения египетских источников не обходится ни одна серьезная работа.

В предлагаемом исследовании собраны и проанализированы свидетельства египтян о костюме современных им народов Ближнего Востока в период так называемой Египетской империи XVI—XI вв. до н.э., когда Египет завоевал многие территории Восточного Средиземноморья, торговал и получал дань с завоеванных государств. Согласно требованиям египетской культуры, все это было отражено в бесчисленных храмовых и гробничных изображениях, на памятниках прикладного искусства и часто снабжено соответ-

ствующими надписями, что делает весь комплекс источников уникальным. Позднее, с потерей египетского влияния на Ближнем Востоке, исчезает и данный источник информации.

Среди народов, являвшихся автохтонами Восточного Средиземноморья, были оседлые жители Ханаана — древних Сирии, Финикии, Палестины — и кочевники-шасу.² Ко времени столкновения с Египтом большинство оседлых народов имело развитую культуру и оформленную в виде городов-государств или царств государственность. Кочевники мигрировали по территории Ханаана, иногда ненадолго поселяясь в захваченных городах. В XIV—XII вв. до н.э. по Ближнему Востоку проходят волны Великого переселения народов: с севера на юг, частью по побережью, частью морским путем, передвигались группы «народов моря» — так называли их египтяне. Эти миграции носили пульсационный характер и происходили на протяжении большого отрезка исследуемого периода. Многие из «народов моря» чуть позднее, смешавшись с автохтонным населением Средиземноморья, создали целый ряд новых этносов. Среди них были те, кто войдет в историю под именем ахейцев, данайцев, сардинцев, филистимлян и т.д. Египетские источники зафиксировали их не в период расцвета, а гораздо раньше, в критический момент накануне оседания. Тогда мигрирующие народы в поисках земли столкнулись со старыми цивилизациями Востока, были разбиты египтянами и разбросаны по всему Средиземноморью.

Среди представителей других народов египтяне хорошо знали жителей государств, в тот период распространивших свое влияние на Ханаан и живших на территории Северной Сирии, — хурритов (Митанни) и хеттов (Хати). XVI—XII вв. до н.э. были для региона временем бурных перемен. На этой территории столкнулись интересы крупнейших держав Востока. В XVII—XVI вв. до н.э. господствующее положение занимало государство Митанни, находившееся к северо-востоку от Ханаана. В XV в. до н.э. вступил в пору военно-политического расцвета Египет, разбив и потеснив Митанни. В конце XIV в. до н.э. государство хет-

тов — Хати столкнулось как с митаннийским влиянием на часть региона, так и с египетским. Дальше всех от Ханаана была расположена Месопотамия, культурное влияние которой, однако, сказывалось достаточно сильно. Замкнутость населения внутри небольших городов-государств, их разобщенность создавали почву для подчинения мелких этнополитических образований сильными соседями.

Основная часть автохтонного населения говорила на языках семитской группы. Хетты, жившие на территории Сиро-Палестины, пользовались хеттским и аккадским языками; часть «народов моря» говорила на языках индоевропейской группы. Письменность существовала только у некоторых народов, и о многих сторонах жизни и быта большей части населения Ближнего Востока 2-го тысячелетия до н.э. по их собственным письменным источникам судить трудно, а подчас и невозможно. Основную часть информации донесли две разнохарактерные группы источников.

С одной стороны, это памятники, найденные на территории Сиро-Палестины, — археологические комплексы. Некоторые комплексы включают письменные архивы, памятники искусства и быта, в ряде случаев раскопаны целые города. Однако далеко не всегда удается установить этническую принадлежность населения этих городов, понять назначение памятников. Традиционная бытовая культура не нашла достаточного отражения в имеющихся письменных источниках, и изучать ее по ним сложно. Списки, встречающиеся в хозяйственных документах, почти ни о чем не говорят.³ Платье — везде платье, но у всех оно разное; понятно, что письменные тексты не фиксируют видимой реальности полностью.

Изобразительное искусство, которое могло бы отразить многие черты быта, также не было высокоинформативным: ближневосточному искусству в целом не очень свойственна детализированность, доминирует обобщенная передача формы. Естественно, исключений довольно много, но самое важное — отсутствовала традиция подписывать изображение. В результате мы знаем названия элементов костюма, очень редко — имеем описание комплекса, но остается со-

вершено непонятным, что же представлял в точности данный наряд, чем отличался от одежды другого народа. Даже, если есть изображение, неясно, кому принадлежал костюм на нем. Известно, что в пантеон практически любого народа входят иноземные божества. Азиатский Решеф на рельефах Древнего Египта одет в соответствующий костюм, и, не сопроводив египтяне его изображение надписью, оставалось бы только строить предположения.

Другая группа источников — свидетельства представителей иных культур, обладавших развитой письменной и изобразительной традицией. Такими источниками могли бы служить хеттские изображения и тексты, но они существуют отдельно, разрыв письменной и изобразительной информации в данном случае труднопреодолим.

В этих условиях резко возрастает роль египетских изобразительных источников.⁴ Египетское искусство во многих случаях отличалось очень высокой степенью информативности в передаче не только общих черт, но и мельчайших деталей изображаемого. Кроме того, египетская традиция требовала дополнить изображение подписью (в случае возможной утраты изображения, по представлениям египтян, она выполняла роль передатчика информации для воссоздания действительности в загробном мире, и наоборот). Благодаря этим особенностям египетской культуры мы обладаем теперь ценнейшими, хорошо документированными свидетельствами. К числу важных для этнографов свойств египетской изобразительной традиции относится внимание к быту, к тому, что окружает человека в реальной жизни. Родилась данная особенность также из задачи возможно более точного воспроизведения реальности на памятниках мира-Двойника. После произнесения магических формул все изображения и утварь должны были материализоваться в мире-Двойнике и обеспечить владельцу жизнь его Ка, и в том числе загробное существование.⁵ Именно поэтому на стенах гробниц, заупокойных храмов и т.д. очень много сцен, отражающих реалии традиционно-бытовой культуры. Внимание художников перешло и на памятники, прямо не связанные с культом Ка, стало отличительной чертой всего

египетского искусства. Трудно найти другую культуру, так тщательно отразившую реальную жизнь практически всех слоев общества.

Естественно, нужно учитывать и особенности художественных приемов, средств выразительности самого египетского искусства. При передаче того или иного явления наблюдается определенный отбор важного и необязательного, как бы подразумеваемого для египтянина. Уровень обобщения в египетском искусстве был очень велик. Наряду с вниманием к мелочам нередко опускались важные (для нас) черты. Следует учитывать также, что художник создавал изображения не по принципу «я так вижу», а исходя из понятия «я так знаю», отсюда знаменитое изображение разных частей тела с различных точек зрения, наиболее выгодных для воспроизведения. Этот принцип распространяется практически на всю визуальную информацию. Очень высок был и уровень идеализации, казалось бы, мало совместимый с принципом точности. Однако, по представлениям египтян, вовсе не всю правду следовало отражать, действительность можно было и поправить.⁶ На египетских рельефах и в росписях среди изображений египтян практически нельзя увидеть стариков, уродливых или толстых людей. Иное дело — рисунки художников, которые они делали для себя, наброски: тут можно увидеть и необычные для традиционных изображений ракурсы фигур, и толстяков, и смешные сценки.⁷ Правила изображения чужеземцев были много свободнее. Таким образом, при использовании египетских источников необходимо хорошо знать, что художники передавали точно, а что могли исказить, и каким образом. Важным этапом выявления искажений является сопоставление египетских источников с ближневосточными, имеющими другую информационно-изобразительную структуру.

Памятники создавались по всей территории Египта, растянувшейся на 1060 км, иногда — одновременно в разных местах. Наивно было бы думать, что художники получали инструкции, кого и как изображать. Сходство в передаче внешности и костюма представителей одного народа на

различных памятниках объясняется только одним — отбор типичных черт шел по довольно жестким правилам, давно сложившимся в египетском искусстве, подчиняясь канону. Однако правил без исключений не бывает. Именно поэтому столь важно обследование всех дошедших изображений и выявление даже единичных нарушений в каноне. «Ошибка» художника в условиях искусства с сильно развитой типизацией мышления может говорить о каких-то изменениях в самой действительности.

Важным условием изучения исторической действительности по памятникам изобразительного искусства является знание конкретных вещественных реалий, т.е. широкое знакомство с «живыми» памятниками материальной культуры, особенно — современности, связанными генетически с костюмами, запечатленными египтянами. Необходимо это не только с целью «узнавания» того или иного элемента культуры в древности, но и с точки зрения методики изучения. Как бы ни были подробны и многочисленны изображения, они все же только отражают реалии. Процесс изменения самого предмета изучать на них трудно, иногда почти невозможно, ибо художественное сознание традиционных обществ отбирает типично статичное, опуская, как правило, временно динамичное, неустоявшееся в общественном сознании. При этом нередко так называемые ошибки в каноне отражают реальный ход перемен и пути их художественного осмысления. Многие становятся ясным, если сопоставить пути развития древнего костюма с процессами изменения современной традиционной одежды. Естественно, подобное сопоставление должно производиться предельно осторожно, с учетом самых разнообразных факторов. Сопоставление элементов костюма глубокой древности и бытующих в нынешнем (традиционном) обществе позволяет выделить части материальной культуры, сохранившиеся на протяжении тысячелетий, и сделать предположение относительно закономерностей изменения некоторых деталей.

Египетские источники Нового царства, сохранившие изображения азиатов, делятся на три разные по уровню информативности и времени создания группы.

1. Ранний комплекс изображений — росписи и рельефы гробниц вельмож и чиновников XVIII династии (XVI—XV вв. до н.э.). Изображения в гробницах, как правило, очень подробные, многокрасочные, но сопровождаются лишь небольшой припиской с указанием района, из которого прибыли иноземцы, — Сирия, Северная Сирия, Ливан и т.д.; указания на город встречаются редко.

2. Вторая группа — рельефы на стенах египетских храмов с изображениями сражений на территории Хару (Сирия) и доставки пленных времени правления Сети I—Рамсеса III (конец XIII—XII в. до н.э.). Монументальность рельефов, которую требовали стены гигантских храмов, не позволяла художникам их детализировать, к тому же века стерли краски, возможно, передававшие мелкие подробности, и частично разрушили сами памятники. Эта группа источников дает обобщенную информацию — не столько о деталях одежды, сколько об ее общей форме. Но в то же время место действия в приписках-пояснениях обычно точно указано. Храмовые рельефы донесли до нашего времени сцены взятия Аскалона и Сатуны, Кадеша и Тунипа, отразили этнический состав жителей государства Амурру и многое другое.

3. Третья группа — памятники прикладного искусства. В нее входят изображения азиатов, вырезанные на ручках туалетных ложечек, на посохе Тутанхамуна, на ларце Тутанхамуна (в сцене боя) и т.д. Одежда на данных памятниках воспроизведена до мельчайших подробностей, и оттого они чрезвычайно ценны для изучения в качестве дополнений к подписным изображениям. Сюда же примыкают глазурированные таблички из храмов Рамсеса III в Мединет Абу и Рамсеса II в «Доме Рамсеса» — важный и интересный источник, тоже самым детальным образом передающий внешний вид и одежду представителей целого ряда этносов. К сожалению, таблички не подписаны, поэтому в отдельных

случаях остается неясным, кто именно из близких по этнокультурным признакам народов изображен на них.

Предлагаемое исследование основывается на публикациях массового материала древнеегипетских гробничных росписей, храмовых рельефов и элементов декора, памятников прикладного искусства, выполненных Ж.-Ф.Шампольоном,⁸ Р.Лепсиусом,⁹ И.Розелини,¹⁰ В.М.Мюллером,¹¹ воспроизведениях в альбомах В.Врешински,¹² великолепных копиях гробничных росписей, выполненных Нишой и Норманом де Гарис Дэвис.¹³ В 20—30-х гг. XX в. начинается публикация альбомов, посвященных вопросам взаимоотношений культур Египта и Ближнего Востока. Следует отметить альбомы У.С.Смита,¹⁴ Дж.Причарда,¹⁵ П.Монте.¹⁶ Большое количество воспроизведений древнеегипетских памятников с изображениями чужеземцев разбросано по разным альбомам, посвященным египетскому искусству.

Следует особо отметить качественный скачок, связанный с уровнем фотовоспроизведений, происшедший во второй половине XX в. Многие памятники, известные прежде лишь в копиях, изданы в прекрасных фотографиях и стали доступными для самого внимательного изучения.

К сожалению, осталась недоступной одна важная публикация. Еще в начале века знаменитый историк Э.Мейер сфотографировал 841 изображение чужеземцев на египетских памятниках. В 1973 г. их издали в Висбадене на микрофишах.¹⁷ Однако исходя из текста, сопровождающего публикацию, ясно, что все изображения были потом опубликованы в других изданиях, но не в цвете. Эти издания оказались мне доступными.

Появление такого большого количества изображений иноземцев объясняется тем, что начиная с XVI в. до н.э. Египет вел почти непрерывные войны в Азии. Целые армии египтян побывали в этих землях, дойдя до Митанни и разгромив его войска. При фараонах, не ведших больших войн, в городах Ханаана стояли египетские гарнизоны, в крупных городах работали царские чиновники.¹⁸ Следует отметить, что характер взаимоотношений этих государств с Египтом не препятствовал саморазвитию этносов. Подчинение шло

по двум линиям: экономической (дань, содержание египетского наместника, гарнизона) и политической (отказ от самостоятельной внешней политики). Все вопросы внутреннего порядка оставались в ведении местных князей. В свою очередь Египет помогал в защите от внешних врагов, а иногда и экономически. Искусственного, тем более насильственного, насаждения египетской культуры среди местного населения не было. Как это ни странно, со своими подданными египетские правители переписывались по-аккадски, хотя дошли письма и на египетском языке.¹⁹

В самом Египте население могло видеть многолюдные посольства азиатов. Кроме того, из азиатских походов в Египет приводили пленных. Например, в 9-м году правления Аменхотеп II доставил из похода 89 600 человек (по другим данным — 101 128). Обычно же число пленных не было так велико.²⁰ Зависимые люди попадали в Египет и в составе дани, поступавшей из разных стран. Азиатские пленники начиная с периода XVIII династии нередко размещались целыми поселениями, едиными в этническом отношении. Такие поселки существовали в Среднем Египте, причем их названия ясно говорят о составе жителей: Шасу, Хару и т.д. (т.е. поселения кочевников и сирийцев — оседлых земледельцев). Рамсес II в надписях, сохранившихся в современном Абу-Симбеле, сообщает о том, что он разместил азиатов в Нубии, шасу-чужеземцев — в западной земле, а ливийцев — в поселках.²¹ Размещая пленников среди иноэтничного населения, подальше от границ, египтяне заботились о безопасности своей страны, в то же время существование небольших компактных групп одного этноса позволяло не обострять недовольство самих переселенцев. Политика Египта в этом отношении была достаточно гибкой.

Свидетельством того, что чужеземцы, жившие в Египте, говорили и писали на своем языке, являются финикийские и арамейские граффити, найденные в храмах Сети I и Рамсеса II.²² Многие лица семитского происхождения занимали важные посты в Египте.²³

Среди чужеземцев, живших в Египте, были распространены культы ханаанейских божеств. Интересна история появления в египетском пантеоне сиро-палестинской богини Кудшу.²⁴ В отличие от египетских богинь, ее изображали обнаженной, стоящей на льве и чаще всего в сопровождении египетского бога Мина и азиатского бога Решепа.

Образ богини Кудшу возник в Ханаане под влиянием культа богини Хатор, которую еще со времени Среднего царства хорошо знали и почитали в Сиро-Палестине.²⁵ Позднее пленники из Ханаана принесли с собой культ Кудшу на север Египта, где находились их поселения. Постепенно поклонение Кудшу начало распространяться среди египтян, и чем дальше на юг, тем больше образ ее «хаторизировался», приобретая постепенно все черты, свойственные иконографии Хатор. В результате вновь произошло слияние двух культов.

На этом частном примере видно, как происходило взаимовлияние двух культур. Ханаанейское влияние сказывалось и в творчестве египетских художников середины—второй половины Нового царства. Однако и на памятниках Ближнего Востока явно прослеживается влияние египетского стиля.²⁶

Ко времени Среднего и Нового Царств относятся различные литературные произведения, описывающие путешествия египтян в страны Азии: например «Повесть о Синухе», «Путешествие Ун-Амуна в Библ» и др. К сожалению, они мало дополняют сведения об одежде жителей стран Ханаана, которые сохранили изображения.

Писцы в Египте, кроме знания своей страны, должны были быть образованы и в географии зарубежных земель. В папирусе Анастаси I писец Хори упрекает другого писца: «Неужели ты не ходил в страну Хета и не видел страны Упи?». Незнание Сирии, Хати (Хета — хеттского государства), Библа, Ливана, Сидона и т.д. считалось невежеством.²⁷

В середине 2-го тысячелетия до н.э. на территории Ханаана было много небольших городов-государств. Семитов, населявших эту территорию, египтяне подразделяли на

оседлых земледельцев и горожан, с одной стороны, и кочевников-шасу (последние в начале XV в. до н.э. жили в Заиорданье, затем расселились по всей территории Южного Ханаана) — с другой. О шасу мы знаем лишь из египетских источников, они не имели письменности и не оставили собственных памятников: позднее эта этническая общность (во всяком случае под таким именем) исчезает с исторической арены. Шасу в основном занимались кочевым скотоводством, но иногда временно селились в городах.²⁸

Египетские памятники донесли до наших дней и изображения «народов моря»: филистимлян, шардана, турша, дануна и др., сыгравших важную роль в истории древней Передней Азии. «Народы моря» двигались, как считают исследователи, от Эгейских островов вдоль южного побережья Малой Азии на юго-восток, частью — морем на судах, частью — по суше. После сражений с египетскими войсками «народы моря» были отброшены от берегов Египта, группа пришельцев обосновалась на побережье Хару. Пришельцев было так много, что египтяне начиная со времени правления XX династии выделяют в Ханаане особый район расселения одного из пришлых индоевропейских народов — пеласти — современную Палестину.²⁹

Кроме того, в поле зрения египтян попадали хурриты, жители государства Митанни, долго оказывавшего сильнейшее влияние на политическую и культурную жизнь региона. Время господства Митанни на Ближнем Востоке приходится в основном на XVII в. до н.э.³⁰ Уже при первых фараонах XVIII династии начинается борьба с Египтом за территорию Хару, и постепенно Митанни было вытеснено оттуда. Однако культурное воздействие Митанни (Нахарайна) в XV—начале XIV в. до н.э. являлось еще достаточно сильным.

Несколько позднее на территорию Сиро-Палестины начинают проникать хетты.³¹ В XIV—XIII вв. до н.э. часть сирийских городов подпала под политическое влияние Хати. Хетты жили среди сирийцев: например, защитниками Кадеша в знаменитой битве Рамсеса II являлись хетты. Сведения о составе пленных, которых приводили из Азии

фараоны XVIII и XX династий, показывают, насколько смешанным было тогда население региона.

Взаимоотношениям Египта с азиатскими государствами посвящена довольно большая литература.³² Многие исследователи занимались вопросами культуры собственно азиатских цивилизаций, изучали язык, искусство, раскапывали и публиковали археологические материалы, письменные источники. Однако специальные работы, посвященные одежде народов Ближнего Востока, отсутствуют.

Вопросы изучения костюма попутно затрагивались многими специалистами. Особенно важна работа В.М.Мюллера,³³ в которой имеется обзор памятников с изображениями переднеазиатских костюмов, но это исследование сильно устарело в связи с изданием новых источников. Нина и Норман де Гарис Дэвис, публикуя росписи гробниц XVIII династии, сделали ряд наблюдений, описали отдельные типы костюмов. Разделы, посвященные одежде тех или иных народов, есть и в трудах Ж.Веркуттера,³⁴ Р.Гивеона,³⁵ В.Хелка.³⁶ Следует отметить, что во всех случаях авторы вышеперечисленных работ основываются на древнеегипетских источниках, хотя пишут об азиатах. Впрочем, эти труды посвящены в основном другим проблемам, и нигде нет не только исчерпывающего анализа, но и более или менее полной сводки материала по одежде народов Ханаана. К тому же в большинстве работ рассматривается либо незначительная группа памятников, либо один народ, сопоставительный анализ практически отсутствует. Исследований, посвященных подробному изучению традиционно-бытовой культуры хеттов, и одежде в частности, также нет. Однако следует отметить статью А.Гётце,³⁷ содержащую лингвистическое исследование текстов, в которых анализируются термины, относящиеся к одежде хеттов; но и этому выдающемуся ученому не всегда удается сопоставить термин и изображение. Очень важное наблюдение сделал в своей монографии о хеттской цивилизации Г.Контено;³⁸ правда, его работа в первую очередь относится к памятникам Малой Азии.

Единственной специальной работой является заметка известного ассириолога Дж. Причарда,³⁹ посвященная изображениям сирийцев в росписях столичных гробниц. Он проанализировал около 200 изображений, выделив четыре типа костюма. Интересный материал дает таблица, отражающая количественное распространение того или иного типа одежды по времени правления фараонов XVIII династии. Однако локальная ограниченность источников, взятых автором, не позволила проверить его выводы другим материалом; временная ограниченность не дала возможности увидеть динамику изменений. К тому же Причард не разделил по костюму народы, жившие на территории Ханаана, объединив их под названием «сирийцы». Все это привело к тому, что во многом выводы автора оказались просто ошибочными. Итак, можно видеть, что пока нет работ, которые бы на современном уровне обобщили богатый материал по одежде народов древнего Ближнего Востока, тем более не существует исследований, посвященных сопоставительному анализу костюма разных народов.

Необходимо также отметить, что египетские источники в связи с тематикой изображений (прибытие посольств с данью, сцены боев, привод пленных в Египет) отразили в подавляющем большинстве случаев именно мужчин, изображений женщин мало. Поэтому, несмотря на то что этнографы особо ценят значимость для традиции и богатство именно женского народного костюма, в данном случае мы будем в основном иметь дело с одеждой мужчин.

Что же представляет собой костюм и насколько важно изучение этого явления? Изучение одежды как части традиционно-бытовой культуры современных народов уже давно стало необходимым разделом любого исследования, посвященного культуре одного или нескольких этносов. Первоначально одежду изучали и описывали лишь как часть материальной культуры, затем обратили внимание на необычайно яркую знаковую костюма, созданного в условиях традиции.⁴⁰ Несмотря на важность чисто прагматических функций костюма, оказалось, что каждый народ создает свой и только свой образ «человека в костюме». Сложная

система формотворчества в одежде позволяет создать, пользуясь довольно ограниченным количеством исходных элементов, множество совершенно неповторимых комплексов, каждый из которых в числе прочих имеет и этническую функцию. Существует определение костюма, данное специалистом в области эстетики М.С.Каганом, охарактеризовавшим его как «замкнутую утилитарно-эстетическую среду».⁴¹ В этом определении прежде всего отражена двойственная природа явления, утилитарного по назначению и эстетического по форме. Из дальнейших рассуждений ученого следует, что им учитывается и высокий уровень информативности костюма. Однако Каган говорит о его бифункциональности, знаковую функцию он относит к утилитарной роли, отрывая ее от эстетических задач. Современной же наукой определен еще ряд функций костюма и связей последнего с другими сторонами культуры — костюм явно представляет собой явление полифункциональное. Например, кроме этнодифференцирующей функции, знаковой по существу и эстетической по форме выражения, можно назвать и функцию эстетизации быта, воспитания и поддержания у человека этнически заданного чувства прекрасного.

Действительно, относительная доступность средств создания костюма практически любому представителю этноса и возможность варьирования его деталей открывают достаточно широкие перспективы как для коллективного, так и для индивидуального творчества. Следует отметить и разноразличную значимость каждого конкретного комплекса одежды для тех или иных целей исследования. Костюм бедняка, естественно, будет максимально прагматичен и минимально значим с точки зрения информативности и эстетики. Костюм богатого человека, напротив, избыточен по средствам выражения, чаще использует мало распространенные в среде соотечественников привозные материалы, декоративные дополнения и т.д. Именно поэтому столь важно из всего множества костюмов отобрать комплекс, обладающий признаками необходимого и достаточного, костюм-символ, как признаваемый большей частью этнической общности,

так и значимый с этой позиции для других этнических групп, этносов и т.д.

Следует заметить, что у любого народа складывается свое представление о красоте, противопоставляемое эстетике соседних народов и являющееся с этой точки зрения элементом национального самосознания. Когда речь идет о народном костюме как об этническом признаке, в основе которого лежит принцип противопоставления «мы—они», прежде всего говорится об определенном зрительном образе. Понятие «красиво—некрасиво» складывается в процессе формирования культуры. Свойственное человеку ритмическое упорядочение среды, давшее толчок развитию эстетических свойств мышления, по мере становления человеческих коллективов приобрело характер «языка», в том числе языка культуры данной этнической общности. Естественно, что ярче всего эстетические характеристики высвечиваются при контакте культур.

История костюма, как и всякого другого явления культуры, требует своего осмысления. Однако в данном случае мы имеем дело с очень неустойчивым, практически не сохраняющимся материалом. Реконструкция производится по едва уцелевшим остаткам или по свидетельствам иного рода — изображениям, описаниям. Имеющиеся описания, как уже говорилось, прибавляют мало конкретного, тем более что составлялись они, как правило, с хозяйственными целями, а не для удовлетворения любопытства потомков.

Особая ситуация складывается и в том случае, когда исследователю для воссоздания картины прошлого приходится пользоваться изобразительным материалом. Следует помнить, что в этом случае мы имеем дело с уже отобранными и обобщенными сознанием художника данными. Причем в разных культурах принцип отбора будет совершенно различным. Художник Нового времени с его индивидуализированным мышлением и четким осознанием ценности своего «я» передает, как правило, то, что поразило его лично, достаточно свободно обращаясь с объектом изображения. Иная ситуация возникает при передаче информации представителями традиционных культур, художественное созна-

ние которых обычно не выходит за рамки отображения реальности, осмысленной коллективно, строго в традициях соответствующей культуры. Степень индивидуального интерпретирования в этом случае невелика, и искажения лежат в области средств выразительности всей культуры в целом. Таким образом, здесь мы имеем дело с уже отобранными египетским искусством типами костюмов азиатов, и лишь немногие черточки, выпадающие из общей картины, будут говорить о подмеченной разнице между общим и особым, свидетельствуя о переменах.

Следует сказать и об ограниченности возможностей исследователя. Да, костюм обладает «языком», но следует помнить, что язык этот — система зрительных образов, обращенная не к логическому аппарату восприятия, а к мгновенно воспринимаемому через зрение особому чувству человека. То, что для выполнения собственно научных задач приходится передавать свои визуальные наблюдения вербальными средствами логики — необходимая издержка, естественно, обедняющая объект, что следует обязательно учитывать. Даже при воспроизведении наблюдаемого в естественном богатстве оттенков и в движении, что немало важно, костюма средствами изобразительной фиксации происходит отсеивание определенных подробностей либо из-за невозможности воспроизведения, либо из-за ненадобности, с точки зрения художника.

¹ О «мире-Двойнике» и соотношении этого понятия с принятым в литературе понятием «загробное царство» см.: *Большаков А.О.* Представление о двойнике в Египте Старого царства // ВДИ. 1987. № 2. С.3—36; *Bolshakov A.O.* The Moment of the Establishment of the Tomb-Cult in Ancient Egypt // AF. 1991. Bd 18, N 2. S.204—218.

² Об этнической и языковой ситуации в Передней Азии этого времени см.: *Дьяконов И.М.* Народы древней Передней Азии // ТИЭ. 1958. Т.39. С.5—7; ИДВ. Ч. II. С.22—23.

³ *Шифман И.Ш.* Культура древнего Угарита (XIV—XIII вв. до н.э.). М., 1987. С.13.

⁴ О роли художественных произведений в качестве незаменимых этнографических источников см.: *Бромлей Ю.В.* Культура как предмет этнографических исследований. Л., 1976, С.27. Памятники искусства при-

влекаются этнографами в качестве источника достаточно часто, но, как правило, исследуются лишь отдельные свидетельства. Полностью собранные и обобщенные изобразительные источники по определенному периоду используются крайне редко; см., напр.: *Сухарева О.А.* Древние черты в головных уборах народов Средней Азии // Среднеазиатский этнографический сборник. М., 1954. С.299—353; *Мешкерис В.А.* Женские чалмообразные головные уборы на кушанских статуэтках из Согда // Костюм народов Средней Азии. М., 1979. С.13—17; *Лобачева Н.П.* Среднеазиатский костюм раннесредневековой эпохи (по данным стенных росписей) // Там же. С.18—48; *Горелик М.В.* Среднеазиатский мужской костюм на миниатюрах XV—XIX вв. // Там же. С.49—70; Древняя одежда народов Восточной Европы. М., 1986; *Сычев Л.П., Сычев В.Л.* Китайский костюм: Символика; История; Трактровка в литературе и искусстве. М., 1975, и мн. др.

⁵ *Большаков А.О.* Указ. соч. С.25.

⁶ *Берлев О.Д.* Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства. М., 1972. С.17—34.

⁷ См.: Krauspe R. Ägyptisches Museum der Karl-Marx-Universität. Leipzig, s.a. Taf.XXIII.

⁸ *Champollion J.F.* Monuments de l'Égypte et de la Nubie, d'après les dessins exécutés sur les lieux. Paris, 1845.

⁹ *Lepsius R.* Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien. Berlin, s.a. Bd III (далее: LD).

¹⁰ *Rosellini I.* I Monumenti dell'Egitto e della Nubia disegnati della spedizione scientifico-litteraria Toscana in Egitto. Pt 1: Monumenti storici. T.I—IV. Pisa, 1832—1833; pt 2: Monumenti civili. T.I—III. Pisa, 1834—1836 (далее: *Rosellini I.* Mon. storici; Mon. civili).

¹¹ *Müller W.M.* Egyptological Researches. Washington, 1906—1910. Vol.I—II (далее: *Müller W.M.* Eg. Res.).

¹² *Wreszinski W.* Atlas sur altaegyptischen Kulturgeschichte. Leipzig, 1923. Bd I; 1929. Bd II (далее: *Wreszinski W.* Atlas).

¹³ *De Caris Davies N.* 1) The Rock Tombs of El Amarna. London, 1905. Pt III: The Tombs of Huya and Ahmes; 2) The Tomb of Nakht. New York, 1917; 3) The Graphic Work of the Expedition // BMMA. 1924. Vol.19 (далее: *De Garis Davies N.* // BMMA. Vol.19); 4) The Tombs of Menkheperasonb, Amenmose and another (Nos 86, 112, 42, 226). London, 1933 (далее: *De Caris Davies N.* Menkheperasonb); 5) The Tomb of Amenmose (N 89) at Thebes // JEA. 1941. Vol.26. P.131—136; 6) The Tomb of Rekh-mi-rē^c. New York, 1943. Vol.I—II (далее: *De Caris Davies N.* Rekh-mi-rē^c), и мн. др.

¹⁴ *Smith W.S.* Interconnections in the ancient Near East. London, 1965 (далее: *Smith W.S.* Interconnections).

¹⁵ *Pritchard J.B.* The Ancient Near East in Pictures. Princeton, 1954 (далее: *Pritchard J.B.* ANE).

¹⁶ *Montet P.* Les reliques de l'art syrien dans l'Égypte du Nouvel Empire. Paris, 1937 (далее: *Montet P.* Reliques).

¹⁷ *Meyer E.* Fremdvölkerdarstellungen altägyptischer Denkmäler: Samml. fotogr. Aufnahmen aus den Jahren 1912—1913. Wiesbaden, 1973.

¹⁸ ВИ. Т.1. С.396—397; ИДМ. Кн.1. С.222—225, 227—234, 243—247; САН³. Р.1—20, 98—129, 352—372; Propyläen Weltgeschichte. Berlin, 1962. Bd 2. Ausg.1.

¹⁹ ВИ. Т.1. С.385.

²⁰ *Janssen J.J.* Eine Beutelize von Amenophis II. und das Problem der Sklaverei in Alten Ägypten // Jaarbericht van het voorasiatisch-egyptisch Genootschap «Ex Oriente Lux». N 17 (1963). Leiden, 1964. S.141—147 (далее: *Janssen J.J.* Beutelize).

²¹ *Sauneron S., Yoyotte J.* Traces d'établissements asiatiques en Moyenne Egypte sous Ramsès II // RdE. 1950. N 7. P.67—70.

²² *Körnfeld W.* Neues über die phönikischen und aramäischen Graffiti in den Tempeln von Abydos // Anzeiger der Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philol.-hist. Kl. Wien, 1978. Bd 115. S.193—204, Taf.18.

²³ *Janssen I.M.A.* Fonctionnaires sémites au service de l'Égypte // CdE. 1951. T.26. P.50—62 (далее: *Janssen I.M.A.* Fonctionnaires sémites).

²⁴ *Богословская И.В., Богословский Е.С.* Сиро-палестинская богиня Кудшу в Древнем Египте // Палестинский сборник. Л., 1978. Вып.26(89). С.140—164.

²⁵ *Givon R.* Le temple d'Hathor à Serabit-el-Khdem // Archeologia. 1972, janv.-fevr. Vol.44. P.64—69.

²⁶ *Helck W.* Die Beziehungen Ägyptens zu Vorderasien im III. und II. Jahrtausend v. Chr. Wiesbaden, 1971. S.367—369 (далее: *Helck W.* Beziehungen); *Шифман И.Ш.* Культура древнего Угарита... С.133—135.

²⁷ *Тураев Б.* История Древнего Востока. СПб., 1913. Т.1. С.347-348; *Коростовцева М.А.* Писцы Древнего Египта. М., 1962. С.48; *Fox M.V.* Egyptian Onomastica and Biblical Wisdom // Vetus Testamentum. 1986. Vol.36, N 3. P.307 (n.12).

²⁸ *Кленгель Х.* Экономические основы кочевничества в древней Месопотамии (в особенности II тыс. до н.э.) // ВДИ. 1967. № 4. С.60—61.

²⁹ *Дьяконов И.М.* Сирия, Финикия и Палестина в III—II тысячелетиях до н.э. // ИДМ. Кн.1. С.222—224; *Шифман И.Ш.* Культура древнего Угарита... С.136—139.

³⁰ *Дьяконов И.М.* Сирия... С.222.

³¹ *Шифман И.Ш.* 1) Культура древнего Угарита... С.137—139; 2) Угарит в системе международных связей // Палестинский сборник. Л., 1986. Вып.29(91). С.21—22.

³² О египетско-сирийских связях см.: *Helck W.* Beziehungen. S.266—289; *Smith W.S.* Interconnections; *Pritchard J.B.* ANE; *Beckerath J. von.* Tanis und Theben: Historische Grundlagen der Ramessidenzeit in Ägypten. Glückstadt; Hamburg; New York, 1951. S.54—59; *Montet P.* Reliques;

ВИ. Т.1. С.330—331; ИДМ. Кн.1. С.222—234; ИДВ. Ч.II. С.245 и след.; Пиотровский Б.Б. Об иноземных предметах в гробнице Тутанхамона // Тутанхамон и его время. М., 1976. С.8, и мн. др.

³³ Müller W.M. Asien und Europa nach dem aegyptischen Denkmälern. Leipzig, 1899. С.319—335 (далее: Müller W.M. Asien).

³⁴ Vercoutter J. L'Égypte et le monde égéen préhellénique. Le Caire, 1956.

³⁵ Giveon R. Les bédouines shosou des documents egyptiens. Leiden, 1971. P.226—227 (далее: Giveon R. Shosou).

³⁶ Helck W. Beziehungen. S.335—342.

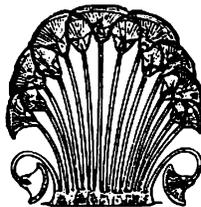
³⁷ Goetze A. Hethite Dress // Corolla Linguistica. Wiesbaden, 1955. S.48—62. Указанием на эту работу я обязана Г.Г.Гиоргадзе.

³⁸ Contenau G. La civilization des Hittites. Paris, 1948. P.130.

³⁹ Pritchard J.B. Syrians as Pictured in the Paintings of the Theban Tombs // BASOR. 1951. N 122. P.36—41 (далее: Pritchard J.B. Syrians).

⁴⁰ Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971. С.297—366.

⁴⁰ Казан М.С. Морфология искусства. Л., 1972. С.201—202.

Глава I

ОДЕЖДА ОСЕДЛЫХ НАРОДОВ ХАНААНА

В середине и второй половине 2-го тысячелетия египтяне выделяли в Азии несколько крупных районов. Ханаан — местное название, но в Египте оно зафиксировано довольно поздно.¹ Для обозначения территории, которую историческая традиция называет Ханаан, египтяне употребляли другой термин — Хару.² Вся территория Ханаана делилась египтянами на несколько районов. Самым большим из них была Сирия, которую они называли Речену.³ Иногда Сирию делили на Северную (Верхнее Речену) и Южно-Центральную (Нижнее Речену). Граница между Северной и Южной Сирией проходила, по-видимому, южнее царства Мукиш, Алеппо и Эмара. Самое побережье Средиземного моря с его давними земледельческими районами и городами — центрами торговли и ремесла — историческая традиция объединяет под названием Финикия.⁴ Египтяне именовали этот район *t^c v fnḫw* — «земли плотников».⁵ На территории Финикии находилась область, из которой в Египет доставляли древесину кедра, — область, ограниченная отрогами гор современного Ливана и Антиливана (егип. Лемнен-Лебилен).⁶ Страна Амурру частично входила в область Финикии, но в основном располагалась в районе Нижнего Речену (Южно-Центральная Сирия). Южнее Финикии египтяне упоминали район Джахи.⁷ Иногда этот термин от-

носят ко всей территории Палестины до Газы включительно, иногда — только к Южной Палестине. Позднее, когда здесь поселилось довольно много пеластов — представителей одного из «народов моря», египтяне начали именовать данный район «Ханаан Палестины».⁸ Между Амурру,⁹ располагавшейся на севере Финикии, и Джахи находился район Упи (Убе).¹⁰

Природные условия указанных местностей весьма различны. Между Египтом и Палестиной лежит пустыня. Одна часть Палестины — нагорья, другая — плодородные долины и оазисы, вдоль Средиземноморья — плодородная равнина, на севере — горы, иногда покрытые снегом. Финикия отгорожена от остальной Передней Азии горами Ливана, богатыми лесом. Сирия частично представляет собой полупустыню, прорезаемую реками, частично покрыта бесплодными лавовыми полями. В этом регионе не имелось рек с сильными разливами, которые могли бы дать возможность возникнуть мощному централизованному государству, и было достаточно оазисов и плодородных долин, где уже с глубокой древности существовали небольшие земледельческие поселки.¹¹ На рубеже 3—2-го тысячелетий до н.э. на территории Ближнего Востока в долинах рек располагалось множество городов-государств. Народы, населявшие эту территорию, говорили в основном на западносемитских языках. Среди ремесел, славившихся и в других странах, получили развитие ткачество, изготовление шерсти, позднее — крашение шерсти индиго, что принесло, в известной мере, процветание региону.

Египетские источники не зафиксировали терминов, которые можно было бы с уверенностью отнести к разряду этнонимов, хотя египтяне хорошо знали народы Ближнего Востока. Были ли они близки в этническом отношении, осознавали ли близость между собой, на современном уровне развития науки сказать трудно. Главной для представителя того или иного города-государства являлась принадлежность к данному политическому образованию. Египетские источники называют представителей оседлого населе-

ния Азии либо по географическому признаку: финикиец, сириец, либо — по политическому: князь Кадеша, житель Амурру, Митанни и т.д.

Подобные ситуации в развитии этнического самосознания раннеклассовых обществ уже были исследованы на материалах других регионов. На основании анализа материалов по Нижнему Конго О.С.Томановская писала как о существовании самоназвания «по землям» (географический принцип), так и по принадлежности к тому или иному политическому объединению.¹² Л.Е.Куббель показывает эволюцию от этнопотестарных структур в доклассовом обществе к этнополитическим¹³ — в раннеклассовом.

Однако отсутствие общего самоназвания прямо может говорить лишь о степени этнической консолидации оседлого семитского населения. Для того чтобы понять, имеем ли мы дело с одним этносом или их группой, следует изучить всю совокупность этнических признаков, тем более что язык и другие элементы культуры свидетельствуют, по крайней мере, об общности происхождения. Одежда как один из компонентов традиционно-бытовой культуры, к тому же обладающий повышенной знаковостью, может дать возможность проследить степень этнической консолидации оседлых семитов по одному из значимых признаков.

Мужская одежда жителей Хару

1. Одежда оседлых жителей Сирии (Речену). Самые ранние изображения жителей Сирии в египетских гробницах относятся ко времени правления фараонов Аменхотепа I—Тутмоса III (XVI—XV вв. до н.э.). В этот период египетские войска совершили целый ряд походов в Сирию, Тутмос I нанес тяжелый удар могуществу Митанни, имевшему большое влияние в Сирии. Тутмос III покончил с доминирующим влиянием Митанни на Сирию и совершил не менее 15 походов в Хару.¹⁴ В Египет хлынул поток дани от городов-государств Ханаана. Гробница сановника Рехмирэ (№ 100 в Западных Фивах) — не самый ранний комплекс

изображений чужеземцев, но из ранних — самый подробный. Поэтому рассмотрение одежды сирийцев мы начнем именно с этой гробницы, датированной временем правления Тутмоса III—Аменхотепа II.¹⁵ Художник показал в ней длинную череду людей (посольство из Северной Сирии, как сообщает приписка): мужчин, женщин, детей, несущих всевозможные дары, везущих коней, слоненка и медведя в дар фараону. Мужчины изображены неодинаково. Среди них есть и бритоголовые (их большинство), и обладатели пышной шевелюры, стянутой надо лбом лентой. У многих мужчин — небольшая клинообразная бородка, переходящая в узкие бакенбарды; у одного — густая, окладистая борода.¹⁶

Мужские одежды данников из гробницы Рехмирэ делятся на две группы. Большинство сирийцев¹⁷ показаны одетыми в узкие сшитые рубахи, опускающиеся по длине несколько ниже икр. Они выкраивались из одного куска ткани. Благодаря тому что швы не являлись потайными, а одновременно служили и декоративным убранством, можно легко восстановить покрой такого одеяния. Рубаха состояла из двух основных деталей — передней и задней половин; плечо было спущенным и дополнялось одной или двумя деталями рукава. Верхний плечевой шов проходил от шеи до кисти, а нижний шов рукава шел от кисти к подмышке и соединялся с боковым швом собственно рубахи. Соединительные швы на рукавах, так же как и край выреза горловины и подшивка края рубахи и рукавов, сверху украшались вышитой декоративной тесьмой; иногда это был вытканый узор. В некоторых случаях декоративный шов украшал рубаху спереди — от выреза горловины вниз до подола. Отсутствие такого шва на отдельных изображениях показывает, что он не являлся конструктивным швом одежды. Вырез рубахи иногда делали глубоким и стягивали шнурком из цветных нитей, при этом часть горловины образовывала каплевидное отверстие ниже узла.

Такие рубахи шили из неокрашенного льна (на изображениях в гробницах они белого цвета), швы же выполняли

цветными нитками, например голубыми и красными.¹⁸ Концы нитей часто бывали выпущены из ткани одежды и образывали кисточки на подоле. На цветных воспроизведениях видно, что кисти делались из тех же нитей, что и вышивка.¹⁹ Орнамент мог состоять либо из нескольких полос, либо из зигзагообразной линии между двумя прямыми, либо из точек между крайней цветной линией и белым полем собственно рубахи.

На некоторых изображениях (гробница Амунеджеха № 84, Зап. Фивы) ясно видна туникообразная одежда. От рубахи она отличается лишь тем, что выкроена без плечевого шва, остальные конструктивные особенности рубахи и туники сходны.

Достоверность реконструкции по изображениям указанных типов одежды мы можем проверить на прекрасно сохранившихся подлинных образцах, найденных в гробнице Тутанхамуна.²⁰ Издатели одной из туник доказали, что ее сделали в Египте сирийцы. «Туника Тутанхамуна» немного (к счастью, несущественно) отличается от тех рубах, которые мы видим на изображениях в гробнице Рехмирэ. Прежде всего, она выкроена без плечевого шва, т.е. действительно является туникой. Кроме того, ее размеры (113,5×95 см) показывают, что она была широкой, в отличие от тех, которые мы видим на изображениях. Возможно, такую тунику носили с поясом. В этом случае мы встречаемся еще с одной особенностью древнеегипетского искусства. Поскольку туника, надетая на тело, скроет всю фигуру, художник изображает ее таким образом, чтобы контур тела был виден. Буквальное правдоподобие его не интересует.

Туники, найденные в гробнице Тутанхамуна, изготовлены из льняной ткани. Орнамент (частью гобеленового тканья, частью на накладных вышитых полосах) очень напоминает таковой на рубахах азиатов, показанных в гробницах Нового царства. Уникальной для Египта, но характерной для рубах сирийцев является отделка ворота: горловины обшита накладной полосой с геометрическими и растительными мотивами; на груди поперечная полоса образует

крест. Подобный крест мы видим у сирийцев из гробницы Себекхотепа (№ 63, Зап. Фивы).²¹

«Туника Тутанхамуна» является важным материальным памятником, подтвердившим правильность произведенной по изображениям реконструкции кроя и системы отделки мужской одежды сирийцев. Неизбежные отклонения в конструкции или украшении свидетельствуют лишь о том, что жестких образцов или канонов костюма не существовало. Разнообразие одежд, изображенных в гробницах, подтверждает это.

Меньшая группа мужчин²² в росписях гробницы Рехмирэ одета в короткие (выше колен) опоясания(?).²³ Спереди они оканчиваются ровно срезанным выступом. Такую одежду, в отличие от имеющей горизонтально выкроенную переднюю часть, отдельные исследователи относят к опоясаниям эгейского типа, характерным для жителей о-ва Крит и других областей догреческого мира, которые египтяне называли страной кефтиу.²⁴ В гробнице Рехмирэ в таких опоясаниях показаны внешне ничем не сходные с кефтиу мужчины.²⁵ К тому же вся ткань опоясания кефтиу богато орнаментировалась. В гробнице же Рехмирэ орнамент или рисунок на ткани отсутствует.

Поверх опоясаний и длинных рубах некоторые сирийцы одеты в плащ-накидку, покрывающий одно плечо. Часть края плаща отделана бахромой.

На двух бригоголовых мужчинах — шляпы с полями, сделанные из стеблей какого-то растения. Стебли уложены от вершины конуса к краю и скреплены с верхней стороны ободом, а выступающая часть стеблей образует поля. Все изображенные сирийцы, мужчины и женщины, показаны босиком.

Мужские одежды, подобные описанным, носят и жители Сирии в росписях чуть более ранних гробниц или того же времени, но там либо сами изображения менее подробны, либо хуже сохранились. Из них гробница Инени относится ко времени правления Аменхотепа I—Тутмоса III (№ 81, Зап. Фивы),²⁶ Интефа (№ 155, Зап. Фивы) — ко

времени Хатшепсут—Тутмоса III,²⁷ Усера (№ 131, Зап. Фивы) — ко времени Тутмоса III,²⁸ неизвестного чиновника (№ 119, Зап. Фивы) — ко времени Хатшепсут—Тутмоса III.²⁹

Несколько отличается от описанного типа рубахи лишь мужская рубаха в росписях гробницы Усера. На воспроизведении видно, что ее верх до талии был выкроен отдельно — об этом можно судить по тому, что при изображении рубахи обозначен шов на талии. Особенность данного изображения состоит еще и в том, что декоративные швы отмечены не только на местах конструктивных соединений. Один из швов проложен от талии вниз по центру; кроме того, небольшие полосы вышивки расположены на груди горизонтально.

Ко времени правления Тутмоса III относится и гробница Менхеперрасенба (№ 86, Зап. Фивы).³⁰ Ценность ее росписей определяется прежде всего тем, что в приписках названы города, из которых прибыли показанные в них сирийцы.

В верхнем ряду росписей среди прибывших с дарами князей художник показал князя Тунипа — города, расположенного в центре Сирии (Нижнее Речену). Ни внешне, ни по своей одежде князь не отличается от сирийцев Верхнего Речену из гробницы Рехмирэ. Правда, на его белой рубахе не обозначены швы, соединяющие рукав со станом, но такую частность вряд ли можно считать принципиальным отличием.

В нижнем ряду росписей сохранилось изображение князя Кадеша, белая длинная рубаха которого отличается от одежд других сирийцев лишь тем, что у нее короткие рукава. Сопровождающие князя люди одеты тоже в рубахи, но с длинными рукавами, имеющими шов на уровне локтя. Все одежды украшены вышивкой с геометрическим орнаментом, выполненной красными и голубыми стежками по белому фону. У некоторых одеяний видны кисти из ниток вышивки, расположенные по краю подола.

Почти все сирийцы, изображенные в гробнице Менхеперрасенба, показаны бритоголовыми, с небольшой узкой

бородкой; только двое из них носили пышные волосы, перевязанные лентой.

Среди приносящих дары азиатов обращают на себя внимание кефтиу. В составе посольства они выделены как внешне, так и по костюму и названы в пояснительных приписках. Их опоясания выполнены из узорчатой ткани, причем рисунок на ткани не четкий, геометрический, а своеобразный по стилю, гибкий. Художники различали и цвет кожи у сирийцев и кефтиу: сирийцы — светлокожие, с серыми глазами, а кефтиу — более темнокожие, кареглазые. Цвет волос у тех и других темный; у сирийцев изображена борода красноватого цвета.

Группа князей Сирии, показанная в гробнице Амунеджеха (№ 84, Зап. Фивы) времени правления Тутмоса III,³¹ несколько отличается от сирийцев из росписей гробниц Менхеперрасенба и Рехмирэ: часть изображенных данников одета не в рубахи, а в одежду туникообразного кроя, без плечевых швов.

Примечательно, что среди сирийцев представлен и князь Митанни (Нахарайна).³² Сирия почти два века находилась под хурритским влиянием, которому положили конец только египетские завоевания начала XVIII династии. В гробнице Амунеджеха запечатлен момент принесения дани князем Нахарайна. Для нас же особое значение имеет тот факт, что хуррит одет так же, как князья Кадеша и Тунипа.

Фигура митаннийского князя повреждена, но рядом с ней художник показал сопровождающего его человека; оба изображения совершенно тождественны. Хурриты, так же как и сирийцы, бритоголовы, имеют небольшую бородку; их одежда состоит из длинных туник с рукавами, закрывающими всю руку, и стянутым у шеи воротом. Как и все изображенные сирийцы, они показаны босыми.

Среди одежд сопровождающих князей лиц вновь встречаются опоясания кефтиу. Некоторые исследователи считают наличие таких опоясаний на сирийцах ошибкой, но для «ошибок» их слишком много. Кефтиу нередко участвовали в посольствах из Азии, но все же опоясания кефтиу на

сирийцах встречаются еще чаще. По-видимому, кефтигу жили в это время не только на островах, но и в Передней Азии, поэтому нет ничего странного в том, что они входили в состав посольств, а форма их одежды могла быть воспринята соседствовавшими с ними группами азиатов.³³

В гробницах Пуизэра (№ 39, Зап. Фивы) времени правления Тутмоса III³⁴ и Небамуна (№ 17, Зап. Фивы)³⁵ изображения сирийцев ничем существенно не отличаются от рассмотренных.

В гробнице Небамуна сохранилась сцена посещения египетским врачом сирийского князя, прибывшего в Египет с данью. Князь сидит на табурете, позади, обняв его за плечи, стоит жена, а врач наливает в чашу лекарство. Более высокое по сравнению с другими людьми общественное положение князя и его жены подчеркнуто размерами их фигур: египетский врач и слуги-сирийцы в одном, меньшем, размере, князь же и его жена — крупнее. Сирийцы показаны в длинных рубахах и опоясаниях, причем в опоясания одеты именно слуги.

К несколько более позднему периоду относятся изображения из гробниц Себекхотепа (№ 63, Зап. Фивы; время Тутмоса IV),³⁶ Аменемхеба (№ 85, Зап. Фивы; время Тутмоса III—Аменхотепа II),³⁷ Аменмосе (№ 89, Зап. Фивы; время Аменхотепа III)³⁸ и из гробницы № 91 (Зап. Фивы; время Тутмоса IV—Аменхотепа III).³⁹ В этих росписях сохранились изображения представителей самых разных народов. В гробнице № 91 показаны князья хеттов и митанийцев, в гробнице Аменмосе — князья Северной и Южной Сирии; среди них вновь появляются представители эгейского мира. Все одеты одинаково. Их одеяние состоит из белой рубахи и полосы ткани того же цвета, укутывающей нижнюю половину туловища по спирали; край ткани отделан каймой. Иногда кусок ткани закреплен на талии широким поясом, завязанным так, что петля выступает вверх, а концы свисают вниз.

В указанных росписях появляется изображение наплечной накидки с закругленными спереди краями. В отличие

от той, которую мы встретили в росписях гробницы Рехми-рэ, она покрывает только плечи и часть рук. Накидку носили поверх рубахи.⁴⁰ В гробницах более раннего времени сочетание накладки и рубахи не наблюдалось. Кроме таких сложных одеяний в тех же гробницах есть изображения простых рубах; в росписях из гробницы Аменемхеба князья одеты в сложные одежды, сопровождающие их люди — в более простые.

В гробнице Себекхотепа на груди белой рубахи одного из сирийцев имеется вышивка в виде креста, продолжающая шейный вырез.⁴¹

Гробница Харемхеба (№ 78, Зап. Фивы; время Тутмоса III—Аменхотепа III)⁴² открывает группу изображений сирийцев в совершенно ином одеянии, чем на памятниках более раннего периода и даже того же времени. Сирийцы-мужчины показаны обнаженными до пояса, а нижнюю часть корпуса и ноги закрывает длинный кусок ткани, обмотанный вокруг ног и бедер по спирали и удерживаемый на талии поясом. Ткань, из которой сделано опоясание, имеет чередующиеся светлые и темные полосы. Возможно, она была выткана или окрашена таким образом, но может быть, что два контрастных по цвету куска ткани были сшиты вдоль. Подобное опоясание у египетских изображений встречается раньше всего в гробнице Харемхеба;⁴³ случаи заворачивания тела в драпировки с той поры будут попадаться постоянно.

В гробнице Харемхеба показаны и опоясания иного типа: короткие, с небольшим выступом спереди. Край ткани, при оборачивании оказывавшийся наверху, у них выкроен закругленно.⁴⁴ Спереди у опоясания слишком большие тесемки, и выпущены они там, где должны быть кисточки. К сожалению, эти изображения не подписаны отдельно, и потому трудно объяснить их явное несходство с другими одеждami сирийцев.

Совершенно иной тип одежды преобладает на памятниках более позднего времени (XIV в. до н.э. и позднее). К нему относятся костюмы сирийцев в росписях дворца Аменхотепа III,⁴⁵ гробницы Хеви (№ 40, Зап. Фивы; время Ту-

танхамуна),⁴⁶ на рельефах гробницы Харемхеба в Мемфисе,⁴⁷ на изображениях из амарнских гробниц,⁴⁸ Карнака (время Тутанхамуна),⁴⁹ ряда памятников прикладного искусства. Среди последних важное место занимают предметы с изображениями чужеземцев, найденные в гробнице Тутанхамуна: ларец, на одной из боковых стен которого — сцена битвы с сирийцами,⁵⁰ посох Тутанхамуна с фигурой пленного азиата,⁵¹ деталь резного деревянного табурета с группой пленных,⁵² вышивка с изображениями чужеземцев,⁵³ колесница Тутанхамуна,⁵⁴ а также колесница Тутмоса IV,⁵⁵ украшенная сценами битв с чужеземцами. Все они, за исключением изображений из гробницы Хеви, не подписаны, и невозможно с уверенностью сказать, кто именно — сириец или житель Южного Ханаана — показан на том или ином памятнике. Однако свидетельства подписи в гробнице Хеви о распространении такого типа одежд как в Северной, так и Южной Сирии и присутствие подобных одеяний на более поздних надписанных памятниках из Южного Ханаана позволяют говорить о распространении их по всему району Хару.

Подобные изображения можно видеть и на переднеазиатских памятниках, например на бронзовой пластинке из Хацора,⁵⁶ саркофаге Ахирама,⁵⁷ стеле из Рас-Шамры.⁵⁸

Азиаты, показанные на перечисленных выше памятниках, одеты в костюмы, которые напоминают некоторые виды индийских сари. Надевая такое сари, длинный кусок ткани оборачивали по спирали вокруг ног, бедер и груди, конец ткани закрепляли где-то сзади, плечи закрывали накидкой. Подобная накидка уже встречалась в сочетании с рубахой,⁵⁹ но на некоторых скульптурных изображениях из Передней Азии⁶⁰ видно, что это не накидка, а конец самого одеяния, укутывающий плечи. Возможно, что бытовали оба варианта: и отдельная оплечная накидка, и целое одеяние, закрывающее даже плечи. Ткань закреплялась на талии широким поясом с узлом-петлей. На ряде изображений заметно, что пояс состоял из нескольких полос — шнуров или тесемок; он завязывался так, что петля выступала вверх, а концы с кистями падали вниз.⁶¹

Ткань, из которой делались одеяние и накидка, как правило, была цветной, но в некоторых случаях могла быть и одноцветной с узором и цветным кантом по краю.⁶² Чаще же всего памятники показывают образцы контрастных по цвету сочетаний (красную полосу сменяет синяя: синий с белым узор на красном фоне; красный с белым — на синем; черно-сине-красный орнамент на белом фоне образует кант).⁶³ Подобное чередование цветных полос в одеянии достигалось, видимо, лишь тем, что ткань была неоднородной в длину, т.е. то ли выткана с продольными полосами, то ли просто сшита из двух кусков. Этим же можно объяснить и большое количество оборотов ткани вокруг тела. Узкую ткань было бы невозможно удержать на теле с помощью одного пояса. В отдельных же случаях видно, что кусок ткани для драпировки сшит из разных по структуре тканья частей, так как направление нитей передано художником.⁶⁴ Иначе говоря, в данных случаях одеяние делалось из достаточно широкой полосы ткани (изображение на посохе Тутанхамуна), в других — полоса могла быть сшита по длине из двух частей (росписи гробницы Хеви) или даже из многих (изображения на колеснице Тутанхамуна).

Длина ткани подтверждается интересным письменным свидетельством. На многих изображениях более позднего времени мы видим, что людей втаскивают на крепостные стены с помощью длинных кусков ткани. В описании же битвы под Мегиддо прямо сказано, что когда осажденные заперли городские ворота, то оставшихся за пределами крепости воинов втаскивали на стены с помощью одежд. Следовательно, длина куска ткани, образывавшей одежду, должна быть большой.⁶⁵

На изображениях одежд жителей Хару египтяне передавали в основном небольшие четкие геометрические орнаменты и рисунки. Иногда они сочетаются с крупным рисунком, напоминающим ветвь или виньетку.⁶⁶ На более поздних изображениях такая «ветвь», расположенная вдоль куска ткани посередине, сочетается с мелким геометрическим орнаментом.⁶⁷ Но все же гибкость и мягкость линий,

насыщенность орнамента завитками, по египетским представлениям, была принадлежностью стиля кефтиу.⁶⁸

На многих изображениях одежд сирийцев видны «рукава», выступающие из-под верхней накидки. «Рукава» образовывали полосы ткани, которые обматывались вокруг руки. По поводу таких «рукавов» в одежде шасу Р.Гивеон пишет, что они представляют собой своеобразные защитные наручья из льна, являющиеся частью воинской одежды.⁶⁹

Изображения же азиатов в гробнице Хеви, на некоторых рельефах колесницы Тутанхамуна и на его посохе — явно изображения мирных жителей, князей и сопровождающих их людей. Поэтому приходится заключить, что обычай обматывать руки узкими полосами ткани существовал у семитов и в мирное время.

На перечисленных выше памятниках уже гораздо больше сирийцев, чем в предшествующее время, показано пышноволосыми (в гробнице Хеви изображен 21 сириец, из них 12 — с пышными волосами). Бороды у азиатов небольшие, иногда подстриженные клином; у некоторых мужчин борода захватывает края щек. У семитов на рельефах гробницы Харемхеба в Мемфисе, на посохе и колеснице Тутанхамуна видна широкая борода округлой формы.

На тех же памятниках представлены и жители Хару в различной формы опоясаниях. В росписях гробницы Хеви (№ 40, Зап. Фивы) в черед с слуг-сирийцев, несущих дары, восемь человек показаны в коротких опоясаниях с длинными кистями внизу и бахромой по вертикальному срезу сбоку. Верхняя часть тела у них обнажена. Среди сирийцев, одетых в опоясание, только один обладает пышной прической, остальные — бритоголовые. Опоясание мы видим и на одном из азиатов из гробницы Харемхеба в Мемфисе.⁷⁰ Это опоясание сделано с кистями на поясе и сзади внизу. У семита на рельефе из гробницы Харемхеба пышная прическа повязана не одной налобной лентой, как обычно, а двумя — налобной и идущей поверх прически, через самый верх головы.

Опоясание сирийского покроя, по-азиатски цветное, носили и сирийцы, жившие в самом Египте. На одной из амарнских стел⁷¹ сохранилась живая сценка: сириец-солдат, пьющий пиво, его жена-египтянка и их сын. Из всех членов семьи только сам сириец одет не по-египетски.

Большое разнообразие типов опоясаний показано в сценах битв с азиатами на колеснице Тутмоса IV.⁷² На изображениях есть и семиты, задрапированные в куски ткани, но множество людей одеты в короткие прямые опоясания. Некоторые показаны в опоясаниях из драпированной ткани, аналогичных изображенным в гробнице Харемхеба (№ 78, Зап. Фивы). Все опоясания сделаны из узорчатой ткани. У ряда мужчин они держатся на широких лямках из той же материи. У нескольких азиатов явно различимы короткие одноцветные рубашки, заправленные в опоясания. Многие воины изображены с амулетами на груди, у некоторых на круглых амулетах виден крест; у одного азиата крест вышит на рубахе отдельно от обшивки ворота. Как в рельефах на колеснице Тутмоса IV, так и в гробнице Хеви (№ 40, Зап. Фивы) опоясания показаны подвязанными простым поясом без узла-петли. Опоясание же, обернутое вокруг бедер по спирали, имеет пояс с узлом-петлей.

Примерно половина мужчин, изображенных в сцене боя на колеснице, представлена пышноволосями, почти все — с широкой бородой округлой формы.

В сцене боя появляется деталь, по-видимому, военного одеяния: колесничий-азиат одет в боевой шлем с длинной кистью наверху. Изображение таких шлемов в гробнице Менхеперрасенба в качестве дани показывает, что египтяне их ценили. Среди даров и дани из Ханаана художники постоянно изображали и куски ткани, так как Сирия и в особенности Финикия славились ткачеством и окраской тканей.⁷³ Сирийских пленных в Египте часто использовали в качестве ткачей.⁷⁴

Одеяния-драпировки представлены и в росписях гробницы Пенха (№ 239, Зап. Фивы; время Тутмоса IV—Аменхотепа II),⁷⁵ но там они еще показаны среди длинных рубах (в рубахах одеты трое из девяти изображенных). У одного

из одетых в рубаху азиатов на груди ясно виден крест, но не вышитый, а надетый на обруче поверх одежды.

В росписях анонимной гробницы № 226 (Зап. Фивы, время Аменхотепа III)⁷⁶ тоже чередуются одетые в белые рубахи и задрапированные в ткань мужчины. В этом случае мы имеем дело не с обычными сценами приношения дани, привода пленных или боя, а с декоративным рядом, служащим украшением подножия трона фараона. Художник изобразил самые типичные для него образы чужеземцев: негра, азиата в рубахе и азиата в драпировке. Очевидно, два типа населения Ханаана, различавшиеся одеянием в XV в. до н.э., сосуществовали и встречались примерно одинаково часто.

Завершая изучение источников времени правления XVIII династии, можно отметить, что более ранние памятники донесли до нас свидетельства существования на территории Сирии сшитой одежды типа «рубаха», которую выполняли из белой ткани и украшали вышивкой и тканым узором. Кроме этой одежды бытовали и туники, т.е. сшитая одежда без плечевого шва. Делали ее из тех же материалов, что и рубахи, и украшали так же.

Начиная же со времени правления Аменхотепа II—Тутмоса IV азиаты все чаще появляются в несшитой одежде из длинного куска ткани, обернутого вокруг туловища, и с накидкой на плечах. Оба типа одежды были распространены и в Северной, и в Южной Сирии.

В одеяниях типа «рубаха» и «туника» египетские художники показали и хурритов, в то время как в несшитой одежде (наподобие сари) их никогда не изображали. В связи с этим следует вспомнить, что Митанни, имевшее сильное политическое и культурное влияние на Сирию, было разгромлено египтянами. Очевидно, на примере смены типов одежды можно заметить, как Сирия постепенно освобождалась от влияния северных соседей, заменяя митаннийскую рубаху одеждой другого типа. Интересные свидетельства относительно этой одежды донесли до нас хеттские письменные источники.⁷⁷ Среди прочих ее названий встречается термин *tüg. GÜ.É a ḫurri* — «туника хурритс-

кая». Следовательно, хетты осознанно выделяли такой тип одежды, как хурритский. Делали ее из шерсти, украшали золотом и серебром. Следует помнить, что сведения дошли прежде всего из текстов, касающихся ритуалов царя или царских подарков. Упоминаются также туники, посланные из Алалаха (Сирия) Тушраттой митаннийским фараону.⁷⁸ Среди других подарков перечисляются хурритские туники из полотна. А.Гётце делает вывод о идентичности египетских изображений рубахи названной митаннийской тунике, но вслед за Дж.Причардом⁷⁹ указывает на изображение переходного типа: поверх туники ноги и бедра укутаны полосой белой ткани. Таким образом, можно считать доказанным, что рубаха туникообразного покроя и для египетских художников, и для хеттов была традиционным элементом одежды именно хурритов.

Опоясания нескольких видов покроя сосуществуют почти на всех изображениях; на ряде памятников можно было заметить, что опоясание было одеждой простых людей.⁸⁰ Азиатские князья всегда одеты либо в рубаху, либо в костюм из драпирующейся ткани. Люди, окружающие князей (видимо, родственники или приближенные), одеты в те же или почти те же одежды, что и сами князья.

В группе памятников XIX—XX династий (XIII—XII вв. до н.э.) самыми ранними являются рельефы из Карнака времени правления Сети I. Один из них посвящен битве за город Кадеш (Кинза).⁸¹

Защитников сирийской крепости художник показал в одежде двух типов. Один из них — сочетание задрапированного опоясания и рубахи с короткими рукавами; опоясание укреплено на талии поясом с узлом-петлей. Другой тип одежды представляет собой полное драпирующееся одеяние с оплечной накидкой. Почти все изображенные кадешцы показаны пышноволосями, двое из них одеты в боевые шлемы такой же формы, как и шлем колесничего в сцене боя на рельефах колесницы Тутмоса IV.⁸²

Художник подметил и интересную деталь. В то время как защитники крепости отражают нападение египтян в лесу около города, а в самой крепости люди с курильницами

в руках возносят моления богам о помощи, один сириец угоняет скот из крепости в лес. Он одет в короткое опоясание, а через плечо перекинута сумка.

От времени правления Сети I мы имеем и другие свидетельства распространения в Сирии одежды из драпирующейся ткани. Например, в нее одеты пленники из области Тихи, находившейся, судя по содержанию надписей, в Южной Сирии.⁸³ Так же одеты пленники из Хару, приведенные в Египет Сети I.⁸⁴

На храмовых рельефах времени правления XIX династии такие одеяния показаны несколько иначе, чем на памятниках второй половины XVIII династии. Если прежде художники отмечали три-четыре оборота ткани до талии, то начиная с XIV в. до н.э. отмечают либо один, либо два оборота до талии. Следовательно, или жители Хару стали изготавливать ткань более широкой, или они употребляли полотнище, сшитое из нескольких узких полос. Из-за разницы в цвете кусков, которую передавали более подробные изображения XVIII династии, каждый оборот ткани мог выглядеть как два. Тот же эффект мог быть достигнут, если полотнище было соткано полосатым.

От первых лет правления Рамсеса II дошли рельефы с изображением штурма города Дапура.⁸⁵ Это был самый южный из аморитских городов, расположенных между отрогами гор Ливана и Антиливана, не очень далеко от Кадеша; его сопоставляют с библейским Табором.⁸⁶ Жители Дапура носили те же одежды, что и остальные сирийцы.

Через некоторое время египтянам вновь пришлось брать Дапур; на сей раз их противниками были хетты.⁸⁷ По этому поводу В.М.Мюллер высказал предположение, что хеттский гарнизон наняли жители Дапура, хотя тогда все остальные города в борьбе с египтянами еще полагались на свои силы.⁸⁸

Изображения сирийцев в одеяниях из задрапированной ткани имеются и на многих других рельефах. Так одеты сирийские воины; в тех же одеждах показаны те, кто на стенах осажденных крепостей возносит моления с курильницами в руках (вероятно, жрецы).⁸⁹ На груди одного из

изображенных в храме Бет-эль-Вали азиатов мы вновь видим амулет в виде креста.⁹⁰

Сцены привода в Египет пленных и отдельных битв показывают, что в некоторых сирийских городах и районах был смешанный в этническом отношении состав населения. С этой точки зрения интересны изображения знаменитой Кадешской битвы, произошедшей в 5-м году правления Рамсеса II. Защитниками Кадеша, как и в Дапуре, выступали хетты. Изображения битвы сохранились и в Рамессеуме, и в Луксоре, и в храме Рамсеса II в Абу-Симбеле. Рельеф из Луксора⁹¹ показывает не только саму битву, но и горожан-сирийцев, столпившихся на стенах крепости и за городскими оградами внутри вала. Среди жителей — оседлые сирийцы в обычных, уже описанных выше, одеяниях и кочевники-шасу.

Тот же тип одеяния мы видим на пленниках из Амурру,⁹² на жителях города Тунипа и неизвестной «сирийской крепости».⁹³ Их изображения, как и росписи гробницы Рамсеса III,⁹⁴ и глазурованные таблички из Мединет Абу,⁹⁵ относятся ко времени правления Рамсеса III (XII в. до н.э.).

II. Одежда оседлых жителей Южного Ханаана. Территория Южного Ханаана ближе других азиатских областей расположена к Египту, и потому она была завоевана им раньше и находилась под более надежным контролем.

В этом районе во времена Нового царства жили семиты-земледельцы и кочевники-шасу. Позднее здесь появились филистимляне и другие «народы моря».

Самыми ранними подписными изображениями ханаанеян являются храмовые рельефы времени правления Сети I (конец XIV в. до н.э.).

На одном из таких рельефов в Карнаке мы видим штурм крепости Йеноама.⁹⁶ Местонахождение этого города точно не установлено; из надписей ясно, что он был расположен вблизи Бет-Шана⁹⁷ и, во всяком случае, находился в Южном Ханаане.⁹⁸ На рельефе изображена небольшая крепость, окруженная лесом, в котором спряталась часть населения. Пышные, густые волосы ханаанеян достигают плеч,

надо лбом они завязаны лентой; борода, как правило, очень широкая, окладистая. Среди жителей Йеноама есть и бритоголовые — двое из приблизительно 20 изображенных (воспроизведение, к сожалению, не захватывает всего рельефа). Одежда аналогична костюму жителей Сирии: несшитое одеяние, обернутое вокруг тела, наплечная накидка, пояс с узлом-петлей.

В аналогичную одежду облачены пленные, которых Сети I привел из Хару.⁹⁹ Видно, что их одеяние выполнено из широкой ткани, что дало возможность не делать несколько оборотов до талии, поскольку ширины куска хватало на один оборот.

Среди городов, завоеванных египтянами при Рамсесе II, были Джаи (на границе Египта и Ханаана),¹⁰⁰ Мутир (Северный Ханаан),¹⁰¹ Каи-ча-исру (район Ашер),¹⁰² Сабат (о нем известно, что это был ханаанский город),¹⁰³ город, название которого сохранилось лишь частично — «руджа», располагавшийся возле Мутира,¹⁰⁴ и Аскалон.¹⁰⁵ Кроме того, один из рельефов храма Сети I в Абидосе¹⁰⁶ посвящен сцене привода Рамсесом II пленных из Ханаана. Все рельефы, изображающие взятие этих городов, показывают, что и при Рамсесе II земледельцы Южного Ханаана продолжали носить ту же самую несшитую одежду и те же прически, какие встречались в Сирии и были описаны выше.

Рельеф со сценой взятия Мутира¹⁰⁷ также дает представление об опоясаниях, которые носила часть населения. Такое опоясание было коротким и достигало лишь середины икр; передняя часть выкраивалась углом, причем из-под нее выступала полоса ткани (вероятно, концы длинного пояса, завязанного сзади). Пояс с петлей, обычный для драпирующегося одеяния, здесь отсутствует. На этом рельефе в опоясаниях изображены люди с оружием в руках, а в длинных одеяниях — люди без оружия. Один из ханаанеян, одетый в короткое опоясание, торопливо загоняет скот в лес, где уже укрылась часть жителей.

В гробнице Сети I сохранилось изображение представителей покоренных народов, среди которых — ханаанеяне

(ааму).¹⁰⁸ Все четверо ханаанеян — пышноволосые, с большой бородой. Одеты они только в короткое опоясание с длинными кистями. Почему этот обобщенный образ ханаанеянина отличен, например, от изображения жителей Йеаноама, не совсем ясно. Возможно, здесь были показаны представители определенных социальных или этнических групп.

Таким образом, одежда жителей Ханаана — оседлых земледельцев и ремесленников — не отличалась от одежды оседлого населения Сирии.

III. Мужская одежда оседлых жителей Финикии. Область Ливана часто упоминается в египетских документах как область распространения кедра, древесину которого вывозили в Египет. Она шла, в частности, на постройку больших судов. Кедр для египтян стал иконографической деталью пейзажа Ливана, его символом. Ливан, как и другие районы Финикии, был заселен семитами, преобладающим видом хозяйства которых являлось земледелие, но в городах-портах Средиземноморья сосредоточились центры ремесла и морской торговли. Финикийцы изготовляли шерстяные ткани и впервые применили для их окраски пурпур.¹⁰⁹ Кедровая и дубовая древесина и ткани поступали в Египет и в качестве дани, и в качестве предмета торговли.

Самым ранним подписным изображением жителей Ливана в египетских гробницах является рельеф из гробницы Аменмосе (№ 42, Зап. Фивы), построенной во время правления Тутмоса III.¹¹⁰ На нем воспроизведена сцена приношения даров египтянам. Ливанский князь и другие данники показаны на фоне местной крепости, расположенной в кедровом лесу.

Внешний вид князя и сопровождающих его людей перекликается с внешностью сирийцев на современных этому рельефу изображениях, которые мы видели в ранних фиванских гробницах. Князь и двое мужчин, несущих дары, одеты в сшитую рубаху с декоративными швами. У безбородого князя пышные волосы, повязанные налобной лентой. Первый мужчина из его свиты показан с несколько более длинными, чем у князя, волосами, распадающимися на

две пряди (вроде тех, которые отмечали египетские художники у кефтиу). Третий данник представлен бритоголовым. Вслед за ним изображен слуга с большим сосудом на плече. Художник показал его бритоголовым, одетым только в запахивающееся спереди опоясание (край опоясания отделан кантом).

В той же гробнице есть и другие (к сожалению, неподписанные) изображения азиатов.¹¹¹ По одежде они примыкают к описанной группе изображений.

У некоторых из данников тоже отмечены «эгейские» пряди волос и локон надо лбом. Они могут свидетельствовать о том, что представители кефтиу, вероятно, жили среди населения Хару и носили местные одежды.

Рубахи двух азиатов имеют диагональную полосу не совсем ясного происхождения. Может быть, это деталь складывающейся иконографии одежды переходного типа, когда поверх рубахи митаннийского покроя бедра и ноги укутывали полосой ткани.¹¹²

От времени правления XVIII династии дошло еще одно изображение, на котором, как считают, показаны финикийцы. Речь идет о росписи из гробницы Кенамуна (№ 162, Зап. Фивы),¹¹³ где художник подробно и живо передал прибытие ханаанских кораблей в египетскую гавань, их разгрузку, бытовые сценки на базаре (базары в египетских портах располагались прямо на берегу). Учитывая, что жители Финикии в то время были самыми активными участниками морской торговли, предполагают, что перед нами именно финикийские суда. Однако основное занятие группы прибывших в гавань «финикийцев» — поднесение дани египетскому чиновнику, торговля же на базаре носит мелкообменный характер, и торгуют не финикийские купцы, а египтяне; поэтому можно думать, что мы видим посольство, прибывшее с данью. «Финикийцы» одеты в одеяние из задрапированной ткани с оплечной накидкой. Вся ткань покрыта узором из розеток и многолепестковых цветов. Пояс, сделанный из нескольких полос ткани или шнуров, завязан узлом-петлей. Сами данники показаны пышноволосями, с широкими бородами. Один из «финикийцев», изображен-

ный художником крупнее, чем другие, совершает воскурение; одет он так же, как и остальные.

Матросы, лазающие по реям парусника и работающие на палубе, одеты в короткие опоясания без пояса. Ткань опоясания у одного из них — одноцветная, у остальных напоминает леопардовую шкуру. Многие матросы показаны бритоголовыми и безбородыми.

В правой части рельефа, в сцене продажи «рабов» (или дарения их египтянам), все они изображены бритоголовыми и безбородыми; часть их более темнокожие, чем остальные. Одеты «рабы» так же, как и матросы.

Свидетельством, подтверждающим распространение в Финикии несшитого одеяния из задранированной ткани, является подписное изображение побежденных египтянами финикийцев (фенеху) на колеснице Тутмоса IV.¹¹⁴ Их одежда ничем существенно не отличается от таковой в росписях гробницы Кенамуна.

Рельеф из Карнака времени правления Сети I¹¹⁵ показывает, что несшитое одеяние из задранированной ткани было распространено в Ливане и после времени правления XVIII династии. На этом рельефе показаны сцены рубки кедров для египтян и поклонения ливанских князей фараону. Пояснительные приписки точно указывают на место действия — Ливан. Среди шести изображенных ливанцев трое представлены бритоголовыми, и все — с широкими бородами. Полос ткани, обматывающих руки, на рельефе не видно, но у одного мужчины около кистей рук можно рассмотреть поперечную линию; возможно, это условно показанный край рукава нижней рубахи.

На стене храма в Карнаке сохранилась сцена взятия одного из городов Финикии — Сатны (Сатуны), завоеванного Рамсесом II.¹¹⁶ Художник изобразил крепость, расположенную в лесу, среди кедровых и дубовых деревьев. Пояснительная надпись сообщает название города. Однако внешний вид его защитников совершенно необычен для жителей Хару.

Сатунцы показаны почти обнаженными, только на талии у них повязан кусок ткани, состоящий из двух сложен-

ных вместе полос ткани. Один из кусков образует на боку петлю, проходит под вторым и, прикрывая его, спускается спереди между ногами до уровня колен; немного отступя от конца он завязан узлом. Подобные набедренные повязки носили ливийцы — народность, хорошо знакомая египтянам.

В классическом исследовании В.Хёльшера о ливийцах¹¹⁷ дано подробное описание внешнего вида и одежды этого африканского народа, сделанное на основании большого количества изобразительных и письменных источников.

Характерной особенностью всех ливийцев являлась также их уникальная прическа, которая украшала и защитников Сатуны. Свои «светлые с черными прядями волосы»¹¹⁸ ливийцы делили на три части: одну стригли челкой на лбу; вторая спадала назад до уровня середины шеи; между ними оставляли длинную третью прядь, заплетенную в тугую косичку, свисавшую на левую сторону. Конец косички ниже плеч завивался в колечко. Все три пряди, имевшие разную длину, ливийцы подстригали по прямой линии, в отличие от жителей Сирии и Ханаана, прически которых были мягкой, округлой формы. Бороды ливийцы носили узким клином; одно из племен ливийцев — машауаша — не имело бород, но ливийцы в Сатуне показаны бородатymi: следовательно, это не машауаша.

Третьей важной деталью иконографии некоторых групп ливийцев являются страусовые перья, которые они носили в прическе. Однако, с одной стороны, такие перья египетские художники показывали и у негров, и у нубийцев, а с другой — некоторые группы ливийцев машауаша и либу — обычно показывали без перьев. Перья в прическе прежде всего характерны для ливийцев-тимху.

В.Хёльшер, описывая одежду разных племен ливийцев,¹¹⁹ указывает, что для тимху были характерны набедренные повязки, а для либу — опоясания. Учитывая, что на рельефе со сценой взятия Сатуны ливийцы одеты в набедренные повязки и носят в прическах страусовые перья, можно предположить, что в сцене взятия этого города показаны именно тимху. Таким образом, все иконографичес-

кие особенности изображения защитников Сатуны бесспорно указывают именно и только на ливийцев. Наличие же у сатунцев страусовых перьев говорит, что связь с Африкой все же они имели, поскольку в Азии страусы не водились.

Письменные источники молчат о пребывании ливийцев в Финикии. Этот факт впервые позволило установить лишь изучение одежды.¹²⁰ Можно только предполагать, зачем и почему ливийский гарнизон оказался в Сатуне (не исключена возможность, что он состоял из наемников).

Рельеф, изображающий штурм Сатуны, не единственный памятник, свидетельствующий о присутствии ливийцев в Передней Азии. От времени правления Рамсеса III (более века спустя) дошли рельефы храма в Мединет Абу,¹²¹ показывающие фараона, возвращающегося из похода в страну Амурру, находившуюся в Южной Сирии и граничившую на западе с Финикией. Среди пленных — представители разных народов, в том числе и ливийцы.

Один из трех изображенных ливийцев одет в набедренную повязку и кожаный плащ; другой показан в коротком опоясании и плаще; изображение же третьего дошло лишь частично, виден только плащ. У всех трех «азиатских» ливийцев сохранилась характерная прическа с косичкой. Черты лица и бородка тоже остались неизменными.

На фрагментах рельефа из Мединет Абу,¹²² самого, пожалуй, подробного из храмовых рельефов, можно видеть еще одну важную иконографическую деталь — татуировку. Из азиатских пленников только ливийцы употребляли татуировку или раскраску тела. Как отметил В.Хельшер, татуировка для египетских художников была одним из признаков африканского происхождения. На рельефах из Мединет Абу появляются изображения ливийцев в опоясаниях, т.е. либу — союза племен, давших название всему этносу.

Таким образом, мы можем констатировать факт, что по крайней мере в XIII и XII вв. до н.э. египтяне встречались на территории Передней Азии с африканским народом — ливийцами. И если уж представителей ливийцев изображали в сценах обобщенного характера, создавая, например,

образы типичных пленнх из страны Амурру, то, значит, их присутствие в Сирии и Финикии не являлось для египтян ни случайностью, ни большой новостью. Каким же образом ливийцы могли попасть в Переднюю Азию, да еще и быть одной из этнографических групп, проживавших среди коренного населения? Можно думать, что финикийцы набирали ливийцев в качестве наемников для охраны своих городов. Это могло случиться и с Сатуной, гарнизон которой в начале XIII в. до н.э. состоял из ливийцев. Так или иначе, ливийцы попали на территорию Передней Азии (прежде всего, в ее прибрежные районы) и, вероятно, жили там, раз уж столетие спустя они оказались среди пленников из Амурру.

Женская и детская одежда жителей Хару

На египетских памятниках изображения женщин-ханаанеянок встречаются довольно редко. В основном посольства состояли из мужчин — князей, свиты и слуг. В состав дани от азиатских владений входили и сами жители подвластных Египту стран, поэтому можно думать, что женщины и дети в сценах приношения дани были показаны как часть дани. Позднее, когда тематика сцен с иноземцами изменилась, фигурки женщин и детей стали попадаться на стенах сирийских крепостей. В состав же пленнх, показанных в сценах триумфа, женщины не входили, поэтому мы имеем только самые общие представления о женской одежде времени правления XIX—XX династий. На рельефах маленькие фигурки женщин и детей, полускрытые стенами крепостей, не дают возможности рассмотреть их одежду.

Женская одежда в гробничных росписях показана почти без изменения на протяжении всего правления XVIII династии. Самые ранние изображения — росписи гробниц Инени,¹²³ Рехмирэ¹²⁴ и Менхеперрасенба.¹²⁵ Женская одежда выполнялась из белой ткани с цветным геометрическим орнаментом на канте. Женщины носили длинные платья, низ которых состоял из нескольких больших оборок — нижняя

выступала из-под верхней и т.д.;¹²⁶ может быть, это юбки надевались одна на другую. Верх платья закрывался накидкой. Она доходила до бедер и спереди выкраивалась округло — так, что часть платья до груди была видна из-под нее. Накидка тоже выполнялась из белой ткани, отделанной цветным кантом.

В более поздней гробнице Кенамуна (№ 162)¹²⁷ сохранилось изображение женской одежды, скроенной несколько более свободно, не прилегавшей к телу и выполненной из прозрачной ткани, сквозь которую видны контуры фигуры. Вероятно, эта одежда была спита из египетской материи, славившейся своей тонкостью (по количеству нитей на квадратный сантиметр ткани она превышала современный батист)¹²⁸ и вывозившейся в страны Передней Азии.

Волосы азиаток, свитые в одну или несколько прядей, спускались ниже талии. Украшения у женщин художниками не показаны, за исключением росписей из гробниц Инени (у одной из женщин в ухе можно различить серьгу) и Харемхеба.

Описанные одежды (с небольшими отклонениями) мы видим на жительницах Северной Сирии (гробница Рехмирэ), женщинах из свиты князя Кадеша (гробница Менхеперрасенба), финикийках (гробница Кенамуна), на жене сирийского князя, прибывшего в Египет (гробница Небамуна), на женщинах из гробницы Харемхеба.¹²⁹ В количестве и длине оборок или юбок и в числе прядей волос в причёске допускались отклонения,¹³⁰ свидетельствующие о том, что варианты существовали. Такие одежды были распространены на протяжении правления XVIII династии (середина XVI—середина XIV в. до н.э.) на территории всей Сирии, Южного Ханаана и Финикии.

Дети в тех же гробницах показаны или совершенно обнаженными, или одетыми в рубаху митаннийского образца (точно такую же, как и на мужчинах из гробниц первой половины правления XVIII династии). Волосы детям сбривали полностью или оставляли длинную прядку. Примечательно, что и египтяне брили детям головы, оставляя «локон юности». В росписях гробницы Менхеперрасенба,

где в состав посольства входили кефтиу, видно, как сирийские женщины ведут обнаженных детей с амулетами на шее (такие же амулеты различимы и у самих кефтиу).¹³¹ Сирийцы же бус-амулетов не носили. Возможно, это еще одно свидетельство влияния кефтиу на материальную культуру населения Ханаана, проникавшего через наиболее суеверную часть этноса — женщин, стремившихся оберечь детей с помощью амулетов соседнего, иноконфессионального населения.

Египетские источники XIV—XII вв. до н.э. показали, что оседлые жители земледельческих районов и городов Передней Азии обладали общей формой одежды, причем египтянами она воспринималась как этнический признак. Замыкаясь внутри городов-государств, ханаанеяне не имели общего для всех оседлых семитов этнонима, названия отдельных групп населения образовывались не по принципу единого происхождения в весьма отдаленном прошлом, а по названиям стран (Амурру, Финикия) или городов-государств (Кадеш, Тунип и т.д.). Примеры возникновения самоназваний по подобному принципу этнографией зафиксированы. Однако общность происхождения и культуры сказывалась в том, что форма одежды — яркий знаковый признак — у семитов была общей.

Во время правления XVIII династии (XVI—XV вв. до н.э.) господствовали типы сшитой рубахи и туники (для мужчин и детей-подростков). Первая половина правления XVIII династии — период освобождения Ханаана от политического и культурного влияния государства Митанни. На памятниках этого времени можно видеть становление нового типа одежды, совершенно не сходного ни с местными азиатскими костюмами времени египетского Среднего царства, ни с хурритскими, ни с египетскими.¹³² Хотя Египет и завоевал эту территорию, но египетский «стиль» проникал в результате прежде всего культурного, а не политического влияния и глубоко не затрагивал традиционно-бытовую культуру общества. Это сказалось и в том, что новый тип

одежды жителей Хару не имеет никаких аналогий с собственно египетскими.¹³³

Ко времени правления Рамсеса II и III относятся изображения ливийцев на территории Ханаана (начало XIII—середина XII в. до н.э.). По-видимому, они попали в Финикию и страну Амурру в качестве наемников финикийских и сирийских городов-государств. До сих пор о том, что ливийцы жили в Азии, не было известно, и лишь изображение гарнизона города Сатны и пленных из Амурру, одетых в обычные для ливийцев одежды, имеющих татуировку и характерные ливийские прически, позволило установить, что в течение XIII—XII вв. до н.э. представители этой сугубо африканской народности были для египтян обитателями Передней Азии.

Гробничные росписи времени правления XVIII династии подтверждают и то, что в состав посольств Сирии в Египет входили кефтиу, обычно считающиеся обитателями островов Средиземного моря. Они же присылали и свои собственные посольства: изображения азиатов и представителей этого эгейского народа часто встречаются вместе. Покрой опоясаний некоторых азиатов выдает явное влияние культуры кефтиу на материальную культуру местного населения Ханаана, хотя это влияние и было не очень сильным, а касалось лишь отдельных элементов костюма. Очевидно, кефтиу являлись обитателями и побережья Восточного Средиземноморья.

Женская одежда оседлых семитов не изменялась на протяжении всего изучаемого отрезка времени. И самые ранние, и более поздние памятники свидетельствуют о распространении сшитого платья, имеющего юбку с оборками (несколько юбок разной длины?), и оплечной накидки.

В социальном отношении посольства из Ханаана, так же как и состав жителей городов, отличались неоднородностью. Опоясание явно было принадлежностью низших слоев населения, сложные же, полные одежды — высших. Источники не показали конструктивных различий в одежде торговцев, земледельцев, князей или каких-либо других социальных групп. Трудно предположить, что одежда кня-

зя была такой же, как и ремесленника. Социально дифференцирующую роль играла сумма вторичных признаков (по отношению к первичному — конструкции, крою): качество ткани, цвет, богатство декора, разнообразие и количество самих одежд. На египетских памятниках можно видеть и изображения людей с курильницами в руках, вероятно жрецов. Одеты они так же, как и остальная часть населения.

Таким образом, можно видеть, что египетские источники с изображениями чужеземцев дают возможность судить о многих сторонах материальной культуры народов Ханаана, дополняя сведения переднеазиатских документов. Иногда же они являются поистине уникальными свидетельствами, отразившими те явления, о которых не дошло никаких данных из самого Ханаана.

¹ *Gardiner A.H. Ancient Egyptian Onomastica. Oxford, 1947. Text. Vol.I. P.201** (далее: *Onomastica. I*). Следует также помнить, что термин «Ханаан» иногда прилагается египтянами и к более узкой территории; в этих случаях в работе будет употребляться название Южный Ханаан.

² *Onomastica. I. P.132*, 134*, 148—149**.

³ *Ibid. P.142—149**.

⁴ *Ibid. P.172—181**.

⁵ *Green M. The Syrian and Lebanese Topographical Data in the Story of Sinuhe // CdE. 1983. T.115—116. P.38-59.*

⁶ *Onomastica. I. P.172—173**.

⁷ *Ibid. P.141*, 145*, 182**.

⁸ *Ibid. P.201**.

⁹ *Ibid. P.136*, 140*, 179—181*, 187—190**; *Gardiner A.H. Ancient Egyptian Onomastica. Oxford, 1947. Text. Vol.II. P.324* (далее: *Onomastica. II*).

¹⁰ *Onomastica. I. P.152*, 181**.

¹¹ *Дьяконов Д.М. Сирия... С.219.*

¹² *Томановская О.С. Этнос и этноним в предклассовом обществе: частные аспекты их соотношения // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982. С.203—204.*

¹³ *Куббель Л.Е. Этнические общности и потестарно-политические структуры доклассового и раннеклассового общества // Там же. С.140—141.*

¹⁴ *ВИ. Т.1. С.345.*

¹⁵ *De Garis Davies N. 1) Rekh-mi-re^c. P1.XXI—XXIII; 2) ВММА. Vol.19. Fig.3; Davenport M. The Book of costume. New York, 1948. Vol.1.*

P.23; *Lhote A.* Les chefs-d'oeuvre de la peinture égyptienne. Paris, 1954. Pl.50.

¹⁶ Особенности египетской манеры показывать людей в рисунке или рельефе заставляли художников передавать все лица, за редчайшим исключением, в профиль. Эти же особенности не позволяли художникам показать кого-либо со спины. Поэтому следует оговориться, что возможности «прочтения» изображений из-за подобных условностей несколько ограничены.

¹⁷ *De Garis Davies N.* Rekh-mi-re^c. Pl.XXI—XXIII.

¹⁸ *Müller W.M.* Eg. Res. II. Pl.18.

¹⁹ *Ibid.* Pl.8.

²⁰ *Crowfoot G.M., De Garis Davies N.* The Tunic of Tut^cankhamūn // JEA. 1941. Vol.27. P.115—117. Pl.XXI.

²¹ *Müller W.M.* Asien. S.293.

²² Семь человек (см.: *De Garis Davies N.* Rekh-mi-re^c. Pl.XXI—XXIII).

²³ Термин «опоясание» будет употребляться для несшитой одежды, термин «юбка» — для сшитой. В данном случае по слишком обобщенному рисунку трудно различить юбку или опоясание.

²⁴ *Vercoutter J.* Op.cit. P.257—289; *Helck W.* Beziehungen. S.334.

²⁵ Подробно о кефтиу см.: *Vercoutter J.* Op.cit.

²⁶ *Müller W.M.* Eg. Res. I. Pl.8—11; *Wreszinski W.* Atlas. I. Taf.266.

²⁷ *De Garis Davies N.* The Work of the Graphic Branch of the Expedition // BMMA. 1932. Vol.27. P.62. Fig.12.

²⁸ *De Garis Davies N.* The Graphic Work of the Expedition // BMMA. 1926. Vol.21. Fig.1, 4—6.

²⁹ *Wreszinski W.* Atlas. I. Taf.340, 341.

³⁰ *De Garis Davies N.* Menkheperasonb. Pl.IV—VII; *Müller W.M.* Eg. Res. II. Pl.7—22; *Bossert H.Th.* Altanatolien. Berlin, 1942. Fig.743; *Champdor A.* Die altägyptische Malerei. Leipzig, 1959. S.183; *Smith W.S.* Interconnections. Fig.92; *Wreszinski W.* Atlas. I. Taf.273.

³¹ *De Garis Davies N.* and *N.M.* Syrians in the Tomb of Amunedjeh (Thebes, Tomb N.84) // JEA. 1941. Vol.27. P.96—98. Pl.XIII; *Wreszinski W.* Atlas. I. Taf.269.

³² ИДВ. Ч.II. С.71—73.

³³ *Müller W.M.* Neue Darstellungen «mykenischer» Gesandter und phönischer Schiffe in altägyptischen Wandgemälden // MVG. 1904. Bd 2. S.160. О кефтиу как жителей Каппадокии, Киликии и более южных районов континента см.: *Wainwright G.A.* 1) Keftiu and Karamania (Asia Minor) // AS. 1954. Vol.4. P.33—48; 2) Caphtor-Cappadocia // Vetus Testamentum. 1956. Vol.6. P.199—210; *Lichtenberg R.F. von.* Einflüsse der ägäischen Kultur auf Ägypten und Palästine // MVG. 1911. Bd 16. S.53.

³⁴ *De Garis Davies N.* and *N.M.* The Tomb of Puyemrê at Thebes. New York, 1922—1923. Vol.1. Pl.XXX—XXXIV; *Pritchard J.B.* Syrians. Fig.2; *Wreszinski W.* Atlas. I. Taf.150.

³⁵ *Säve-Söderbergh T.* Four Eighteenth Dynasty Tombs. Oxford, 1957. Vol.I. P.22—32. Pl.XXIII; *Wreszinski W.* Atlas. I. Taf.115; *Capart J.* Thèbes. Bruxelles, 1925. Fig.37; *Bossert H.Th.* Altsyrien. Tübingen, 1951. Fig.920; *Smith W.S.* Interconnections. Fig.41.

³⁶ *Wreszinski W.* Atlas. I. Taf.56, 56a; *Steindorf G.* Die Blütezeit des Pharaonenreichs. Leipzig, 1900. Fig.27 (далее: *Steindorf G.* Blütezeit); *Pritchard J.B.* ANE. Fig.47; *Davenport M.* Op.cit. P.24; *Hall H.R.* The Ancient History of the Near East from the earliest times to the Battle of the Salamis. New York, 1913. Pl.XY(I); *Müller W.M.* Asien. S.298; *Champdor A.* Op.cit. S.11; *Aldred C.* Tutankhamun's Egypt. London, 1972. Pl.1.

³⁷ *De Garis Davies N.* Foreigners in the Tomb of Amenemhab (N 85) // JEA. 1934. Vol.20. P.189—192; *Pritchard J.B.* ANE. Fig.46; *Vercoutter J.* Op.cit. Pl.XXVII, XXVIII; *Wreszinski W.* Atlas. I. Taf.4.

³⁸ *Wreszinski W.* Atlas. I. Taf.284—285; *De Garis Davies N.* and *N.M.* The Tomb of Amenmosé ((N 89) at Thebes // JEA. 1941. Vol.26. P.131—136. Pl.XXIII—XXIV.

³⁹ *Wreszinski W.* Atlas. I. Taf.290; *Müller W.M.* Asien. S.298; *Bossert H.Th.* Altanatolien. Fig.744.

⁴⁰ *Steindorf G.* Blütezeit. Fig.27; *Wreszinski W.* Atlas. I. Taf.290.

⁴¹ *Müller W.M.* Asien. S.298; *Champdor A.* Op.cit. P.11.

⁴² *Wreszinski W.* Atlas. I. Taf.245, 247, 248; *Bossert H.Th.* Altsyrien. Fig.219; *Martin G.Th.* The Memphite Tomb of Horemheb Commander-in-Chief of Tut^cankhamūn. London, 1989. Vol.I: The Reliefs, inscriptions, and commentary.

⁴³ На туалетной ложечке, найденной в Фивах и датированной временем правления XVIII династии, изображен сириец-слуга в аналогичном опоясании, но из-за сложности ракурса тела невозможно рассмотреть верхнюю половину туловища; см.: *Wallert I.* Der verzierte Löffel. Wiesbaden, 1967. Taf.25.

⁴⁴ Сходное опоясание можно видеть на изображении из Каркемиша: *Parrot M.* Le «bon Pasteur» à propos d'une statue de Mari // Mélanges syriens offerts à m.R.Dussaud. Paris, 1939. Vol.I. Fig.6.

⁴⁵ *Daressy G.* Le palais d'Aménophis III et le Birket Habou // ASAE. 1903. Vol.IV. Pl.1.

⁴⁶ *De Garis Davies N.*, *Gardiner A.H.* The Tomb of Huy: Viceroy of Nubia in the Reig of Tut^cankhamūn. London, 1926. Pl.XIX.

⁴⁷ *Pritchard J.B.* ANE. Fig.5, 49—51.

⁴⁸ *De Garis Davies N.* The Rock Tombs of El Amarna. London, 1905. Pt II: The Tombs of Panehsy and Meryra. Pl.X, XXXIII—XXXVII, XXXIX; pt III: The Tombs of Huya and Aḥmes. Pl.XIV; London, 1908. Pt VI: The Tombs of Parennefer, Tutu and Aḥ. Pl.IV, XIX; *Peck W.H.* Egyptian Drawings / Photogr. by J.G.Ross. New York, 1978. Fig.6.

⁴⁹ *Chevrier H.* Rapport sur les travaux de Karnak. 1952—1953 // ASAE. 1955. Vol.LIII. Pl.VII.

- ⁵⁰ *Mekhitarian A.* Egyptian Painting. Genève, 1954. P.118; *Pritchard J.B.* ANE. Fig.316; *Desroches-Noblecourt Ch.* Vie et mort d'un pharaon: Toutankhamon. Paris, 1963. Pl.XVI—XVII.
- ⁵¹ *Desroches-Noblecourt Ch.* Op.cit. Pl.XVIII.
- ⁵² Ibid. Pl.XIc.
- ⁵³ *Carter H.* The Tomb of Tut-Ankh-Amen. London, 1927. Vol.II; 1933. Vol.III. Pl.LXIX.
- ⁵⁴ Ibid. Vol.II. Pl.XXI.
- ⁵⁵ *Carter H., Newberry P.* The Tomb of Thoutmôsis IV. Cairo, 1904. Pl.XII. Fig.7; *Smith W.S.* Interconnections. Fig.211.
- ⁵⁶ *Pritchard J.B.* The Ancient Near East: Supplementary Texts and Pictures relating to the Old Testament. Princeton, 1969. Fig.772 (далее: *Pritchard J.B.* Suppl.).
- ⁵⁷ La Syrie, antique et médiévale illustrée. Paris, 1931. Pl.7; *Pritchard J.B.* ANE. Fig.456, 457; *Bossert H.Th.* Altsyrien. Fig.440.
- ⁵⁸ *Pritchard J.B.* Suppl. Fig.608.
- ⁵⁹ *Wreszinski W.* Atlas. I. Taf.290.
- ⁶⁰ Статуэтка из Омса (Сирия), 2-я пол. 2-го тысячелетия до н.э.; см.: *Bossert H.Th.* Altsyrien. Fig.585, 586.
- ⁶¹ *Desroches-Noblecourt Ch.* Op.cit. Pl.XVIII (посох Тутанхамуна).
- ⁶² Ibid.; см. также глазурованную табличку из Ассура: *Smith W.S.* Interconnections. Fig.69.
- ⁶³ LD. III. Taf.115, 116.
- ⁶⁴ *Desroches-Noblecourt Ch.* Op.cit. Pl.XIX.
- ⁶⁵ Urkunden der 18. Dynastie, bearbeitet von K.Sethe. Historisch—biographische Urkunden. Leipzig, 1907. Bd III. S.658(1—7).
- ⁶⁶ *Desroches-Noblecourt Ch.* Op.cit. Pl.XVIII.
- ⁶⁷ *Smith W.S.* Interconnections. Fig.70; *Pritchard J.B.* ANE. Fig.54.
- ⁶⁸ *Vercoutter J.* Op.cit. Pl.XXIII—XXIV.
- ⁶⁹ *Giveon R.* Shosou. P.255.
- ⁷⁰ *Pritchard J.B.* 1) ANE. Fig.5; 2) Suppl. Fig.817; *Smith W.S.* Interconnections. Fig.55.
- ⁷¹ *Spiegelberg W., Erman A.* Grabstein eines syrischen Söldners aus Tell Amarna // ZÄS. 1898. Bd 36. Taf.XVII.
- ⁷² *Carter H., Newberry P.* Op.cit. Pl.XII; *Smith W.S.* Interconnections. Fig.211.
- ⁷³ *De Garis Davies N.* Menkheperasonb. Pl.IV, V; *Müller W.M.* Eg. Res. II. Pl.27.
- ⁷⁴ *Helck W.* Beziehungen. S.78—81.
- ⁷⁵ *Wreszinski W.* Atlas. I. Taf.373.
- ⁷⁶ *De Garis Davies N.* Menkheperasonb. Pl.XLI, XLIX; *Wreszinski W.* Atlas. I. Taf.372.
- ⁷⁷ *Goetze A.* Op.cit. S.52—54.
- ⁷⁸ Ibid. S.54.
- ⁷⁹ *Pritchard J.B.* Syrians. P.39.

- ⁸⁰ *Montet P. Reliques. P.39.*
- ⁸¹ *Pritchard J.B. ANE. Fig.322, 324; Smith W.S. Interconnections. Fig.212; Rosellini I. Mon. civili. II. Tav.LIII.*
- ⁸² *Smith W.S. Interconnections. Fig.211.*
- ⁸³ *Mухайловский К. Карнак. Варшава, 1970. Табл.24; Rosellini I. Mon. civili. I. Tav.LXIII.*
- ⁸⁴ *Pritchard J.B. ANE. Fig.323—325; Rosellini I. Mon. civili. I. Tav.XLVII; Wreszinski W. Atlas. II. Taf.34, 37, 44, 48.*
- ⁸⁵ *Wreszinski W. Atlas. II. Taf.77.*
- ⁸⁶ *Müller W.M. Eg. Res. II. P.100; cp.: Simons J. Handbook for the Study of Egyptian topographical Lists relating to Western Asia. Leiden, 1937. P.149.*
- ⁸⁷ *Ibid. Pl.45.*
- ⁸⁸ *Müller W.M. Asien. S.220—222.*
- ⁸⁹ *Wreszinski W. Atlas. II. Taf.57, 57a, 59, 163, 183.*
- ⁹⁰ *Ibid. Taf.163a.*
- ⁹¹ *Pritchard J.B. ANE. Fig.336.*
- ⁹² *Medinet Habu. Chicago, 1932. Vol.II. Pl.98; Pritchard J.B. ANE. Fig.7.*
- ⁹³ *Pritchard J.B. ANE. Fig. 134; Medinet Habu. II. Pl.88, 90—93, 111; Wreszinski W. Atlas. II. Taf.148, 153.*
- ⁹⁴ *Pritchard J.B. ANE. Fig.53.*
- ⁹⁵ *Ibid. Fig.54; Smith W.S. Interconnections. Fig.70; Daressy G. Plaquettes émaillées de Médinet-Habou // ASAE. 1911. Vol.XI. Pl.II—III. На двух табличках на шее сирийцев виден амулет в виде креста: Hölscher U. Gessodecorationen, Intersien und Kachelbekleidungen in Medinet Habu // ZÄS. 1940. Bd 76. Taf.IV; Contenau G. La civilisation phénicienne. Paris, 1949. Fig.62, 67.*
- ⁹⁶ *Pritchard J.B. ANE. Fig.328, 330; Wreszinski W. Atlas. II. Taf.36.*
- ⁹⁷ *FitzGerald C.M. Beth-Shean // Archaeology and Old Testament Study: Jubilee Volume of the Society for Old Testament Study. 1917—1967 / Ed. by D.Winton Thomas. Oxford, 1969. P.190—191; Faulkner R.O. Egypt: From the inception of the Nineteenth dynasty to the death of Ramesses III // CAH³. P.290; cp.: Offord J. Yanoem of the Menepthah Stele // PSBA. 1899. Vol.XXI. P.142.*
- ⁹⁸ *Spiegelberg W. Der Siegeshymnus des Merneptah auf der Flinders Petrie-Stele // ZÄS. 1896. Bd 34. S.14, 23. Anm.64.*
- ⁹⁹ *Pritchard J.B. ANE. Fig.323, 325.*
- ¹⁰⁰ *Wreszinski W. Atlas. II. Taf.54; Müller W.M. Eg. Res. II. Pl.39.*
- ¹⁰¹ *Müller W.M. Eg. Res. II. P.174. Fig.61; Wreszinski W. Atlas. II. Pl.71.*
- ¹⁰² *Müller W.M. Eg. Res. II. P.106. Pl.36.*
- ¹⁰³ *Ibid. P.107. Pl.36; Wreszinski W. Atlas. II. Taf.56.*
- ¹⁰⁴ *Müller W.M. Eg. Res. II. P.174. Pl.38—39; Wreszinski W. Atlas. II. Taf.55.*

- ¹⁰⁵ *Pritchard J.B.* ANE. Fig.326.
- ¹⁰⁶ *Wreszinski W.* Atlas. II. Taf.25a.
- ¹⁰⁷ *Müller W.M.* Eg. Res. II. P.174. Fig.61; *Wreszinski W.* Atlas. II. Pl.71.
- ¹⁰⁸ *Lefébure E.* Les hypogées royaux de Thèbes. Paris, 1886. Pl.IV—V.
- ¹⁰⁹ *Harden D.* The Phoenicians. London, 1962. P.144—146.
- ¹¹⁰ *De Garis Davies N.* Menkheperrasonb. Pl.XXXVI.
- ¹¹¹ Ibid. Pl.XXXIV—XXXV.
- ¹¹² Ibid.
- ¹¹³ *De Garis Davies N., Faulkner R.O.* A Syrien Trading Venture to Egypt // JEA. 1947. Vol.33. P.40—46. Pl.VIII; *Steindorf G.* Blütezeit. Fig.63; *Köster A.* Schifffahrt und Handelsverkehr des östlichen Mittelmeeres im. 3. und. 2. Jahrtausend v. Chr. Leipzig, 1924. P.20. Pl.1; *Smith W.S.* Interconnections. Fig.4; *Pritchard J.B.* ANE. Fig.111; *Säve-Söderbergh T.* The Navy of the Eighteenth Egyptian Dynasty. Uppsala; Leipzig, 1946. P.53—70.
- ¹¹⁴ *Carter H., Newberry P.* Op.cit. Pl.XII. Fig.7.
- ¹¹⁵ *Pritchard J.B.* ANE. Fig.331; *Wreszinski W.* Atlas. II. Taf.34.
- ¹¹⁶ *Smith W.S.* Interconnections. Fig.219; *Wreszinski W.* Atlas. II. Taf.116; *Müller W.M.* Eg. Res. II. P.174—176. Fig.62.
- ¹¹⁷ *Hölscher W.* Libyer und Ägypter. Glückstadt; Hamburg; New York, 1937.
- ¹¹⁸ Ibid. P.32—34.
- ¹¹⁹ Все наблюдения: Ibid. P.35—40; ср.: *Wainwright G.A.* The Meshewesh // JEA. 1962. Vol.48. P.89—99.
- ¹²⁰ Впервые ливийцев в Сатуне отметил В.М.Мюллер, однако он объяснил их появление в Сирии ошибкой художника (*Müller W.M.* Eg. Res. II. P.176—177). При составлении топографического справочника Б.Портер и Р.Мосс ливийцы в Сатне были зафиксированы, но без доказательств и объяснений.
- ¹²¹ *Pritchard J.B.* ANE. Fig.7; *Medinet Habu.* II. Pl.98; *Gray J.* The Canaanites. London, 1964. Fig.8.
- ¹²² *Medinet Habu.* II. Pl.100.
- ¹²³ *Müller W.M.* Eg. Res. I. Pl.9; *Wreszinski W.* Atlas. I. Taf.266.
- ¹²⁴ *De Garis Davies N.* Rekh-mi-rē^c. Pl.XXIII; *Wreszinski W.* Atlas. I. Taf.337.
- ¹²⁵ *De Garis Davies N.* Menkheperrasonb. Pl. V; *Müller W.M.* Eg. Res. II. Pl.16.
- ¹²⁶ *Montet P.* Reliques. P.47; см. также пластинку из Аксура: *Smith W.S.* Interconnections. Fig.42.
- ¹²⁷ *De Garis Davies N., Faulkner R.O.* A Syrien Trading... Pl.VIII.
- ¹²⁸ *Лурье И., Ляпунова К., Матъе М., Пиотровский Б., Флитнер Н.* Очерки по истории техники Древнего Востока. М.; Л., 1940. С.216.
- ¹²⁹ *Bossert H.Th.* Altsyrien. Fig.220; *Smith W.S.* Interconnections. Fig.41; *De Garis Davies N.* 1) Rekh-mi-rē^c. Pl.XXII—XXIII; 2) Menkheperrasonb. Pl.V; *Martin G.Th.* Op.cit. Pl.105.

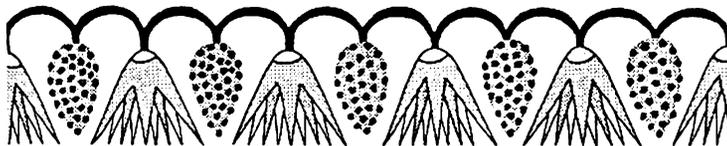
¹³⁰ *Helck W.* Beziehungen. S.335.

¹³¹ *De Garis Davies N.* Menkheperasonb. Pl.V.

¹³² *Chamdor A.* Op.cit. Taf.85; *Wreszinski W.* Atlas. I. Taf.6; *Con-
tenau G.* La civilisation phénicienne. P.31. Fig.2.

¹³³ Cp.: *Bonnet N.* Die ägyptische Tracht bis zum Ende des Neuen
Reichs. Leipzig, 1917; *Stahelin E.* Untersuchungen zur ägyptischen Tracht
in Alten Reich. Berlin, 1966.

Глава II

ОДЕЖДА КОЧЕВЫХ И МИГРИРУЮЩИХ НАРОДОВ ХАНААНА

Население Ханаана 2-го тысячелетия до н.э. принадлежало не только к различным языковым группам, но и к разным хозяйственно-культурным типам. Помимо оседлого семитоязычного населения египтяне начиная со времени правления Аменхотепа II (XV в. до н.э.) сталкивались с кочевниками, которых называли «шасу».¹ Слово «шасу» неегипетского происхождения; в употреблении этого термина явно был этнический оттенок, судя по детерминативу, с которым его писали; однако позже египтяне переводили его как «овечий пастух», «кочевник», «бедуин»,² подчеркивая тем самым принадлежность к определенному хозяйственно-культурному типу.

В аккадских текстах того же времени встречаются упоминания «апиру», «хабиру» — «разбойников, грабителей». Египтяне же понимали слово «апиру» как этноним. В 1982 г. Н.Науман опубликовал доказательства тождества одного из городов шасу (Ибирта) городу апиру, тем самым доказав, что апиру и шасу — синонимы.³ В исследовании же О.Лореца определенно установлено, что апиру являлись преизраилитскими семитскими группами.⁴ И все-таки на современном этапе развития науки нельзя с полной увереннос-

тью понять, каким образом соотносились между собой эти два обозначения, полностью совпадали или частично, но ясно, что в определенном контексте они воспринимались практически как синонимы.

Шасу, по мнению Р. Гивеона, собравшего полные сведения об этом народе, пришли с территории восточнее Иордана, а затем расселились по всему Южному и Среднему Ханаану.⁵ В Карнаке изображено сражение Сети I с шасу между Силе и Газой. Таким образом, шасу локализируются близ Синая. В тех же текстах указано, что Сети I победил их от Силе до Ханаана.⁶ Шасу упоминаются в Хару, Речену, Сетет (неопределенная область кочевников), т.е. до Северной Сирии. Войны с шасу проходили в Центральной Палестине и в особенности в Ливане.⁷ Позднее, в 6–7 годах правления Рамсеса II, египетские войска прошли за Иордан, где за Мертвым морем находились княжества Моав и Эдом-Сеир (к югу от него). В Заиорданье было установлено египетское владычество на землях, занятых кочевниками-шасу.⁸

Шасу вели кочевой и полукочевой образ жизни, но иногда надолго поселялись в городах; их число было так велико, что некоторые города египтяне отмечают как находившиеся в «земле шасу».⁹

Кочевники-шасу оставили о себе память только в египетских источниках;¹⁰ их изображения часто встречаются на храмовых рельефах, благодаря которым мы можем восстановить некоторые черты материальной культуры этого народа.

Приблизительно одновременно с шасу на северных границах египетской империи появляются мигрирующие группы — «народы моря». Надписи сохранили названия этих индоевропейских (если не всех, то, бесспорно, частично) народов. Фиксация самоназваний дает возможность проследить их судьбу и сдвиги в этническом составе населения Передней Азии и Египта.

Набеги «народов моря» на Египет и близлежащие территории отражены в источниках начиная со времени правления фараонов XIX династии (XIII в. до н.э.), однако уже

в амарнском архиве есть письма, свидетельствующие о появлении шардана возле Библа и Тира. Там же упомянуты и лука, нападавшие на Алашию (Кипр).¹¹ При Рамсесе II египтяне столкнулись с шардана и лука, причем шардана участвовали в битве на стороне египтян,¹² но уже при Мернептахе египтянам пришлось познакомиться, кроме тех же лука и шардана, с турша, шекелеша и акайуаш.¹³ При Рамсесе III добавились пеласти, чакараи и дануна.¹⁴

Исследователи сопоставляют шардана с будущими жителями о-ва Сардиния, шекелеша — с будущим населением о-ва Сицилия, предполагают связь турша с жителями островов и земель Тирренского моря и этрусками, лука — с ликийцами, акайуаш — с ахейцами, жителями страны Ахийява в Малой Азии. То, что пеласти (филистимляне) дали название Палестине, ясно из самих египетских текстов. Дануна обычно соотносят с данайцами, а чакараи П.Мертенс условно сопоставил с троядцами.¹⁵

Уже первая волна миграции заставила египтян строить для защиты крепости на побережье. Ко времени правления Рамсеса III шардана и шекелеша служили в войсках фараона; часть же пленных была посажена на землю. Существовал целый полк шардана из 520 человек.¹⁶ В папирусах Харрис I, Вильбур и Амьен названы поселения шардана.¹⁷

Волна переселенцев двигалась из Малой Азии по морю и суше вдоль берегов, уничтожив по пути государство Каркмиш, бывшее под хеттским влиянием, и захватив княжество Амурру.¹⁸ В одном из писем хеттского царя шекелеша упоминаются как морские пираты.¹⁹ В 8-м году правления Рамсеса III произошло большое сражение на море и на суше, во время которого морские народы были разбиты. Часть из них ушла от берегов Египта в море; часть филистимлян и чакараи обосновалась на побережье, захватив ряд финикийских городов, и в стране Амурру.²⁰ На протяжении нескольких последующих столетий происходил процесс слияния с местным населением; частично же оно было уничтожено новыми завоевателями. Египетские источники — практически единственные современные письменные свидетельства о «народах моря», сыгравших важную роль

в этнической истории Средиземноморья и Ближнего Востока. В ближневосточных источниках эти события отражены глухо и туманно (например, в текстах из Угарита),²¹ изображения же единичны и не подписаны.

Одежда шасу

Ко времени правления Сети I относится рельеф из Карнака со сценой боя за «крепость Ханаана»,²² — скорее всего, Газа.²³ Изображенные здесь люди резко отличаются от жителей других городов. Надпись называет их «поверженные (т.е. враги из числа) шасу». Шасу одеты лишь в короткие опоясания, не достигающие до колен и повязанные поясом. Спереди в центре опоясания проходит вертикальная полоса; край, вероятно, отделан кантом. От подмышек до талии шасу бинтовали себе грудь, отчего у некоторых защитников крепости отмечены горизонтальные полосы на теле. Р. Гивеон полагает, что это своеобразные доспехи из льна.²⁴

Однако самой характерной особенностью шасу являлись, бесспорно, их необычные головные уборы. На названном рельефе они двух типов. У части мужчин головные уборы по форме напоминают чепец, свободно лежащий на голове. Другие повязали себе голову платком. И в первом, и во втором случае все волосы убраны. Разнообразие форм чепцов и повязок свидетельствует о том, что единой, до деталей разработанной формы головного убора не было, но все же его у шасу можно узнать сразу. Маленькая острая бородка обрамляет только подбородок, оставляя свободным все лицо.

Рельефы из Карнака,²⁵ повествующие о победах Сети I и приводе им пленных шасу, показывают, что последние могли носить свободную накидку-плащ, одевающуюся поверх опоясания. Накидка падала с плеч, закрывая руки по локоть; на талии она была стянута поясом и спускалась вниз до щиколоток.

На тех же рельефах мы можем видеть еще одну разновидность головного убора шасу: у ряда мужчин он сзади

украшен бахромой. Некоторые исследователи считают, что таким образом изображали выбившиеся наружу волосы,²⁶ но египетские художники обычно не разрабатывали их отдельно, по волоску, а передавали общей массой или прядями. Учитывая, что эти «волоски» расположены там, где вполне могла быть пришта бахрома, можно предположить, что налицо именно украшение платка. У нескольких шасу головной убор состоит из полосы надо лбом и отходящей вверх и назад густой массы, может быть, конских волос²⁷ или пальмовых волокон.

На изображении Кадешской битвы в Луксоре²⁸ среди защитников города различимы и шасу; от других воинов они отличаются короткими опоясаниями и головными уборами.

Со времени правления Рамсеса III шасу появляются в составе войск фараона. В то время они носили короткие одеяния несколько иной формы.²⁹ Такие же юбки надеты и на пленных шасу, приведенных из страны Амурру Рамсесом III.³⁰ Скорее всего, эта одежда является уже сшитой юбкой, отделанной по краю широкой полосой ткани или кожи. Подобные же полосы разделяют юбку вдоль и поперек на несколько частей. Концы швов часто бывают украшены выпущенными ниже подола кисточками, иногда кисти располагаются только по центральному вертикальному шву.

Р. Гивеон пытается связать количество кисточек на юбке с принадлежностью шасу к разным племенам. По наличию кисточек у опоясания он относит к шасу и азиатов из гробницы Хоремхеба.³¹ К сожалению, оба предположения не подтверждаются письменными источниками. Следует вспомнить хотя бы, что кисточки украшали рубахи митаннийского типа,³² опоясания сирийцев³³ и ханаанеян.³⁴ Следовательно, способ украшения одежды кистями был широко распространен на территории Хару и не являлся отличительной чертой шасу. На груди шасу носили амулеты округлой формы, сходные с теми, которые были распространены у оседлых семитов.

Наиболее подробные изображения шасу дошли до нас на табличках с фигурами иноземных пленников из Мединет

Абу и Кантира.³⁵ Таблички не подписаны, поэтому отождествлять пленных с шасу можно только на основании сопоставления одежды и головных уборов на подписанных и неподписанных изображениях. Однако между ними имеются и различия.

Шасу храмовых рельефов одеты только в опоясания и юбки, рубаха у них встречается редко; юбки и опоясания короткие, не доходят до колен. Одежда же пленников на табличках состоит из рубахи с рукавами, юбки, сшитой из небольших кусков ткани, с поперечными и продольными полосами или опоясания (один случай из четырех), головного убора, по форме напоминающего некоторые головные уборы шасу на рельефах. У трех из четырех пленников грудь повязана поперечными полосами ткани. У трех изображенных юбка (или опоясание) надета поверх длинной (до щиколоток) рубахи, верхняя часть которой показана черной с узором в виде желтых колец, а из-под короткой юбки выступает длинная юбка зеленого цвета, вся в сборку. Головной убор состоит из обода надо лбом и отходящей назад или вверх общей массы каких-то ровно обрезанных волокон. В обобщенном виде они вполне могли бы быть изображены в виде тех переданных только контурной линией «чепцов», которые мы видели у шасу на рельефах Мединет Абу и Карнака.³⁶

Сходство контуров головных уборов, вида юбки, употребление полос ткани для обматывания груди — все эти иконографические моменты позволяют заключить, что таблички из Мединет Абу все-таки донесли до нас облик кочевников-шасу. Различия же в одежде можно объяснить тем, что в бою или в сценах доставки пленных (композиции с такими сюжетами и дошли до нас в рельефах) изображали воинов-шасу, одетых в облегченный костюм, удобный для битвы. Следует добавить, что на табличках из Мединет Абу не только шасу, но и другие народы показаны наиболее детально.

Юбки, разделенные поперечными и продольными полосами, появляются у шасу со времени контактов с «народом моря», а до этого у них существовало только опоясание.

Украшения, встречающиеся у шасу, аналогичны украшениям-амuletам всех сиро-ханаанейн: круглые медальоны или кольцо, а в одном случае — крест.³⁷

Учитывая все особенности одежды шасу, можно сопоставить ее с одним из современных арабских костюмов, а именно — с костюмом арабов Хадрамаута. До самого недавнего времени они носили в качестве полного комплекта несшитую юбку или опоясание, рубаху и платок, повязанный на голове тем или иным способом. Если учесть особенности изображения, то одежда жителей Хадрамаута тождественна одному из костюмов шасу. Территория Аравии являлась местом формирования протоарабских народностей, время от времени выплескивавшихся на территорию Ближнего Востока. Абсолютная изолированность Хадрамаута, мало изменившиеся экологические условия позволили сохраниваться древнейшему типу одежды.³⁸ Изменения коснулись костюма лишь в самом недавнем прошлом. Следует отметить также, что сопоставление изобразительных источников с этнографическим материалом дает возможность конкретнее, нагляднее понять, что хотел передать художник в рисунке. Контуры «чепцов» шасу и контуры головных повязок арабов если и не совпадают из-за импровизационности наматывания платка, то все же очень близки. Отсутствием строгой фиксированности формы и объясняется большое количество вариантов головных уборов шасу.

Мужская одежда «народов моря»

Египетские художники изображали всех представителей «народов моря» одинаково одетыми. Исключение составляет одна деталь одежды — головной убор. Только благодаря последнему, а также иногда наличию и форме бороды можно догадаться, кто показан на неподписанном изображении. Ключом же к таким чисто изобразительным памятникам служат приписки, в которых точно указано, кого изобразил египетский художник.

Одним из подписанных памятников является фрагмент рельефа из Мединет Абу времени правления Рамсеса III.³⁹

Среди представителей других народов в чередѣ захваченных египетскими войсками пленных на рельефе — турша, шардана и чакараи. Все трое изображены очень схематично, так что по этому памятнику можно судить лишь о контуре одежд и головных уборов, а для более подробного описания нужно привлекать другие памятники.

*Турша.*⁴⁰ К сожалению, у нас нет более достоверных изображений представителей этого народа, которые помогли бы до мелочей реконструировать внешний облик и костюм. Судя по названному рельефу, турша были высоколобыми людьми с крупными чертами лица, густыми, нависшими над глазами бровями и небольшой, видимо острокопечной, бородкой. Волосы на голове они сбрасывали, а на лбу носили широкую повязку, сужающуюся к уху.

Одежды турша, как и представители других морских народов на этом рельефе, в рубашку с круглым вырезом у шеи и рукавами до локтя, короткую юбку (может быть, опоясание), стянутую нешироким поясом; обуви нет.

Шардана. Они появились в Египте одними из первых «народов моря». Ко времени Рамсеса III, когда было выполнено изображение, их уже хорошо знали — в Египте существовали целые селения шардана.

На упомянутом рельефе из Мединет Абу шардана одет так же, как и турша, но отличается несколько иными чертами лица и другим головным убором. У шардана более изогнутый и тонкий нос, широкие, несколько плоские губы, брови не нависают над глазами, а образуют ровную дугу. На этом рельефе шардана показан с бородой. По форме она совершенно отлична от тех, что носили турша, и от тех, которые встречаются у сирийцев. Но все же эта деталь, очевидно, не характерна для шардана. На рельефе из Мединет Абу шардана изображен в головном уборе, напоминающем шлем, с двумя рогами в виде лежащего полумесяца⁴¹ и с навершием из шарика на длинном стержне. Над ушами туля головного убора опускается вниз, образуя своеобразные наушники. Аналогичные головные уборы можно видеть и у шардана из личной охраны Рамсеса III,⁴² и у участников Кадешской битвы (время Рамсеса II: начало

XIII в. до н.э.).⁴³ В обоих случаях на египетской службе шардана носили опоясания египетского покроя, но сохранили головной убор своего народа, причем навершие в виде шарика со стержнем могло быть или не быть, но рога на шлеме являлись необходимой деталью.⁴⁴ Шлемы без навершия показаны у участников битвы египтян с морскими народами.⁴⁵ В ней шардана изображены сражающимися в войсках обеих сторон. Там же можно видеть и подробные изображения юбки, аналогичной уже упомянутой юбке ша-су. Контурное подписанное изображение на рельефе из Мединет Абу вполне могло бы быть упрощенной схемой такой юбки; кисточек на нем нет.⁴⁶

Чакараи. Некоторые исследователи считают их одним из племен филистимлян.⁴⁷ На рельефе чакараи показаны одетыми, как филистимляне, и в таком же головном уборе. Разница только в одном — чакараи носили окладистые бороды; филистимлян, как и шардана, обычно изображали безбородыми.⁴⁸

Филистимляне. Несмотря на то что египетский художник показывал чакараи похожими на филистимлян, египтяне четко разделяли эти этнические группы. В «Путешествии Ун-Амуна в Библ» описаны приключения Ун-Амуна в стране Чакараи (Сев. Палестина), настроенной враждебно по отношению к Египту (в тексте назван город Дор).⁴⁹

От времени правления XX династии дошло много изображений филистимлян. Они упоминаются в египетских источниках начиная с первых лет правления Рамсеса III. После боев с египетскими войсками филистимляне были отброшены к берегам Ханаана и Финикии, где и захватили ряд прибрежных городов; часть же филистимлян — пеласги — направилась к островам Эгейского моря. В связи с этим следует вспомнить, что среди догреческого населения Балканского полуострова были пеласги, о чем, в частности, упоминает Геродот в своей «Истории».⁵⁰

До нас дошло много изображений филистимлян в качестве пленных или в сценах битв. Одежда у них везде одна и та же: короткая юбка с полосами и кистями, рубашка и своеобразный головной убор, благодаря которому филис-

тимлян можно узнать в любом, даже неподписанном, изображении.⁵¹

Внешне они сильно отличались от жителей материка своим прямым и довольно тонким носом и округлыми бровями. Почти на всех рельефах филистимляне предстают безбородыми,⁵² а головной убор закрывает голову таким образом, что волос совершенно не видно.

Юбки, которые надеты на филистимлянах, подобны юбкам шасу, шардана и чакараи. Конечно, такое совпадение не могло быть случайным. Уже высказывалось мнение, что шасу заимствовали их у морских народов.⁵³ Что же касается самих «народов моря», то пока можно лишь констатировать тот факт, что египетские художники, так чутко реагирующие на все различия во внешности и costume, всегда изображали представителей морских народов одетыми в одинаковые юбки. Такие же юбки появляются и на египетских воинах со времен контактов с морскими народами, потому что в армии Египта служило немало наемников из их числа, носивших подобное одеяние.

На многих рельефах филистимляне показаны одетыми в рубашку с короткими рукавами и круглой горловиной. На некоторых более подробных рельефах рубашка покрыта своеобразными нашивками из плотной ткани или кожи, превращающими ее в род доспехов.⁵⁴ В связи с этим можно вспомнить, что сирийское слово *trjn* обозначало панцирь из кожи. Это слово перешло в египетский язык⁵⁵ и детерминировалось знаком «шкура». Следовательно, панцири из кожи целиком или частично существовали на Ближнем Востоке, как мы видим на изображениях филистимлян и шардана.⁵⁶ В отдельных случаях филистимляне показаны одетыми только в юбку и головной убор, верхняя же часть туловища остается обнаженной.

Головной убор филистимлянина состоял из обода, украшенного орнаментом, нижней части, напоминающей низ шлема и закрывающей голову сзади до шеи, и видимой верхней части, представляющей собой высокую густую «щетку» из конского волоса(?), которую закрепляли в ободе.⁵⁷ Верх «щетки» свободно распадается в стороны. На

изображениях не видно, закрывал ли этот убор голову сверху, но можно предположить, что — да, иначе незачем было так тщательно закрывать голову сзади. В данном случае мы явно имеем дело с боевым шлемом, и в связи с ним можно вспомнить более поздний греческий шлем, тоже украшенный «щеткой» из конского волоса.⁵⁸ Держался шлем на голове с помощью тесемок, завязанных под подбородком.⁵⁹

Данайцы. На рельефах в Мединет Абу изображены и одетые точно так же представители другого племени — данайцев (даниуна).⁶⁰ Скорее всего, здесь мы имеем дело с близкими по некоторым чертам материальной культуры народами.

Как и у шасу, у представителей морских народов существовал также более полный комплект одежды, включавший, кроме юбки, рубахи и головного убора, длинную юбку (или длинную рубаху), поверх которой надевалась короткая. Это одяние дошло до нас на табличке из Мединет Абу.⁶¹ К сожалению, лишь по старой копии известна ваза времени Нового царства,⁶² где изображены двое мужчин в одянии жителей Хару, но в типичном головном уборе филистимлян, чакараи и данайцев. Судя по отсутствию бороды и пышной прически, характерной для ханаанейян, перед нами свидетельство процесса ассимиляции «народов моря»; последней деталью национального костюма оставался именно головной убор.

На примере одежды филистимлян, чакараи, данайцев и шардана мы встречаемся прежде всего с костюмом воинов. Особенностью последнего является то, что в основном он был одним и тем же для всех «народов моря», исключение составлял лишь головной убор. Именно его форма была этнодифференцирующим признаком. Некоторые же народности (данайцы и пеласты), имея самоназвание и отличаясь от других протогреческих народностей некоторыми существенными чертами культуры, в отношении одежды ничем между собой не различались.

Как уже отмечалось, тот же тип юбки — военного костюма был заимствован шасу; во всяком случае, появляется

он у шасу со времен контактов с морскими народами. Однако шасу сохранили собственный головной убор; следовательно, именно он являлся наиболее важной в этнодифференцирующем и этноконсолидирующем отношении деталью костюма. Это наблюдение подтверждается и изображением представителя «народов моря» в сирийской одежде, но в своем головном уборе.

К сожалению, в египетских источниках нет изображений женщин «народов моря». Крайне редки и изображения женщин-шасу. Судя по плохо сохранившемуся изображению в сцене битвы у стен «крепости Ханаана», женская одежда шасу состояла из длинной рубахи без каких бы то ни было конструктивных деталей. Ребенок показан там же обнаженным и без украшений. Нужно оговориться сразу, что изображение выполнено самым обобщенным образом.

* * *

Египетские изображения, донесшие до нашего времени внешний облик многих народов Ханаана, дали возможность проследить историю одежды этого региона на протяжении почти полутысячелетия. Памятники с изображениями азиатов показали, что коренное население данной территории делилось на две большие хозяйственно-культурные группы. Одна из них — население земледельческих районов и возникших в Передней Азии городов. Другая — кочевники-шасу, жители полупустынь и степей, скотоводы, изредка селившиеся в городах. Каждая из этих групп обладала собственной материальной культурой.

Кочевники были, по-видимому, более консолидированной народностью, поскольку кроме общих черт материальной культуры и хозяйства имели и общий этноним — «шасу».

Что же касается земледельцев, то, обладая явными общими чертами материальной культуры, они замыкались внутри городов-государств. Египетские документы употребляют по отношению к ним скорее географические, чем этнические обозначения. Именно поэтому во многих источниках Нового царства сообщается о прибытии посольства из

того или иного города без употребления этнонима. Важнее этнической принадлежности в данный период была принадлежность политическая.⁶³ Однако семиты, существовавшие на территории Передней Азии, все же обладали одним из важных признаков этнической общности — общей формой одежды.⁶⁴

Точные данные об одежде кочевников-шасу, которыми мы располагаем, ограничиваются временем правления XIX—XX династий, хотя в письменных источниках шасу упоминаются начиная с правления Аменхотепа II. Одежда шасу до их контактов с морскими народами состояла из запахивающегося опоясания с поясом, рубахи или обмоток для рук либо груди и головного убора нескольких форм. Одна из них — мягкий, неопределенной формы чепец или платок, другая — более жесткий головной убор из каких-то волокон. Р.Гивеон высказал предположение о принадлежности разных форм головных уборов разным племенам шасу. Наличие же отдельных племен и их федерации было фактом для египтян.⁶⁵

Время вступления шасу в контакты с «народами моря» — это время появления в их среде сшитой юбки, отделанной по краю полосой ткани или кожи и разделенной на квадраты поперечными и продольными полосами. Такую одежду могли носить отдельно, а могли сочетать с короткой или длинной рубахой (примеры имеются на табличках из Мединет Абу и Кантира). Учитывая специфичность содержания сцен с шасу, где они выступают в качестве воинов или военной добычи, можно предположить, что в мирное время их наряд мог дополняться длинной юбкой и рубахой или только длинной рубахой. Неизменным является лишь головной убор, благодаря которому шасу и можно узнать на изображениях, не имеющих подписей.⁶⁶ Отсутствие такой важной для кочевника части одежды, как штаны, объясняется тем, что верховая езда стала широко распространяться с первой половины 1-го тысячелетия до н.э., до этого лошади использовались в основном для колесниц или перевозки грузов. В начале 1-го тысячелетия шасу исчезают. По-видимому, они оседают на земле и более распрост-

раненным становится их название, зафиксированное в академических текстах, — «хабиру».

Женщины-шасу носили сшитую рубаху без оборок, длиной до щиколоток. К сожалению, изображения женщин малочисленны и показаны обобщенно, поэтому невозможно проследить покрой или цветовой решение их одежды.

Изображения показывают, что нательная одежда представителей разных народностей, входивших в мигрирующие федерации «народов моря», мало чем различалась. Их костюм, состоящий из опоясания или сшитой юбки с накладными полосами, рубахи (ее могло и не быть), панциря, характерен для всех народов. Однако головные уборы являлись этнодифференцирующим признаком. Шлем шардана и головной убор филистимлян, чакараи и дануна резко различались между собой, причем первый в том или другом варианте принадлежал исключительно шардана, головной убор филистимлян же был аналогичен шлему(?) дануна, хотя признать их разными племенами одного народа не представляется возможным, поскольку в дальнейшем данайцы и пеласги противопоставлялись друг другу. Следовательно, нужно констатировать факт, что эти две этнические группы обладали общими чертами материальной культуры. Чакараи же являлись одним из племен филистимлян.

На примере одежды морских народов, показанных художниками в сценах боя, мы имеем дело прежде всего с костюмом воина. Недаром, поступая на службу в войска фараона, шардана сохранили свою юбку, ее же переняли шасу и египетские воины. Шлем же играл особую знаковую роль и остался принадлежностью исключительно шардана, так же как головной убор филистимлян и дануна.

Важную знаковую функцию головной убор сохраняет и по сей день. Ярким примером может служить феска. Во многих областях Османской империи ее ношение было весьма желательным, практически обязательным, хотя остальной костюм мог оставаться региональным. С распадом империи и отношение к феске резко изменилось, почти везде она была заменена на местные типы головных уборов, а там, где форма ее сохранилась, шапочку иначе окрашивают

и выдают за свой традиционный головной убор.⁶⁷ В связи с этим можно вспомнить и употребление современными арабами головных платка и кольца даже в сочетании с современным общемировым костюмом. Такую же роль головной убор играл и в костюме древних народов.

Кроме облегченного военного костюма у шасу и «народов моря» мы видим полный вариант, когда короткая юбка воина надевалась поверх рубашки с длинной юбкой. На керамических табличках изображены яркие узорчатые одежды шасу и представителей «народов моря».

Насколько важно изучение костюма для решения проблем этногенеза, хорошо видно на примере так называемой проблемы шардана как возможных автохтонов или переселенцев на Сардинию, давших острову свое имя. Н.А.Красновская,⁶⁸ рассматривая этот вопрос, привлекла свидетельства античных авторов (самое раннее из которых относится к V в. до н.э.), а также упомянула некоторое количество работ египтологов, почти исключительно XIX в., т.е. работ безнадежно устаревших уже по своей источниковедческой основе. Естественно, что при обрисовке общей картины миграции у автора возникло ощущение путаницы(?) в свидетельствах египетских источников, их безнадежной фрагментарности. Проблеме шардана, их взаимоотношениям с Египтом сейчас посвящено большое количество трудов; ее освещают многие новые источники. Иллюзия путаницы в тех случаях, когда одни шардана в бою нападают на египтян, а другие входят в состав личной гвардии фараона, объясняется волновой природой миграции: часть шардана, прибывших в Египет еще в XV—XIV вв. до н.э., успела осесть и потому защищала свою новую родину.

Что же касается знаменитых «бронзетти» с о-ва Сардиния,⁶⁹ то воинский костюм, который они отразили, бесспорно подтверждает, что именно шардана были на Сардинии. Все элементы их костюма и вооружения до мелочей совпадают с теми, которые мы видим в египетских источниках. Другого народа, использовавшего подобные доспехи, в письменно-изобразительной традиции неизвестно, а единичные изображения, встречающиеся на азиатском побере-

жье Средиземного моря и на островах, скорее всего, были изображениями тех же шардана. Кто же построил знаменитые нураги, появившиеся примерно одновременно с шардана — вопрос будущего, когда материальные памятники можно будет датировать достаточно точно.

Завершая исследование одежды кочевых и мигрирующих групп народов Ближнего Востока второй половины 2-го тысячелетия до н.э., можно заключить, что изучение одежды дает возможность судить о многих сторонах жизни народов глубокой древности, об их контактах и взаимовлиянии культур. Одежда была тем ярким «знаком», который позволял отличить шардана от шасу, турша от филистимлянина, в то же время объединяя представителей одной народности. Сотни египетских изображений показали, что на протяжении какого-то периода та или иная конкретная одежда принадлежала определенному народу и, следовательно, являлась этническим признаком. В то же время можно проследить и взаимовлияние в costume, и его перемены. Строгих канонов, как мы видели, в нем не было. Тем не менее именно благодаря костюму на неподписанных изображениях узнаются представители того или другого народа. Пользуясь подобным ключом, можно с большой степенью вероятности определить археологические комплексы, если они донесли изобразительную информацию, а это значительно расширит наши возможности в изучении этногенеза, жизни и быта многих народов.

¹ Urkunden IV. S.1308—1309; *Janssen J.J.* Beutelliste. S.142.

² *Ranke H.* Die ägyptischen Personennamen. Glückstadt, 1935. Bd 1. S.117. N 24; *Černý J.* Coptic etymological dictionary. Cambridge, 1976. P.252. Словарь египетского языка сопоставляет их с гиксосами. Шасу в коптских текстах см.: WB. IV. 412. 10.

³ *Na'wman N.* The Town of Ibirta and the Relations of the Apiru and the Shosu // *Göttinger Miszellen.* Göttingen, 1982. H.57. S.27—33; *Шифман И.Ш.* Культура древнего Угарита... С.172.

⁴ *Loretz O.* Habiru-Hebräer: Eine sozio-linguistische Studie über die Herkunft des Gentilizium 'ibri vom appellativum ḥabirū. Berlin; New York, 1984. Эта работа мне, к сожалению, оказалась недоступной (цит. по рец.: *Altenmüller H.* // SAK. 1985. Bd 12. S.303—304).

⁵ *Giveon R.* Shosou. P.235—241.

⁶ *Spalinger A.J.* The Northern wars of Seti I: An Intergative Study // JARCE. 1979. Vol.XVI. P.30.

⁷ Ibid. P.31.

⁸ *Kitchen K.A.* Pharaoh triumphant: The life and times of Ramesses II. Warminster (England), 1982. P.67; *Spalinger A.J.* Op.cit. P.30.

⁹ *Giveon R.* Shosou. P.235; *Кленгель Х.* Указ.соч. С.60—61.

¹⁰ Существует работа, в которой автор отождествляет шасу и сугу аккадских текстов: *Görg M.* Namenstudies VII: s'sw-Beduinen und Sutû-Nomadén // *Biblische Notizen.* Bamberg, 1980. H.11. S.18—20; однако ср.: *Loretz O.* Op.cit.

¹¹ *Vaux R. de.* La Phénicie et les peuples de la mer // *Mélanges de l'Université Saint-Joseph.* Beyrouth, 1969. Vol.XLV. P.482; *Mertens P.* Les Peuples de la Mer // *CdE.* 1960. T.35. P.69—83.

¹² *Mertens P.* Op.cit. P.72.

¹³ Ibid. P.76.

¹⁴ Ibid. P.78.

¹⁵ Я не касаюсь археологического материала о них. Египтологические гипотезы по поводу судеб «народов моря» рассматриваются в работах В.М.Мюллера; см. также: *Weil R.* 1) Phéniciens, Egéens et Hellènes dans la Méditerranée primitive // *Syria.* 1921. N 2. P.133; 2) Sur la dissémination géographique du nom de peuple dans le monde égéo-asianique // *Ibid.* 1922. N 3. P.37; *Hall H.R.* The peoples of the sea // *Recueil d'études égyptologiques dédiées à la mémoire de J.F.Champollion.* Paris, 1922. P.298—329; *Wainwright G.A.* Some Sea-Peoples // *JEA.* 1961. Vol.47. P.71—90; *Sandars N.K.* The Sea-Peoples: Warriors of the ancient Mediteranean 1250—1150 B.C. London, 1978; *Helck W.* 1) Beziehungen. S.346—347; 2) Die Seevölker in den ägyptischen Quellen // *Jahresbericht des Instituts für Vorgeschichte der Universität Frankfurt am Mein,* 1976. S.7—21 (далее: *Helck W.* Seevölker), и мн.др. Вопросы, связанные с одеждой «народов моря», затронуты также в работе А.Нибби (*Nibbi A.* The Sea-Peoples: A Re-Examination of the Egyptian Sources. Oxford, 1972), но в связи с тем, что она изучает отдельные произвольно взятые изображения, не сопоставляя их в массе, ее замечания по иконографии «народов моря» часто бывают ошибочными.

¹⁶ *Fischer-Elfert H.* Die satirische Steitschrift des Papyrus Anastasi I. Wiesbaden, 1983. S.120.

¹⁷ *Helck W.* Beziehungen. S.346—347; P.Harris I. 75,5—76,5 (см.: *Хрестоматия по истории Древнего Востока.* М., 1963. С.133).

¹⁸ *Klengel H.* Geschichte Syriens im 2. Jahrtausend v.u.Z. Berlin, 1970. T.3: Historische Geographie und allgemeine Darstellung. S.241—243; *Wainwright G.A.* 1) Some Sea-Peoples. P.71—90; 2) Some Sea-Peoples and others in the Hitthite archives // *JEA.* 1939. Vol.25. P.148—153; *Helck W.* Seevölker. S.14.

¹⁹ *Lehmann G.A.* Die Šikälajū — ein neues Zeugnis zu den «Seevölker» — Heerfahrten im späten 13.Jh.v.Chr. (RS 34.129) // Ugarit-Forschungen. 1979. Bd 11. S.481—494.

²⁰ В Ливане присутствие «народов моря» не зафиксировано (см.: *Vaux R. de.* Op.cit. P.489).

²¹ *Dietrich M., Loretz O.* Die Schardena in den Texten von Ugarit // Antike und Universalgeschichte: Festschr. Hans Erich Stier zum 70. Geburtstag am 25. Mai 1972. Münster, 1972. S.39—42.

²² *Pritchard J.B.* ANE. Fig. 327, 329; *Smith W.S.* Interconnections. Fig.214; *Giveon R.* Shosou. Pl.Vg.; *Rosellini I.* Mon. civili. III. Tav.XLVIII.

²³ *Faulkner R.O.* Egypt. P.219 (на основании сведений: *Rowe A.* The Topography and History of Beth-Shan. Philadelphia, 1930. P.9. Pl.39).

²⁴ *Giveon R.* Shosou. P.255.

²⁵ Ibid. Pl.V(a—f); *Capart J.* Thèbes. Fig.65; *Wreszinski W.* Atlas. II. Taf.43; *Pritshard J.B.* ANE. Fig.326.

²⁶ *Giveon R.* Shosou. P. 252—253; *Helck W.* Beziehungen. S.335.

²⁷ *Giveon R.* Shosou. Pl.Va, VI; *Rosellini I.* Mon. civili. I. Tav.XLIX, L; *Smith W.S.* Interconnections. Fig.70; *Daressy G.* Plaquettes émaillées... Pl.IV.

²⁸ *Giveon R.* Shosou. Pl.VI. А.Нибби и Н.Сандерс приняли этих защитников Кадеша за представителей «народов моря» — филистимлян или чакаран. Однако головные уборы ясно указывают, что изображены именно шасу (ср.: *Nibbi A.* The Sea-Peoples. P.116; *Sandars N.K.* The Sea-Peoples. P.35).

²⁹ Medinet Habu. II. Pl.62, 98—100; *Giveon R.* Shosou. Pl.XI—XII.

³⁰ Medinet Habu. II. Pl.98—100.

³¹ *Giveon R.* Shosou. Pl.III, IV.

³² *Smith W.S.* Interconnections. Fig.92.

³³ *De Garis Davies N., Gardiner A.* The Tomb of Huy... Pl.XIX.

³⁴ *De Garis Davies N., Faulkner R.O.* A Syrien Trading... Pl.VIII.

³⁵ *Daressy G.* Plaquettes émaillées. Pl.IV, 13, 15; *Smith W.S.* Interconnections. Fig.70; *Giveon R.* Shosou. Pl.XIII; *Bossert H.Th.* Altsyrien. Fig.956; *Hayes W.C.* Glazed tiles from a palace of Ramesses II at Kantir. New York, 1937. Fig.10; *Osing J.* Les populations asiatiques // Le monde de la Bible. 1985. N 41. P.23—24. Fig.17. Pl.III.

³⁶ *Giveon R.* Shosou. Pl.XVII.

³⁷ Medinet Habu. II. Pl.98—100; *Giveon R.* Shosou. Pl.XII—XIII.

³⁸ В собрании Музея антропологии и этнографии им.Петра Великого имеются несшитые юбки из НДРЙ № 6767-1, 6920-9, поступившие в 70—80-е гг. В последнее время подобные юбки описаны в работе немецкого врача К.Д.Шруля (см.: *Шруль К.Д.* Сабах — утренняя заря. М., 1986. С.46, 97, 158). Великолепные фотографии приведены: *Stark F.* 1) Seen in the Hadhramaut. London, 1938. P.109, 110, 114, 137, 150, 152, 156, 158, 161; 2) The Souther Gates of Arabia: A Journey in the Hadhramaut. London, 1936. Pl. among the p.50—51, 66—67, 128—129, 166—167. Pac-

пространены подобные опоясания и в других районах Южной Аравии, на что обратили мое внимание А.Г.Лундин и М.А.Родионов (см.: *Родионов М.А.* Этнография Западного Хадрамаута. М., 1995. С.124—125. Рис.85).

³⁹ *Bossert H.Th.* Altsyrien. Abb.948; *Pritshard J.B.* ANE. Fig.9.

⁴⁰ Н.Сандерс упоминает о хеттском тексте, называющем ta-ru(u)i-ša, которые были известны в греческом мире (см.: *Sandars N.K.* Sea-Peoples. P.111).

⁴¹ Египтяне изображали шлем шардана всегда с рогами в виде полумесяца. На одной стеле из Рас-Шамры мы видим очень сходное изображение воина в опоясании и шлеме с рогами, направленными вперед. Стержень у шлема есть, а диск или шарик отсутствуют. В том, что на шлеме рога изображены развернутыми, сказались особенности художественного мышления у египетских резчиков рельефов (*Bossert H.Th.* Altsyrien. Abb.433; ср. также: *Sandars N.K.* Sea-Peoples. P.30). Сандерс сравнивает изображения шардана с фигурой бога из Энкоме (XII в. до н.э.), пишет и о находках фигурок шардана на Кипре (*Sandars N.K.* Sea-Peoples. Fig.112, 129; см. также аналогии: *Buchholz H.-G., Wiesner J., Borchardt H. und J., Brandenburg H., Catling H.W., Jakowides Sp.* Kriegswesen. Göttingen, 1977. S.E.29, Abb.3a, b).

⁴² Medinet Habu. II. Pl.62.

⁴³ *Pritshard J.B.* ANE. Fig.59; *Bossert H.Th.* Altanatolien. Abb.744—749; *Wreszinski W.* Atlas. III. Taf.20; *Müller W.M.* Asien. S.376.

⁴⁴ Древний Восток. Л., 1937. Табл.29(3); *Smith W.S.* Interconnections. Fig.218; *Müller W.M.* Asien. S.376; *Sanford E.M.* The Mediterranean World in ancient Times. New York, 1938. Pl.21a; *Steindorf G., Seele K.C.* When Egypt ruled the East. Chicago, 1957. Fig.97. Отсутствие шарика на шлеме заставило А.Нибби предположить, что шарик — символ принадлежности к египетским войскам (см.: *Nibbi A.* Sea-Peoples. P.114—116). В.Хелк же считал, что шлем без шарика принадлежит не шардана, а шекедеша (см.: *Helck W.* Seevölker. S.116). Однако, если учесть все изображения, становится очевидно, что на подписанных изображениях в таких шлемах и с шариком и без шарика изображены исключительно шардана.

⁴⁵ Medinet Habu. Chicago, 1934. Vol.I. Pl.37; *Müller W.M.* Asien. S.374; *Michalowski K.* Sztuka egipska: Teby. Warszawa, 1976. Fig.37; *Rosellini I.* Mon. civili. I. Tav.CXXVII, CXXVIII, CXXXI.

⁴⁶ Головной убор и опоясание, напоминающие костюм шардана, можно видеть на статуэтке бога из Рас-Шамры (см.: *Bossert H.Th.* Altsyrien. Abb.574; *Gray J.* The Canaanites. London, 1964. Fig.28).

⁴⁷ *Onomastica I.* P.200*; *Wainwright G.A.* 1) Some Sea-Peoples. P.71—90; 2) Some Early Philistine History // *Vetus Testamentum.* 1953. N 9. P.73—84.

⁴⁸ О сходстве головных уборов чакараи и филистимлян см.: *Luts H.E.* Textiles and costumes among the peoples of the ancient Near East. Leipzig, 1923. P.135.

⁴⁹ Коростовцев М.А. Путешествие Ун-Амуна в Библ. М., 1960. С.40—41.

⁵⁰ Геродот. История в девяти книгах. Л., 1972 (1,57—58); *Onomastica*. I. P.204—205*.

⁵¹ *Medinet Habu*. I. Pl.37, 40, 42, 43, 44; II. Pl.98—100, 118; *Rosellini I*. Mon. civili. I. Tav. CXXVII, CXXVIII, CXXXI; *Capart J*. Thèbes. Fig. 75; *Klebs L*. Die Reliefs und Malereien des Neuen Reiches. Heidelberg, 1934. S.197, Abb.124; *Pritshard J.B*. ANE. Fig.7, 57; *Bossert H.Th*. Altsyrien. Abb.947, 949, 954.

⁵² За исключением одного памятника, где изображение бородатого филистимлянина сопровождается подписью (см.: *Bossert H.Th*. Altsyrien. Abb.953).

⁵³ *Giveon R*. Shosou. P.248, 249; *Montet P*. Reliques. P.41.

⁵⁴ *Medinet Habu*. I. Pl.40—43.

⁵⁵ *Erman A., Grapow H*. Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Berlin, 1955. Bd 5. S.386. Anm.6—10; *Janssen J.J*. Commodity Prices from the Ramessid Period. Leiden, 1975. P.260.

⁵⁶ *Medinet Habu*. I. Pl.37.

⁵⁷ Было высказано предположение, что материалом для этого головного убора являлись перья птиц, но египетские художники обычно очень детально изображали перо; в данном случае сами частицы «щетки» слишком тонки для пера (ср.: *Onomastica*. I. P.200).

⁵⁸ Э.Гардинер сопоставил этот головной убор с головным убором критянина с фетского диска (*Onomastica*. I. P.203—204*; *Nibbi A*. Sea-Peoples. P.118).

⁵⁹ *Pritshard J.B*. ANE. Fig. 57; *Sandars N.K*. Sea-Peoples. P.120. Fig.75.

⁶⁰ *Medinet Habu*. I. Pl.44; ср.: *Wainwright G.A*. 1) Some Sea-Peoples. P.71—90; 2) Abimilki's News of the Danuna // *JEA*. 1969. Vol.49. P.175—176.

⁶¹ *Bossert H.Th*. Altsyrien. Abb.956; *Wallis H*. Egyptian ceramic art. S.I., 1900. Pl.V; *Smith W.S*. Interconnections. Fig.70; *Daressy G*. Plaquettes émaillées... Pl.IV.

⁶² *Rosellini I*. Mon. civili. II. Tav.LVIII; *Müller W.M*. Asien. S.366.

⁶³ Иными словами, принадлежность к определенному городу-государству (см.: *Кленгель X*. Указ.соч. С.61).

⁶⁴ Выделяя общие типы одежды, нужно учитывать, что абсолютного сходства в деталях не было. На подробных изображениях видно, что в каждом случае цвет, система отделки, иногда — детали кроя были индивидуальны.

⁶⁵ *Giveon R*. Shosou. P.258.

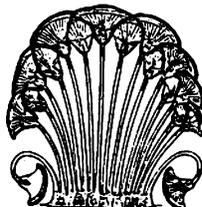
⁶⁶ Ср.: *Wente E.F*. Shekelech or Shasu? // *JNES*. 1963. Vol.22. P.167—172; *Wainwright G.A*. Shekelesh or Shasu? // *JEA*. 1964. Vol.50. P.40—46. Дискуссия об этнической принадлежности изображенного в Мединет Абу иноземца связана с тем, что часть приписки оказалась раз-

рушенной. Однако головной убор явно говорит о том, что показан именно шасу, остальная же часть костюма выполнена художником настолько обобщенно, как и у других пленных на этом рельефе, что судить о нем не представляется возможным. К тому же и разрушенная часть надписи слишком мала, чтобы там могло уместиться слово «шекелеша».

⁶⁷ *Al-Jadir W., al-Azzawi Dh. Les vêtements populaires en Irak. Bagdad, s.a. P.70—71.*

⁶⁸ *Красновская Н.А. Происхождение и этническая история сардинцев. М., 1986. С.32—41.*

⁶⁹ Там же. С.24.

Глава III

ОДЕЖДА ХЕТТОВ

Египетские источники времени Нового царства среди других иноземных народов показывают и представителей Хеттского государства.¹

Этнический состав Хати (так египтяне именовали страну хеттов) был смешанным: хатты, каски, хурриты, хетты, лувийцы и т.д. Государство хеттов на территории Малой Азии начало складываться задолго до столкновения их с египтянами. Приблизительно в XVI в. до н.э. Хатти (хет.) начинает употребляться как название для центральной и восточной частей Малой Азии. Столица государства Хаттуша становится постепенно сильным стратегическим центром страны.

Еще во времена хеттского Древнего царства его жители начали понемногу проникать в Северную Сирию, чуть позднее они столкнулись с хурритским государством Митанни. В период ослабления хеттского царства хурриты захватили целые области Хати; разгром Митанни при Тутмосе III положил конец военному могуществу этой страны. Однако языковое и культурное влияние хурритов на хеттов сказывается уже начиная с Древнего царства и становится очень сильным к Новому царству.

От хеттского Среднего царства (1500—1400 гг. до н.э.) почти не дошло письменных источников, оно изучено очень

мало. Хеттское государство было раздроблено, но и Египет в этот период был занят внутренними делами и терял контроль над завоеванными сирийскими территориями. Отпадавшие города-государства и области Сирии, не имевшие возможности самостоятельно противостоять сильной державе, искали поддержки у северных соседей. В результате возникла почва для столкновения египтян с хеттами.²

В египетских гробницах того периода изображения хеттов встречаются редко, да и то в составе посольств иных государств. Позднее контакты Египта и Хати отражены в переписке, дошедшей от времени Аменхотепа III и IV, найденной в архивах Богазкея и эль-Амарны.³

В XIV в. до н.э. влияние Египта на территории Азии падает, Хати же активно подчиняет себе все новые территории Северной Сирии (егип. Речену). Завоевание Халеба (Алеппо), Кархемиша, Алалаха, периодическое введение хеттских войск в ряд других сирийских городов-государств укрепляло могущество Хати и делало неизбежным столкновение его с Египтом на сирийской территории. Восначальники Супилулиумы вытеснили ко времени Тутанхамуна египетские войска с территории Амурру, заняли Кадеш. Угарит был дружелюбен хеттам.⁴

Со времени Харемхеба и особенно в период правления XIX династии перед Египтом встала задача восстановления прежнего влияния на Палестину, Сирию и Финикию,⁵ вновь начинаются завоевательные походы огромных армий египтян в Азию. Сталкивается же Египет с уже объединенным Хати времени хеттского Нового царства (около 1400—1200 гг. до н.э.). В этот период население во многих городах-государствах было уже смешанным, хетты жили среди сирийцев. Территориально, как заметил еще В.М.Мюллер, они в массе никогда не проникали южнее Оронта и страны Амурру.⁶

Последние сведения о хеттах в египетских письменных источниках дошли до времени правления XXVI династии.

В гробнице Менхеперрасенба (№ 86, Зап. Фивы) показаны данники из нескольких государств или городов-государств. Одежда жителей Сирии, изображенных в этой

гробнице, уже была исследована,⁷ но среди сирийцев и кефтиу находятся князья Кадеша и Хати. Кадеш, как известно, позднее находился под сильным политическим и культурным хеттским влиянием. В гробнице Менхеперра-сенба⁸ князь Кадеша внешне выглядит так же, как и князь сирийского города Тунипа: одет в такую же туникообразную рубаху с рукавами, волосы на голове сбриты, борода острая — клинышком. Изучение одежды населения Сирии показало, что такая рубаха была распространена среди жителей Митанни; с ослаблением митаннийского влияния постепенно этот тип костюма сменяется совсем другим.⁹

Князь хеттов резко отличается и прической, и одеждой. Волосы его — пышные и длинные, на голове — объемный обруч. На князе хеттов короткое белое опоясание, т.е. нешитая юбка, отделанная цветным кантом. Где находился кант на опоясании — сейчас можно только предполагать. Египетский художник расположил его на изображении так, как это было нужно ему для показа опоясания, самым выгодным образом со стороны передачи информации,¹⁰ т.е. по контуру фигуры. Однако не приходится сомневаться, что кант проходил по краю опоясания, следовательно, где-то спереди и понизу. Туловище князя обнажено. О чертах лица сказать ничего нельзя, оно разрушено.

Следующей по времени создания является гробница Аанена в Фивах (№ 120).¹¹ Сразу же нужно отметить, что подписных изображений хеттов в гробнице нет, но среди кефтиу один из иноземцев показан довольно странно. Исследователь жизни и быта доэллинистического мира Ж.Веркуттер определил его как «скорее хетта, чем жителя страны Кефтиу».¹² Пленник изображен коленапреклоненным, со связанными за спиной руками. Прежде всего, бросается в глаза необычность черт его лица, с крутым лбом и сильно вдавленной переносицей. У иноземца длинные волосы, спускающиеся на спину несколькими вьющимися прядями. Одна же прядь, более короткая, отделена и падает вдоль лица на грудь. На голове у мужчины круглая шапочка с узором-сеткой. Одежда состоит из короткой юбки или опоясания из ткани в крапинку с кантом по нижнему краю,

длиннорукавной одежды типа рубахи и плаща из тонкой ткани, укутывающего всю фигуру и завязанного на груди. Передние полы плаща тоже украшены кантом, его полотнище покрыто штрихами. На ногах незнакомца очень характерная обувь с загнутыми вверх носками.¹³

Гробница Харемхеба в Саккара (Мемфис) была создана более чем через полвека после гробницы Аанена.¹⁴ Приписок, которые сообщили бы об этнической принадлежности изображенных чужеземцев, здесь нет. Однако среди толпы приведенных пленников-семитов несколько человек отличаются весьма разительно. Прежде всего, они безбороды, в отличие от других иноземцев, обладающих пышной окладистой бородой. Вторая отличительная черта — прическа. Один из азиатов показан с длинными волосами, падающими на спину, но не пышной массой, как у семитов, а ровно. У нескольких же мужчин головы выбриты, лишь на затылке и на темени оставлены по две длинные пряди волос, падающие одна — на грудь, другая — на спину. Одеты чужеземцы так же, как и окружающие их семиты: в спиралеобразно обернутое вокруг фигуры одеяние типа индийского сари, на плечах — накидка или, быть может, соответствующим образом верхний конец полотнища укутывает плечи. Одеяние удерживается на талии поясом с узлом-петлей. Забегая вперед, можно сказать, что так оформляли себе голову (прическа, отсутствие бороды) только хетты. Заметил это еще В.М.Мюллер.¹⁵

Во второй половине правления XVIII династии Египет теряет свои владения в Азии; «все страны от Библа до Угарита» подпали под влияние хеттского царства, сообщает египетский писец. Амурру стало вассалом хеттского царя.¹⁶ Попытки предпринять военные акции против хеттов были, по-видимому, и в амарнский период.¹⁷ Начиная с правления Харемхеба Египет вступает в борьбу за положение в Азии.¹⁸

При фараоне Сети I были совершены походы в Сирию, возвращены под египетское влияние государство Амурру и ряд других территорий. Сети I столкнулся с хеттами и их союзниками и под Кадешем. При Сети I центр Амурру был хеттской областью. Тексты отмечают также присутствие

хеттов в Сирии (Речену); Нахарайн (Митанни) и Хати упоминаются вместе, местоположение их отмечается выше (т.е. севернее) Нижнего Речену и до Вавилонии.¹⁹

Кампания Сети I в Азии отражена в некоторых рельефах Карнака. На одном из них показан привод пленных в Египет.²⁰ Изображение подписное, к сожалению, очень обобщенное, контурное, однако заметно, что хетты одеты в такой же костюм, что и сирийцы; подобное одеяние мы встречали уже на рельефах гробницы Харемхеба. Как эта одежда выглядела в деталях, можно видеть на изображениях самих сирийцев.²¹ Полотнище, обернутое вокруг туловища, могло быть сшито из нескольких кусков ткани, большая ширина каждого из которых позволяла делать всего один оборот до талии — деталь важная, ибо существовал вариант такой одежды из более узкого материала, оборачивавшегося до талии несколько раз. На плечи набрасывали накидку с закругленными спереди краями. Как уже было отмечено, костюм хеттов совпадал с ханаанейским. Что же является отличительной чертой, по которой хеттов можно узнать сразу даже на неподписанном изображении?

Анализ костюма народов, живших в то время на Ближнем Востоке, показал первоочередную значимость головного убора и прически.²²

Хетты употребляли обручи для волос, как это видно в гробнице Менхеперрасенба; встречаются такие обручи и на рельефах Сети I.²³ Однако самым важным отличительным признаком для хеттов является оформление головы. На рельефах Сети I показаны сотни хеттов, и все они, в отличие от других народов, безбороды. Волосы спереди хетты выбривали приблизительно на треть головы, а сзади оставляли их очень длинными,²⁴ до середины спины, часто спуская одну прядь вперед, на грудь, и открывая уши. На этих же рельефах можно видеть небольшую шапочку с ободком, наподобие той, которая имеется на изображении в гробнице Аанена. Рисунок и цвет шапочки на храмовом рельефе были переданы краской (сейчас она не сохранилась). На названных рельефах появляется еще одна деталь — отдельная прядь волос на макушке. К сожалению, обобщенность

изобразительных средств не позволяет точно понять назначение такой пряди. Напомним только, что в гробнице Харемхеба мы видели отдельные пряди, но на бритой голове. Может быть, позднее подобную прядь чем-то пропитывали, чтобы она не сливалась с общей массой волос. Пока ответа на данный вопрос нет, хотя эта деталь встречается и позднее в иконографии хеттов. И шапочка, и прядь, и обруч могут появляться, но могут и отсутствовать. Основная же масса хеттов изображается бритыми спереди и с длинными волосами сзади.

Еще один вариант костюма показан на других частях тех же рельефов (на одной из них Сети I сражается с «великими хеттами» — возможно, в надписи упомянут этноним).²⁵ В ряде случаев здесь хетты одеты в рубашки с рукавами до локтя — оплечная одежда — и задрапированы в длинное «сари» в один оборот, удерживаемое на талии поясом. Прически, как правило, традиционные, но иногда воины изображены с пышными волосами сирийцев.²⁶ Подобная «путаница» возникает из-за того, что египтяне имели дело не с хеттами на их территории, а с общими хеттско-ханаанейскими войсками на территории собственно Ханаана. Дотошные египетские художники отразили реальную картину сосуществования разных народов.

На рельефах Сети I появляется и еще одна деталь костюма — шапочка с длинной кистью (прядью?) на макушке. Встречается она опять-таки не слишком часто.²⁷ Очень вероятно, что наличие пряди в прическе или на шапочке, шлеме, имело какой-то этно- или социально-различительное значение.

Те же костюмы изображены на хеттах в сцене битвы за Кадеш,²⁸ где они, так же как и в сцене привода пленных из страны Амор,²⁹ показаны вместе с сирийцами (следует отметить, что все рельефы Сети I с чужеземцами — подписные).

В сцене привода пленных в Египет появляется и другой костюм.³⁰ В чередке пленных северян показаны и ханаанеяне в традиционном костюме, и хетты с бритой головой, в отличие от ханаанеян — безбородые, в костюме типа «сари»,

и хетт в короткой юбке и плаще — таком же, как на неподписанном изображении в гробнице Аанена (плащ прямоугольный, видимо, из тонкой ткани, облегаящий фигуру со спины, завязанный на груди своими же концами).

Самая многочисленная группа рельефов относится ко времени правления сына Сети I — Рамсеса II. Уже в 5-м году правления он вплотную столкнулся с хеттами, и произошла знаменитая битва при Кадеше. Интересно, что среди участников битвы находились князь Алеппо, войска из Каркемиша, являвшиеся в то время хеттскими; царь же самого Кадеша в текстах не упомянут.³¹ В этой битве было взято много пленных, приведенных в Египет. Хетты жили затем среди египтян, так же как хурриты и сирийцы. Многие совершенно египтизировались, носили египетские одежды, но имена их восходят к именам хеттских богов.³² Следовательно, рядовые египтяне были близко знакомы со многими сторонами жизни хеттов и в Азии, через побывавших там воинов, и у себя в стране.

Важным для нас результатом битвы являлось строительство нескольких монументальных сооружений, стены которых были украшены изображениями сражений Рамсеса II с хеттскими войсками. Рельефы создавались одновременно в 5—8-х годах правления в нескольких районах Египта: в Карнаке, Луксоре и Рамессеуме — на юге страны; в Абу-Симбеле и Бет-эль-Вали — на территории Нубии; в Абидосе — Среднем Египте.

Из данной группы источников самыми важными являются скальный храм Рамсеса II и Амуна в Абу-Симбеле и Рамессеум, сохранившие до нашего времени не только контурные изображения, но и роспись рельефов, передающую многие детали, которые невозможно отразить в контурном рисунке или объеме.

Храмовые рельефы в Карнаке времени Рамсеса II отличаются очень высокой степенью обобщенности. Это сказывается на их информативности, однако некоторое количество сведений можно извлечь и из них. Следует отметить выразительные изображения голов, передающие как характерные антропологические особенности лица, так и типич-

ные хеттские прически, дошедшие до нас именно из Карнака.³³ Об одежде хеттов по опубликованным на сей день изображениям того времени можно точно сказать только одно: хетты носили длинные плащи, укутывающие фигуру,³⁴ оставляющие одно плечо свободным, или только «сари».³⁵

Сцена битвы при Кадеше из другого храмового комплекса — Луксора дает возможность получить чуть больше сведений: прическа та же, что у хеттов на карнакских рельефах, но плащи одеты уже прямо на драпирующееся одеяние, т.е. мы видим более сложный костюм.³⁶ В Луксоре находится и сцена штурма Дапура, защитниками которого являлись хетты,³⁷ которых можно узнать по оформлению головы. Костюм тот же, что и на защитниках Кадеша, добавились лишь детали: видно, что ворот выкраивался округло, костюм был дополнен поясом, на плечах — явно пелерина. Дапур — город, располагавшийся между горами Ливана и Антиливана; египтяне считали его находящимся «в земле хати».³⁸

Изображения хеттов времени правления Рамсеса II дошли также на стенах храма в Абидосе. Битва при Кадеше, захват пленных и т.д. — все эти сцены выполнены очень обобщенно, заметен лишь силуэт одежды, но явно видно контурное изображение одеяния типа «сари»,³⁹ причем в нескольких случаях вертикально обозначена линия плаща.⁴⁰ Там же вновь появляется смешанная толпа пленных — хетты среди жителей Ханаана.⁴¹ Узнать хеттов можно лишь по чертам лица; драпирующееся одеяние встречается и на тех и на других, иногда оно дополнено пелериной,⁴² однако плащ носили только хетты.⁴³ Надписи перечисляют приведенных пленников: дарданы, десы, каркемишцы, нахарайнцы и др. Вышеназванные территории были заняты смешанным населением, что и отражают надписи и изображения. Хетты жили среди семитоязычных народов, тут же присутствовали и митаннийцы (в том числе хурриты).

Одно изображение битвы при Кадеше уцелело на стене Рамессеума. Храм долгое время был засыпан землей, и, видимо, поэтому его рельефы сохранили живописную разра-

ботку, дающую дополнительную информацию. Хеттов, как и на всех изображениях, прежде всего можно узнать по характерной прическе: выбритые лбы, длинные волосы — и отсутствию бороды.⁴⁴ Интересно, что на одной из старых копий среди хеттов вновь изображены два сирийца с бородами и пышными волосами.⁴⁵ Приписка возле одного из хеттов гласит: «Начальник лучников хеттского царя».⁴⁶ Одет хетт так же, как и сирийцы. Встречаются и изображения хеттов с длинной прядью на темени.⁴⁷ Одежда хеттов на изображениях из Рамессеума довольно разнообразна. Наряду с общим для жителей Ближнего Востока несшитым одеянием типа «сари» в сочетании с плащом⁴⁸ встречается длинная рубаша, причем поперечной полосой копиист передает рисунок ткани.⁴⁹ Само же платье типа «хурритской рубашки» — туникообразное.⁵⁰ Часто такое платье дополнено плащом, отделанным кантом.⁵¹ Цветные копии показывают, что платья и плащи могли быть контрастными по цвету: белое платье с синим плащом; полосатое или телесного цвета платье с серым, синим, коричневым плащом.⁵² Копии, по сведениям Ж.-Ф.Шампольона, были сделаны в Абу-Симбеле, но они совпадают с рисунком одежд из Рамессеума, дополняя их.

В Рамессеуме же сохранилась еще одна сцена штурма Дапура Рамсесом II.⁵³ На ней — воины, горожане, жрец с кадилницей в руках; все они одеты в одежды одного типа, прически также одинаковые. Следовательно, египетские рельефы не отразили социальной дифференциации в типе одежды. Вероятно, эту роль играли качество и цвет ткани, украшения.

Скальный храм Рамсеса II и Амуна в Абу-Симбеле сохранил еще одну композицию битвы с хеттами при Кадеше.⁵⁴ Фотографии рельефов, сделанных в храме, очень неясны. Однако в основном данные этих рельефов совпадают с другими изображениями. Интересна сцена с хеттскими лазутчиками, приведенными в египетский лагерь.⁵⁵ На всех мы видим то же одеяние, задрапированное вокруг фигуры.

Среди скопированных Ж.-Ф.Шампольоном изображений в Абу-Симбеле очень важным является одно.⁵⁶ На нем показан хетт в рубахе из плиссированной ткани с широкими короткими рукавами. Сама рубаха тоже короткая, до колен, по бедрам повязана поясом. Поверх нее надет плащ, как обычно, завязанный на одном плече.

Долгая борьба Рамсеса II с хеттами привела к заключению мира между Египтом и Хати, поделившими «сферы влияния». В 21-м году правления Рамсесом II был заключен брак с дочерью Хаттусили III. В честь этого события в Египте установлено несколько стел; на некоторых из них дошли изображения невесты фараона и ее отца — хеттского царя.⁵⁷ Невеста показана в египетских одеждах, фигуру же хеттского царя укутывает традиционный плащ. На голове у него высокая шапка. К сожалению, изображения очень обобщенные, детали не отображены.

Таким образом, на памятниках времени правления Рамсеса II отражены уже несколько вариантов рубах, короткое опоясание и драпирующееся одеяние типа «сари». Все эти одежды могли дополняться плащом или употребляться самостоятельно.

Следующая группа изображений хеттов дошла от времени правления Рамсеса III (XII в. до н.э.) в основном из его дворца в Мединет Абу; несколько сцен, показывающих битвы с хеттами, сохранилось на стенах храмового комплекса в Карнаке. На одной из них Рамсес III выступает как победитель сирийских городов, но среди местного населения встречаются и типичные хетты.⁵⁸ Как и на предыдущих изображениях, их легко узнать по прическе и характерным чертам лица, однако египетский художник все же подчеркнул некоторую разницу в одежде: сирийцы в плащах на изображении не встречаются. Сирийцы показаны в драпирующемся одеянии, хетты — иногда в такой же одежде, иногда — в накинутом поверх нее на одно плечо плаще. Волосы у хеттов были настолько длинными, что В.Врешински принял одного из изображенных за женщину.⁵⁹

На стене храма в Мединет Абу сохранилось множество сцен с изображениями битв на территории Сиро-Пале-

стины, где египтяне сражаются и с хеттскими войсками, и со смешанными, сиро-хеттскими, гарнизонами. Сцена штурма «хеттской крепости» Рамсесом III в Мединет Абу показывает хеттов то в одеянии типа «сари», то в плаще на одном плече, причем, что одето под плащом, — неясно.⁶⁰ Оформление головы и прическа — обычные. Сцены привода пленных из Азии подтверждают чтение изображений.⁶¹ Среди пленных — финикийцы, шасу, ливийцы, «враг презренный из страны Хати»,⁶² что несомненно отражало реальный этнический состав жителей Сиро-Палестины того времени. В некоторых случаях бывает трудно понять тип накидки на плечах, настолько сильно обобщено изображение, только по косой линии полы одежды под плащом можно догадаться, что отражено все то же драпирующееся одеяние.⁶³

На ряде подписных изображений хеттов из Мединет Абу видно, что и в то время они иногда носили длиннорукавную рубаху.⁶⁴ В одном случае ясно показано, что она могла сочетаться в костюме с коротким, до колен, опоясанием или сшитой юбкой и дополнялась плащом, повязанным на одном плече.⁶⁵

Среди подписных изображений — штурм хеттской крепости Ирача.⁶⁶ Хетты одеты в типичные плащи, драпирующееся одеяние; они длинноволосы и безбороды.

Одно из подписных изображений времени Рамсеса III выпадает из общей картины.⁶⁷ Несмотря на то что изображена крепость «Тунип страны Хати», защитники крепости показаны как представители сиро-финикийян: с пышными волосами, окладистыми бородами. Объяснить это можно двояко. Либо город Тунип не был затронут хеттским влиянием и проживали там семиты, лишь выплачивая хеттам дань. Либо произошла ошибка в изображении, население было настолько перемешано, что художник мог изобразить обобщенный тип жителей Тунипа, взяв за образец только представителей местного семитского населения.

Особое место среди изобразительных источников занимают керамические глазурованные таблички с фигурами пленников, которыми были когда-то украшены стены храма

в Мединет Абу. Надписей на табличках нет, но если их сопоставить с подписными изображениями, то все этнические типы становятся узнаваемыми. Хеттов на опубликованных табличках немного — всего два.

На одной⁶⁸ хетт одет в драпирующуюся одежду типа «сари»; часть фигуры закрыта плащом, накинутым на одно плечо, плащ завязан узлом у шеи. На голове — круглая шапочка с ободком. Сама шапочка в клетку, светлый ободок расцвечен темными пятнышками. На ногах пленника — обувь с загнутыми носками, такая же, как и на чужеземце, изображенном в гробнице Аанена. Плащ и одежда хетта выполнены из узорчатой ткани. Плащ по краю отделан кантом. Его поле состоит из трех частей, выделенных рисунком: одна — орнамент, похожий на цветы; центр — косая сетка; верх — просто пятна, произвольно разбросанные по полю. Рисунок явно показывает, что плащ сшит из трех кусков материи. Драпирующееся одеяние — полосатое, причем каждая из узких полос украшена собственным рисунком. На изображении не видно, насколько широким было полотнище и сшито ли оно. Верхняя часть руки укутана все тем же одеянием, но из-под нее заметен рукав, закрывающий руку до кисти. Лицо хетта сильно разрушено, сохранились лишь его контуры. Бороды не было. Волосы длинные, падают из-под шапочки до лопаток; параллельными рядами косых полос художник постарался показать, что волосы курчавые.

Другая табличка показывает хетта, одетого в иной костюм.⁶⁹ Здесь он в коротком опоясании или сшитой юбке (разобрать невозможно) и плаще. Опоясание по краю отделано узким кантом; ткань двухцветная, по светлому фону — ряды крупных пятен, перемежающихся с рядами мелких. На талии повязан полосатый пояс. Грудь пленника обнажена. Так же как и на первой табличке, хетт одет в плащ, оставляющий одну руку свободной и завязанный на другом плече, но узла на этот раз не видно. Плащ по краю тоже отделан кантом, сшит он из целого куска ткани; рисунок ткани выполнен в виде зигзагообразных полос по свет-

лому фону. Следовательно, ткань для плаща могла изготавливаться и достаточно широкой. Ноги хетта босые. На голове — круглая шапочка с ободком, в данном случае полосатая. Из-под шапочки ниже лопаток падают длинные черные волосы, на этот раз художник показывает их прямыми. Борода отсутствует.

Дошедшие от разных исторических периодов на разных памятниках детали одежды позволяют с полной уверенностью определить иноземца из гробницы Аанена как хетта. Некоторое сомнение, заметное у Ж.Веркуттера, можно снять и считать, что высказанное им в виде предположения определение пленника как хетта блестяще подтвердилось.

Изображения хеттов на египетских памятниках Нового царства появляются в течение большого периода (конец XVI—начало XV в. до н.э. — конец XIII—начало XII в. до н.э.). В огромном количестве изображений можно выделить несколько типов костюма, бытовавшего среди массы хеттско-хурритского населения, тех, кого сами египтяне называли хеттами. Внешность их передавали одинаково. Следует отметить, что, изображая чужеземцев, египетские художники ориентировались на определенный этнический тип. Были выработаны иконографии сиро-палестинца, ливийца, хетта, шасу, нубийца, негра, некоторую долю отличий показывали среди «народов моря», кефтиу. Чуткие к документальной достоверности, египтяне отмечали все этнические «казусы». Так, они зафиксировали существование ливийской колонии в Азии, хотя она не была, по-видимому, многочисленной.⁷⁰

Единичные изображения пышноволосых или бородатых хеттов объясняются тем, что население той или иной части Хати, с которой имели дело египтяне, в некоторые периоды было преимущественно семитским, позднее — смешанным. До самой Малой Азии египетские войска не доходили; следовательно, встретились они с хеттами не на собственно хеттской территории. Позднее, при Рамсесе III, в Сирии существовали уже целые хеттские княжества, но все же автохтонное население этих районов было семитским и по численности, видимо, преобладало. Что же касается памят-

ников времени правления Сети I—Рамсеса II, то многие города в данный период только считались в «земле хеттов», а были заселены семитами, что и нашло отражение в изобразительных источниках.

Однако уже со времени правления Сети I иконография самих хеттов была разработана очень детально, так что хетта по его изображению нельзя спутать ни с оседлым семитом, ни с кочевником-шасу, ни с представителем «народов моря». К несчастью, дошло очень немного изображений митаннийцев, поэтому особенности их лиц, прически и т.д. невозможно исследовать на столь массовом материале, как представителей других народов. Поскольку хетты и хурриты — наиболее взаимосвязанные этнические общности, важно попытаться выделить самые яркие черты их иконографии, но пока на египетском материале сделать это нереально. Таким образом, когда мы говорим о хеттах в египетских изображениях, нужно помнить, что население Хати являлось смешанным, однако египетские художники на многосотенных изображениях не отразили разницы в чертах лиц или оформлении головы всех представителей этой страны. Видимо, она не была значительной.

Первые изображения хеттов появляются в гробничных росписях, когда египтяне еще не были хорошо знакомы с хеттами, единичные их представители входили в торговые посольства или выступали в качестве данников египетского фараона. Массовых контактов непосредственно с самим населением Египта не зафиксировано.

В гробнице Менхеперрасенба (№ 86) князь хеттов одет в короткое опоясание. У него маленькая бородка, пышные волосы, стянутые обручем. Князя Тунипа, Кадеша, Митанни одеты в туникообразную рубашку.

Чужеземец из гробница Аашена (№ 120) также носит опоясание, но, кроме того, — плащ, рубаху, обувь. Оформление головы (прическа, отсутствие бороды) уже напоминает более поздние памятники.

В гробнице Харемхеба появляются изображения безбородых чужеземцев с прическами, сходными с самыми по-

здними прическами хеттов. Одеты они в задрапированное одеяние типа «сари».

Следующая группа изображений появляется на храмовых рельефах времени Сети I менее чем через 10 лет. Египтяне встречаются с чужеземцами на территории Сиро-Палестины, где они живут среди семитоязычного населения, причем в контакт вступают уже большие массы народа, поскольку столкнулись целые армии и в Египет приводят множество пленных.

Типы одежды встречаются все те же, добавились лишь вариант «сари» до пояса и рубашка с рукавами, закрывающая туловище. На одних и тех же рельефах хетты одеты и в драпирующееся одеяние, и в опоясание и плащ. Изображения бородатых хеттов практически отсутствуют.

На рельефах времени правления Рамсеса II костюм хеттов остается чаще всего тем же драпирующимся одеянием, но в это время он бывает дополнен традиционным плащом. У азиатских народов египтяне отобразили такой плащ только у хеттов. Встречаются опоясания с плащами. Оформление головы, шапочки — обычные.

На памятниках времени правления Рамсеса II появляются хетты, одетые в рубаху из простой или плиссированной ткани, поверх которой может быть надет плащ. Приписки к изображениям подтверждают, что это хетты; возможно, вариант хурритской рубашки и был отражен в данных изображениях.⁷¹ Рубашки могли быть с короткими и длинными рукавами, разноцветными или в поперечную полосу. Плащ, отделанный цветным кантом, контрастировал по цвету с рубашкой: белая рубашка — синий плащ и т.д. Встречается и вариант драпирующегося одеяния, дополненного рубашкой с короткими или длинными рукавами.

Исследователи заметили, что ряд сюжетов «азиатских» рельефов периода правления Сети I был практически точно перенесен на стены храмов времени Рамсеса II.⁷² Однако свидетельствует это прежде всего о том, что египтяне не видели разницы между внешним обликом хеттов своего времени и хеттов за 10 лет до этого, иначе какие-то детали были бы изменены.

Следующая группа изображений относится ко времени правления Рамсеса III, т.е. появляется примерно через 100 лет. На этих памятниках мы встречаемся все с теми же типами одежды, что и во времена Рамсеса II, но комплект с коротким опоясанием и плащом появляется чаще, рубашка же как основной вид одежды не попадает совсем. Таблички из Мединет Абу показывают распространение обуви с загнутыми носками, такой же, как и на одном из самых ранних изображений в гробнице Аанена. На тех же табличках видно, что опоясание, плащи и драпирующееся одеяние выполнены из многоцветных орнаментированных тканей.

Ценность египетских изображений в высоком уровне их информативности, точности в деталях, обеспеченности многих изображений подписями, сообщающими не только этническую принадлежность, но и конкретное место проживания: Кадеш, Тунип, Амурру и т.д. Однако все же это — взгляд со стороны; необходимо проверить наличие всех элементов одежды на собственных памятниках Хатти (хет.). Сразу следует оговориться, что полный обзор изобразительных источников хеттов и изучение костюма на их собственном материале — задача особая и ее должны выполнить специалисты-хеттологи. Трудности при сравнении усугубляются тем, что памятники собственно хеттского государства дают картину иного состава населения, отражают различные социальные слои. Египтяне встречались прежде всего с армиями и показывали на своих рельефах в основном бои. Этим объясняется и полное отсутствие изображений женщин и детей хеттов. В качестве приведенных пленных изображали опять-таки воинов и мужское население городов. Необходимо учитывать и разницу в климате Малой Азии и Сиро-Палестины, естественно, сказывавшуюся на одежде.

Тем не менее на хеттских памятниках отражены все типы и варианты костюмов, встречающиеся на египетских изображениях.

Короткое опоясание зафиксировано на многих памятниках: бронзовая статуэтка (XV—XIII вв. до н.э.),⁷³ статуэтки из Богазкея (XV—XIII вв. до н.э.),⁷⁴ рельеф из Хаттушы

(XIV в. до н.э.),⁷⁵ стенные рельефы Язылыкайя (XIII в. до н.э.),⁷⁶ встречаются короткие и длинные опоясания и на более поздних памятниках (IX—VIII вв. до н.э.).⁷⁷ Хетты на этих изображениях могут быть и бородатыми, и безбородыми; волосы же у них на голове чаще всего, как и на египетских памятниках, длинные. Имеется и изображение обуви с загнутыми вверх носками.⁷⁸

Такое или более длинное опоясание бывает и в сочетании с короткой рубашкой с рукавами.⁷⁹ На рельефе с изображениями так называемых «акробатов» из Аладжа-Хойюк⁸⁰ этот костюм дополнен маленькой шапочкой, как на египетских рельефах. Один хетт показан с бородой. В подобном же костюме изображен и бог Тешуб на печати, происходящей из Рас-Шамры.⁸¹ На другой печати из Рас-Шамры, датируемой XIII в. до н.э., опоясание и рубашка сосуществуют с драпирующимся одеянием и плащом.⁸² Изображения на печатях из Рас-Шамры немецкий хеттолог К.Биттель относит к собственно хеттским памятникам, но все же следует учитывать, что происходят они с территории Сирии и отразили ту же смешанную картину типов костюма, что и египетские источники.

Особо следует отметить тип короткого опоясания с характерным косым углом внизу, как у шардана.⁸³

Может быть, хеттские источники отразили костюм самих шардана на своей территории (памятники XIV—XIII вв. до н.э.⁸⁴ и позднее — XI—IX вв. до н.э.),⁸⁵ но вероятнее, судя по отсутствию типичного головного убора шардана и других элементов костюма, характерных для этого народа, хетты просто позаимствовали опоясание у них.

Короткое опоясание у хеттов могло быть дополнено плащом, как и на египетских памятниках.⁸⁶ На хеттских изображениях зафиксировано и бытование платья-рубахи, одеваемого с поясом; поверх платья может быть накинута плащ. Такой костюм отмечен на рельефах Язылыкайя (XIII в. до н.э.),⁸⁷ на рельефе из Аладжа-Хойюк,⁸⁸ на статуэтке сиро-палестинского божества (середина 2-го тысячелетия до н.э.) и других памятниках.⁸⁹

Среди костюмов, встречающихся на хеттских памятниках, зафиксировано и драпирующееся одеяние типа «сари». Встречается оно и с плащом, и без него.

На рельефе из Аладжа-Хойюк⁹⁰ такое одеяние почти укрыто плащом, виден лишь нижний край; там же показано и традиционное «сари» (XIV в. до н.э.).⁹¹ Встречается такой же костюм на более ранних и более поздних хеттских памятниках.⁹²

На многих памятниках можно видеть традиционную хеттскую обувь с загнутыми носками и весьма часто — высокие шапки. В египетских источниках подобный головной убор зафиксирован всего один раз — на Хаттусили III, т.е. в качестве головного убора царя. Уже В.М.Мюллер высказал мнение, что такой головной убор — «знак высокого достоинства».⁹³ В основном египетские источники содержат изображения массы воинов. Если среди них и попадаются «князья хеттов» или «начальник лучников хеттского царя», то показаны они в условиях боя или пленными, что никак не предполагает торжественного одеяния. Конечно, одежда была различной у разных слоев населения, но не по крою, а по качеству ткани, богатству декора, цвету, украшениям.

Известный хеттолог А.Гётце исследовал хеттские источники, содержащие термины, с помощью которых обозначали элементы и виды одежды.⁹⁴ К сожалению, если даже эти термины более или менее ясны этимологически, то соотнести их с изображениями хеттологам практически не удается; поэтому если обобщенный смысл термина ясен, то конкретное его значение еще нужно уточнять. Что можно извлечь из тщательно проведенного Гётце обследования текстов применительно к нашей теме?

Сохранилось довольно много сведений о мужском костюме и очень мало — о женском.⁹⁵ По-видимому, это является следствием жанровой ограниченности источников, как и в египетском искусстве. Сюжеты, затрагивающие чисто бытовые стороны жизни, где роль женщины всегда относительно велика, практически отсутствуют.

Хеттская традиция показывает наличие разных терминов для обозначения повседневной и праздничной одежды,⁹⁶

но основа одна, разными были определители. Видимо, и тип одежды был одним.

В первой главе этой работы уже упоминалось, что один из типов одежды — рубаха/туника — имел определение «хурритская» — *túg.GÚ.É a ħurri*.⁹⁷ Были у хеттов и рубахи другого образца, не хурритские, но хурритской одеждой названа только туника. Следовательно, не исключена возможность, что хетты, тесно в это время связанные с хурритами, заимствовали тунику у них. Судя по египетским изображениям, египтяне отмечали тунику прежде всего у хурритов — жителей Митанни и Сирии.⁹⁸

Туники хурритского образца делали из шерсти и из полотна. Царские одеяния в виде такой рубахи украшали золотом и серебром. В текстах дошли сведения, что именно данные одежды входили в состав царских даров Аменхотепа IV Бунабуриашу Вавилонскому и царя Митанни (!) Тушратты — фараону.⁹⁹

Соотнося же хурритскую тунику с египетскими изображениями одежды в росписях, А.Гётце ошибочно указал на тунику, поверх которой надета еще и полоса ткани в виде «сари», т.е. на переходный тип от туники к «сари».¹⁰⁰

Отдельный термин существовал для воинской одежды — комплекта из рубахи с юбкой или, скорее, с опоясанием.¹⁰¹

Важный факт, подтверждающий правильность передачи египетскими художниками одежды, донес термин *tugbar dul*.¹⁰² Согласно хеттским текстам — это одеяние богов, царей и жрецов. Переводится данное обозначение как «одежда, покрывающая (один) бок» и имеет аккадский эквивалент *kusiti* — «плащ». Таким образом, мы убеждаемся, что хетты, которые на египетских изображениях показаны одетыми в плащ, накинутый на одно плечо, представлены верно. Что же касается одежды только царей и т.д., видимо, речь идет о каком-то варианте.

Зафиксирован термин, обозначающий шапочку, — *tug_{sag}.dul*,¹⁰³ но какой формы был головной убор — неясно.

При описании обуви использовалось несколько терминов, один из которых — *tuggad-dam-mes*, по мнению автора,

обозначает «шубы, гамаши, гетры, краги». ¹⁰⁴ А.Гётце пишет, что в Малой Азии такая обувь изготавливалась из ткани (кожи?), раскрашивалась и орнаментировалась.

Существовали и другие термины, обозначающие различные виды одежды, но, к сожалению, соответствий в изобразительном ряду к ним подобрать пока не удается.

Ритуальное употребление одежды изучено В.Г.Ардзинбой. ¹⁰⁵ Все элементы костюма и их сочетания, употребляемые в царском ритуале, присутствуют на изображениях и простых воинов, и горожан, которых встречали египтяне. Вероятно, исключительность тех или иных одеяний достигалась опять же качеством, декором, цветом. Интересны сведения, приведенные Ардзинбой, о значении белого цвета как цвета ритуальных одежд царя. ¹⁰⁶

Таким образом, мы видим, что все типы, переданные египетскими художниками, нашли отражение и в собственно хеттском искусстве.

Итак, основных типов костюма, по данным египетских изобразительных источников, у хеттов немного. Раньше всего появляется и встречается практически в течение всего исследуемого периода короткое опоясание. Следует оговориться, что одежда такого типа в том или ином варианте существует практически у всех народов. Она этнически индифферентна, это слишком простое решение костюма, чтобы нести какую-то нагрузку, кроме чисто прагматической. Имеется такое опоясание и у сиро-палестинцев. Но вот другой элемент, в сущности — дополнение к костюму, встречается на территории Азии только у хеттов. Речь идет о плаще, по-видимому, из тонкой ткани, облегающем фигуру. Плащ по краю отделялся кантом и повязывался особым образом: одна рука свободна, на противоположном плече — узел. Подобный плащ египтяне изображали только у ливийцев. Напомним, что на территории Сирии ливийцы жили одновременно с хеттами. Совпадает даже способ декора плаща. Впрочем, решение плаща опять же само по себе довольно простое. Опоясание как этнодифференцирующий элемент выделить невозможно, но опоясание с таким плащом, дополненное свойственной только хеттам обувью с за-

гнутыми вверх носками, является уже характерным костюмом, не встречающимся ни на одном представителе другого народа. Египетские резчики рельефов и художники прекрасно передавали и антропологические черты хеттов, и их прическу, по-особому выбритые головы и отсутствие практически у всех мужчин бороды.

Другим типом одежды, распространенным у жителей Хати, являлась сшитая туникообразная одежда типа рубашки. Египетские художники прежде всего отметили ее на жителях Митанни,¹⁰⁷ и логично предположить, что носили ее главным образом хурриты.¹⁰⁸ Ввиду удобства одежды такого типа мода на нее могла распространиться и среди самих хеттов. Очень часто она употреблялась с тем же плащом. В период правления Сети I—Рамсеса III, при установившейся иконографии этнических типов населения Азии, людей с внешностью сирийца в такой одежде, насколько мне известно, не встречается.

Третьим типом костюма, бытовавшим у хеттов, является одеяние, задрапированное вокруг фигуры винтообразно, подобно индийскому «сари». Такое одеяние встречается и на традиционных семитах, и на типичных хеттах. Существовало две разновидности этого костюма: полная драпировка, укутывающая всю фигуру до плеч, и драпировка только нижней части туловища. Носили ее в сочетании с рубашкой. В таком костюме бывают показаны хетты с внешностью сирийцев: пышноволосяе, с бородами и т. д.

Существовал такой костюм и в самой Хати, однако еще Г.Контено, исследуя культуру хеттов,¹⁰⁹ отметил, что этот вариант костюма как для хеттов, так и для сирийцев — следствие месопотамского влияния. Собственно же анатолийскими одеждами он назвал опоясание и тунику, дополненные плащом. Однако верная догадка исследователя относительно месопотамского влияния не была тогда подтверждена документально, поскольку прежде всего было неясно, как и когда это влияние проникло на территорию Ближнего Востока.

Изображения сирийцев в одежде такого типа встречаются начиная со времени правления Тутмоса III. На колесни-

це Тутмоса IV в подобном одеянии изображен князь Сенгара.¹¹⁰

Недавно на территории Армении в Мецаморе была найдена сердоликовая печать с изображением царя Сенгара Куригалзу.¹¹¹ Такой царь Вавилона из Касситской династии известен, он был современником Аменхотепа III. По костюму женщины,¹¹² стоящей перед одетым в «сари» царем, Б.Б.Пиотровский определил печать как сирийскую,¹¹³ хотя надпись на ней сделана на египетском языке (прочел надпись О.Д.Берлев). Так было еще раз подтверждено, во-первых, что Сенгар египетских надписей и есть Вавилон,¹¹⁴ и, во-вторых, что египтяне считали «сари» месопотамской одеждой.

На территории Месопотамии подобное одеяние известно с самой глубокой древности и, насколько можно судить по отдельно взятым памятникам, существовало вплоть до первой половины 1-го тысячелетия.¹¹⁵ Глава, в которой Б.Хруда пишет об одежде Месопотамии, указывая, что такое одеяние происходит от древнеаккадского, написана на очень большом материале, начиная с XIII в. до н.э. и ранее.

На территорию Ближнего Востока подобное одеяние проникло в XV в. до н.э. и быстро распространилось в среде семитоязычных народов, других одежд потом и не употреблявших. Существовало оно и в Малой Азии, но в значительно меньшей степени. Хетты, жившие в XIII—XII вв. до н.э. на территории Сиро-Палестины, частично восприняли это одеяние, сохранив особое оформление головы и прическу. Именно данное обстоятельство и привело к «разночтению» египетских и хеттских изобразительных источников, отмеченному О.Р.Герни.¹¹⁶

Итак, египетские источники показали нам особенности костюма далекого для египтян северного народа — хеттов и на примере смены вариантов одежды отразили пеструю этническую картину жизни и быта всего древнего населения Ближнего Востока, формирующуюся под влиянием Месопотамии в единую культурную общность.

¹ САН³. P.1—20, 117—129, 352—372; *Иванов В.В.* Очерк истории и культуры хеттов // Керам К. Узкое ущелье и Черная гора. М., 1962. С.183—214; *Bittel K.* Hattusha: The capital of the Hittites. New York, 1970. P.3—23; *Маккуин Дж.Г.* Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983. С.21—37; *Герни О.Р.* Хетты. М., 1987. С.17—58; *Гюргадзе Г.Г.* Хеттское царство // ИДМ. Кн.1. С.202—209. Большое количество копий XIX в. изучено В.М.Мюллером, который сделал некоторые ценные наблюдения. Сейчас его выводы в главе о хеттах могут рассматриваться только в качестве предварительных, потому что памятники изданы в воспроизведениях и в гораздо большем количестве, чем было доступно Мюллеру (см.: *Müller W.M.* Asien. S.319—335).

² ИДВ. Ч.II. С.118—121, 250.

³ *Bittel K.* Hattusha. P.113—131; *Aldred C.* Egypt: The Amarna Period and the End of the Eighteenth Dynasty // САН². Vol.II, Чаp.XIX. P.35—40; *Ардзинба В.Г.* Хеттское царство // Межгосударственные отношения и дипломатия на Древнем Востоке. М., 1987. С.90—130.

⁴ *Spalinger A.J.* Op.cit. P.39—40.

⁵ ВИ. Т.1. С.353; ИДВ. Ч.II. С.529.

⁶ *Müller W.M.* Asien. S.334.

⁷ *Богословская И.В.* Одежда оседлых народов Ханаана по древне-египетским изображениям XVI—XII вв. до н.э. // ВДИ. 1980. № 3. С.117—141.

⁸ *De Garis Davies N.* Menkheperasonb. Pl.IV—VII; *Müller W.M.* Eg.Res.II. Pl.7; *Champdor A.* Op.cit. S.183; *Smith W.S.* Interconnections. Fig.92; *Bossert H.Th.* Altanatolien. Abb.743.

⁹ *Богословская И.В.* Одежда оседлых народов... С.132.

¹⁰ *Schäfer H.* Von ägyptischer Kunst. Wiesbaden, 1963. S.212—223.

¹¹ *Wreszinski W.* Atlas. II. Taf.21a; *Vercoutter J.* Op.cit. Pl.XII(116), XXVI(190), XXXIV(230); *Smith W.S.* Interconnections. Fig.58.

¹² *Vercoutter J.* Op.cit. P.226—227.

¹³ Ср.: *Герни О.Р.* Указ.соч. Фото 21.

¹⁴ *Boeser P.A.A.* Beschreibung der aegyptischen Sammlung des Niederländischen Reichsmuseums der Altertümer in Leiden. Haag, 1911. Bd VI: Die Denkmäler des Neuen Reiches. 1. Abt.: Gräber. Taf.21; *Lange K., Hirmer M.* Egypt: Architecture; Sculpture; Painting in three Thousand Years. London; New York, 1956. Pl.206; *Pritchard J.B.* ANE. Fig.5.

¹⁵ *Müller W.M.* Asien. S.324.

¹⁶ *Kitchen K.A.* Pharaoh triumphant. P.13.

¹⁷ *Schulman A.* Ankhesenamun, Nofretity, and the Amka Affair // JARCE. 1978. Vol.15. P.43—48.

¹⁸ *Redford D.B.* New light on the asiatic campaigning of Horemheb // BASOR. 1973. N 211. P.36—49.

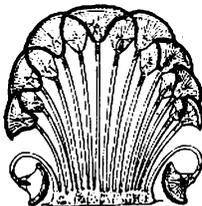
¹⁹ ВИ. Т.1. С.353; *Spalinger A.J.* Op.cit. P.33, 35, 37, 44. N 30.

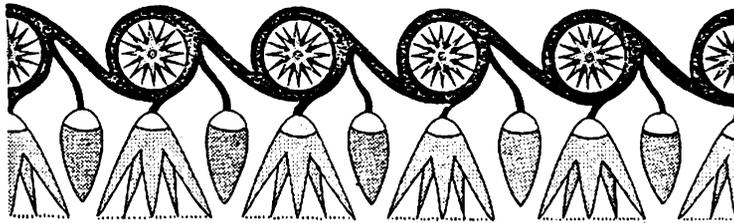
²⁰ *Wreszinski W.* Atlas. II. Taf.47; LD. III. Taf.430b; *Champollion J.F.* Op.cit. Pl.CCCI; *Pritchard J.B.* ANE. Fig.322.

- 21 *Богословская И.В.* Одежда оседлых народов... С.129.
- 22 *Богословская И.В.* Одежда кочевых и мигрирующих народов Ха-наана по древнеегипетским изображениям XIV–XII вв. до н.э. // ВДИ. 1988. N 1. С.137–138.
- 23 LD. III. Taf.130b.
- 24 *Petrie W.M.F.* Egypt and Israel. London, 1911. Fig.97.
- 25 *Capart J.* Thèbes. Fig.68.
- 26 LD. III. Taf.130; *Wreszinski W.* Atlas. II. Taf.45.
- 27 *Wreszinski W.* Atlas. II. Taf.45, 53.
- 28 *Bissing F.W.* Denkmäler ägyptischer Sculptur. München, 1914. Taf.86b; *Wreszinski W.* Atlas. II. Taf.53; *Pritchard J.B.* ANE. Pl.322.
- 29 Ibid.
- 30 *Wreszinski W.* Atlas. II. Taf.48.
- 31 *Spalinger A.J.* Op.cit. P.41.
- 32 *Schulman A.* Some Observations on the ꜥꜥ ikr n R^c-Stelae // BiOr. 1986. Vol.XLIII, N 3–4. P.324–325.
- 33 *Wreszinski W.* Atlas. II. Taf.76.
- 34 *Kuentz Ch.* La bataille de Qadech. Le Caire, 1934. Pl.XXVIII(3), XXIX, XXXI(2).
- 35 *Gaballa G.A.* Minor War Scenes of Ramesses II at Karnak // JEA 1969. Vol.55. Pl.XVIII, XIX.
- 36 *Wreszinski W.* Atlas. II. Taf.63, 81, 83; *Kuentz Ch.* Op.cit. Pl.XXXV, XXXVIII.
- 37 *Wreszinski W.* Atlas. II. Taf.78, 79, 80; *Müller W.M.* Eg.Res. Pl.45.
- 38 *Müller W.M.* Asien. S.222.
- 39 *Wreszinski W.* Atlas. II. Taf.22, 23.
- 40 Ibid. Taf.25.
- 41 Ibid. Taf.25c; *Kuentz Ch.* Op.cit. Pl.XVIII.
- 42 *Kuentz Ch.* Op.cit. Pl.XXV.
- 43 Ibid. Pl.XIX, XX(1–4), XXI, XXII.
- 44 *Quibell J.E.* The Ramesseum. London, 1898. Pl.IV; *Wreszinski W.* Atlas. II. Taf.96.
- 45 LD. III. Taf.158.
- 46 Ibid. Taf.160.
- 47 Ibid. Taf.154.
- 48 *Kuentz Ch.* Op.cit. Pl.XXXIX, XL, XLI; *Pritchard J.B.* ANE. Fig.337; LD. III. Taf.158, 165.
- 49 LD. III. Taf.165.
- 50 *Богословская И.В.* Одежда оседлых народов... С.124–126. Рис.1.
- 51 LD. III. Taf.164; *Wreszinski W.* Atlas. II. Taf.92, 104.
- 52 *Champollion J.F.* Op.cit. Pl.XXIV.
- 53 *Pritchard J.B.* ANE. Fig.333; *Wreszinski W.* Atlas. II. Taf.107–109.
- 54 *Wreszinski W.* Atlas. II. Taf.169, 171–175, 177.
- 55 Ibid. Taf.176; LD. III. Taf.153; *Champollion J.F.* Op.cit. Pl.XXIX.
- 56 *Champollion J.F.* Op.cit. Pl.XXVI.

- ⁵⁷ LD. III. Taf.196; *Pritchard J.B.* ANE. Fig.339; *Müller W.M.* Asien. S.329; *Smith W.S.* Interconntctions. Fig.46.
- ⁵⁸ *Wreszinski W.* Atlas. II. Taf.60, 62, 62a.
- ⁵⁹ *Ibid.* I. Taf.62.
- ⁶⁰ *Ibid.* Taf.145; *Pritchard J.B.* ANE. Fig.345.
- ⁶¹ *Wreszinski W.* Atlas. II. Taf.150a, 155, 156; *Pritchard J.B.* ANE. Fig.7.
- ⁶² *Capart J.* Thèbes. Fig.81.
- ⁶³ *Medinet Habu.* II. Pl.67a; *Wreszinski W.* Atlas. II. Taf.158a.
- ⁶⁴ *Medinet Habu.* II. Pl.119, 120.
- ⁶⁵ *Ibid.*
- ⁶⁶ *Ibid.* Pl.87.
- ⁶⁷ *Ibid.* Pl.88.
- ⁶⁸ *Pritchard J.B.* ANE. Fig.34; *Bossert H.Th.* Altsyrien. Abb.951; *Sliwa J.* Ägyptische Fayence Kacheln mit Darstellungen von Fremdvölkern // Festschrift zum 150 jährigen Bestehen des Berliner Ägyptischen Museums. Berlin, 1974. S.238. Taf.31c.
- ⁶⁹ *Pritchard J.B.* ANE. Fig.35; *Daressy G.* Plaquettes émaillées... Pl.III, N 12.
- ⁷⁰ *Богословская И.В.* Одежда оседлых народов... С.136—137. Рис.22—24.
- ⁷¹ Там же. С.123. Рис.1.
- ⁷² *Gaballa G.* Narrative in Egyptian Art. Mainz, 1976.
- ⁷³ *Akurgal E., Hirmer M.* Die Kunst der Hethiter. München, 1961. Taf.50.
- ⁷⁴ *Ibid.* Taf.51.
- ⁷⁵ *Ibid.* Taf.65.
- ⁷⁶ *Bittel K.* Les Hittites. Gallimard, 1976. Pl.251.
- ⁷⁷ *Akurgal E.* The art of the Hittites. New York, 1962. Taf.105.
- ⁷⁸ *Riemschneider M.* Die Welt der Hethiter. Stuttgart, 1954. Taf.5.
- ⁷⁹ *Pritchard J.B.* ANE. Fig.36, 39, 539, 541; *Bossert H.Th.* Altanatolien. Fig.927; *Герни О.Р.* Указ.соч. Фото 13, 20.
- ⁸⁰ *Akurgal E.* Op.cit. Taf.93.
- ⁸¹ *Bittel K.* Les Hittites. Pl.186.
- ⁸² *Ibid.* Pl.192.
- ⁸³ *Богослоаская И.В.* Одежда кочевых народов... С.129. Рис.11, 12; *Riemschneider M.* Op.cit. Taf.4.
- ⁸⁴ *Bittel K.* Les Hittites. Pl.206.
- ⁸⁵ *Akurgal E.* Op.cit. Taf.104.
- ⁸⁶ *Ibid.* Taf.53. 105.
- ⁸⁷ *Bittel K.* Les Hittites. Pl.239, 240.
- ⁸⁸ *Riemschneider M.* Op.cit. Taf.38.
- ⁸⁹ *Bittel K.* Les Hittites. Pl.175; *Pritchard J.B.* ANE. Fig.40; *Bossert H.Th.* Altanatolien. Fig.949.
- ⁹⁰ *Akurgal E.* Op.cit. Taf.92.
- ⁹¹ *Bittel K.* Les Hittites. Pl.212, 214.

- ⁹² *Akurgal E.* Op.cit. Taf.107; *Bittel K.* Les Hittites. Pl.281; *Kozloff A.*
A Hittite Priest-King Figure // BCMA. 1972. Febr. Fig.1—3, 6, 10.
- ⁹³ *Müller W.M.* Asien. S.329.
- ⁹⁴ *Goetze A.* Op.cit. S.48—62.
- ⁹⁵ Ibid. S.48.
- ⁹⁶ Ibid. S.50.
- ⁹⁷ Ibid. S.52—53.
- ⁹⁸ *Богословская И.В.* Одежда оседлых народов... С.126.
- ⁹⁹ *Goetze A.* Op.cit. S.53—54.
- ¹⁰⁰ Ibid. S.54; *Pritchard J.B.* Syrians. S.36.
- ¹⁰¹ *Goetze A.* Op.cit. S.55—56.
- ¹⁰² Ibid. S.57.
- ¹⁰³ Ibid. S.59.
- ¹⁰⁴ Ibid. P.60.
- ¹⁰⁵ *Ардзинба В.Г.* Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982. С.9.
- ¹⁰⁶ *Богословская И.В.* Одежда оседлых народов... Рис.3.
- ¹⁰⁷ Там же. С.122—125.
- ¹⁰⁸ Ср.: *Ардзинба В.Г.* Ритуалы... С.51.
- ¹⁰⁹ *Contenau G.* La civilization des Hittites. P.130.
- ¹¹⁰ *Carter H., Newberry P.* Op.cit. Pl.XII. Fig.7.
- ¹¹¹ *Ханзадян Э.В., Пиотровский Б.Б.* Цилиндрическая печать с древнеегипетской иероглифической надписью из Медаморского могильника // Ист.-филол. журн. (Ереван). 1984. № 4(107). С.59—65.
- ¹¹² *Богословская И.В.* Одежда оседлых народов... Рис.4.
- ¹¹³ *Ханзадян Э.В., Пиотровский Б.Б.* Указ.соч. С.60—61.
- ¹¹⁴ *Opomastica. I.* P.209—212*.
- ¹¹⁵ *Hrouda B.* Die Kulturgeschichte des assyrischen Flachbildes. Bonn, 1965. Bd 2. S.26, 36—37.
- ¹¹⁶ *Герни О.Р.* Указ.соч. С.97.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Египетские художники XVI—XII вв. до н.э., изображая представителей различных народов Ханаана, произвели отбор наиболее существенных, типизированных явлений азиатской культуры, в частности костюма.

Памятники, созданные на протяжении полутысячелетия, естественно, неравнозначны с точки зрения подачи информации. Именно поэтому в данном исследовании все они были разбиты на три большие группы согласно видовой принадлежности и внутри их изображения объединены вокруг подписных источников. Первая группа — ранние живописные изображения из гробниц, весьма детализированные, но сопровождаемые лишь краткими приписками. Главным образом это памятники XVIII династии (XVI—XIV вв. до н.э.). Вторая группа — рельефы на стенах храмов, гробниц и дворцов — характеризуется большей обобщенностью и монументальностью в изображении, но очень хорошо снабжена текстами. Только на некоторых из рельефов сохранились следы живописной разработки, а в основном использовались обобщенные линии контура. Рельефы, как правило, относятся уже ко времени правления XIX—XX династий (XIV—XII вв. до н.э.). Третья группа источников — самая важная с точки зрения детальности информации, но может служить лишь подсобным материалом, поскольку практически никогда не имеет надписей. Это памятники

прикладного искусства, создававшиеся на протяжении всего исследуемого периода.

Расположив изобразительные источники по времени их создания, можно выделить сведения об одежде разных народов в различные периоды и свести их воедино, составив основу классификации памятников согласно изображенным на них народам. Эта система стала стержневой для построения отдельных глав исследования. Основные выводы каждого из разделов — определение типов костюма того или иного народа и выявление главной линии эволюции одежды каждого конкретного этноса.

Однако, рассматривая свидетельства источников, мы видели, что существуют как сходные, так и отличные элементы в составе костюма разных этнических групп, они по-разному объединены в единое целое. Для выявления наиболее существенных конструктивных признаков и сличения их между собой следует построить конструктивную классификацию элементов одежды. К сожалению, для построения функциональной систематизации (см. Введение) свидетельств памятников изобразительного искусства и письменных источников совершенно недостаточно.

Затем, рассмотрев и сопоставив элементы по структурообразующим признакам, следует рассмотреть костюмы-комплексы с целью определения наиболее характерных для данного региона в целом.

КОНСТРУКТИВНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЭЛЕМЕНТОВ ОДЕЖДЫ

I. Нательная одежда

Памятники древнеегипетского искусства зафиксировали у народов, живших на территории Ближнего востока в XVI—XII вв. до н.э., несколько видов несшитой одежды.

1. Набедренная повязка — отмечена у проживавших на территории Азии ливийцев-тимху и хеттов. Представляла собой полосу ткани, сложенную вдвое (или две полосы

ткани) и повязанную вокруг бедер, длинный конец спускался спереди до колен.

2. Одеяние, или несшитая юбка, — зафиксировано у жителей всех районов Сиро-Палестины, хеттов, кочевников-шасу. Существование одеяния у «народов моря» проблематично; не исключена возможность, что в тех случаях, когда показана несшитая юбка, мы имеем дело с обычной для этой группы сшитой юбкой, но изображение слишком обобщено, отсутствуют мелкие детали.

Одеяние представляло собой кусок ткани прямоугольной формы, который оборачивался вокруг бедер и талии, один край заходил за другой. В первый период (до времени Аменхотепа III — XV в. до н.э.) преобладали одеяния из белой ткани, отделанной по краю цветным кантом, иногда снизу и сбоку украшенные кисточками. Начиная со времени Аменхотепа III распространяется одеяние из цветных тканей, поле которых заполнено рисунком геометрического или растительного характера. Такое одеяние не было длинным, не доходило до колен.

Подобное одеяние как элемент мужского костюма существует и в наши дни на территории Йемена, чаще всего его делают из хлопчатобумажной ткани.

Особо следует упомянуть одеяния «эгейского» типа — у них спереди выкраивался характерный выступ.

3. Начиная с XV в. до н.э. на территории Сиро-Палестины распространяется несшитая одежда в виде куска ткани, задрапированного вокруг фигуры спиралевидно, наподобие современного индийского сари. Следует оговорить, что принцип крепления такой одежды на теле, способ надевания и ношения не могли восходить к простому одеянию. Линия развития несшитой юбки (арабской, шотландской и т.д.) продолжается в саронге, принцип изготовления, крепления на теле и ношения которого идентичен одеянию. «Сари» безусловно связано с одеянием, но между ними — разница стадийного порядка. Такая одежда прежде всего могла возникнуть в обществе, члены которого имели возможность использовать на свой костюм в два-три раза больше материала, чем на сшитую одежду типа тунни-

кообразной рубахи; кроме того, употребление подобной одежды предполагает давнюю привычку к особой манере поведения. Это все-таки одежда оседлого населения с очень хорошо развитым ткацким ремеслом.

Итак, «сари» — кусок ткани, задрапированный вокруг бедер и ног винтообразно (до талии), удерживаемый на туловище с помощью пояса. По-видимому, существовал и нижний пояс, который надевали под «сари», но на изображениях он, естественно, не виден. Именно так укрепляют нижний конец ткани на теле индийские женщины.

Названный элемент существовал в двух вариантах.

а) Одевание белого цвета (скорее — из неокрашенного полотна), край которой отделан кантом. Этот вариант во всех случаях зафиксирован как дополнительный, употребляющийся с туникой или рубахой.

б) Одевание из цветной ткани. Узор мог быть самым разнообразным, геометрическим или растительным, сочетание цветов также не регламентировалось. Иногда на изображении видно, что полоса ткани сшита из нескольких кусков. Употреблялся подобный элемент одежды и самостоятельно, и в составе комплекса с длинной либо короткой туникой или рубахой. Такое опоясание использовали жители земледельческих районов Ханаана и хетты.

4. Полное драпирующееся одеяние, идентичное современному индийскому сари. Египетские источники зафиксировали его употребление со времени правления Аменхотепа III. Ткань всегда была цветной; одеяний подобного вида из белой ткани не использовали. Так же как и малое «сари», оно подвязывалось поясом с характерным узлом-петлей; могло быть дополнено другими элементами: накидкой, рубахой, но, как правило, применялось самостоятельно. Было распространено в основном у ханаанян и хеттов, но зафиксирован и единичный случай употребления такого одеяния филистимлянами-пеласты.

5. Плащ из тонкой, по-видимому шерстяной, ткани (быть может, употреблялись и другие материалы, но — тонкие), прямоугольной формы, надевавшийся таким образом, что основная часть прикрывала бок, оставляя руку и плечо сво-

бодными. Концы завязывались на противоположном плече, поэтому ясно, что ткань была достаточно мягкой. К сожалению, цветных изображений до нас дошло мало, но на некоторых видно, что плащ мог быть из цветной однотонной ткани; края часто обрабатывались кантом контрастного цвета. Такие плащи употребляли в основном хетты и ливийцы, но со времени контактов с хеттами подобный плащ иногда встречается и у жителей Сиро-Палестины.

6. Плащ-накидка — несшитый кусок ткани с отверстием для головы в центре. Края могли быть оформлены бахромой. Плащ спускался до щиколоток и в талии стягивался поясом. Распространен был мало, зафиксирован у жителей Северной Сирии в XV в. до н.э. и у кочевников-шасу во времена Сети I (рельефы Карнака).

7. Оплечная накидка с круглыми плечами, употреблявшаяся только с одеянием типа «сари». Закрывала плечи и спину.

8. Дополнительные элементы костюма.

а) Кочевники-шасу использовали узкие полосы ткани для бинтования торса. Исследователь культуры шасу Р.Гивеон высказал предположение, что такие бинты употреблялись в военном костюме и представляли собой род доспехов. Однако египетские художники показали и полный костюм шасу явно не военного характера, где все же присутствует эта деталь. Ее функциональное назначение остается неясным.

б) Существовал обычай бинтовать себе руки; отмечен он у оседлых семитов. Узкой полосой бинтовали руки от запястья и до плеча. Интересно отметить, что на одной из фотографий иллюстративного фонда МАЭ (№ 1419-35) воспроизведен костюм персидского дервиша, у которого руки до локтя забинтованы полосами ткани. Видно, что это — элемент костюма.

в) Пояса могли быть двух видов. На более ранних изображениях тунику или опоясание подпоясывали узким одноцветным поясом, концы которого прятали под одежду (впрочем, не исключено, что египетские художники не передавали узел и концы пояса из-за художественной невыра-

зительности элементов). Одновременно с появлением одеяния типа «сари» возникает на изображениях широкий пояс, иногда многоцветный или с рисунком, завязанный характерным узлом-петлей. Деталь настолько выразительная, что даже на очень обобщенных храмовых рельефах художники не забывают отметить контур пояса.

Уже на самых ранних изображениях азиатов в египетских гробницах появляются элементы сшитой одежды.

1. Рубаха, или туника, — зафиксирована в египетских росписях гробниц XVI в. до н.э. В гробнице Тутанхамуна найдены подлинные экземпляры туник. Сопоставление показало правильность реконструкции, естественно, с учетом особенностей средств художественной выразительности.

Рубаха представляла собой кусок льняного полотна, сложенного вдвое и сшитого по краю. В центре выкраивалось широкое отверстие для головы, которое с помощью тесьмы или шнура стягивали у шеи так, что ниже узла образовывалась каплевидная прорезь. Ворот обрабатывали полосой вышивки или гобеленового тканья. Ширина рубахи (по «тунике Тутанхамуна») — 95 см, длина — 113,5 см. На изображениях показана узкая, облегающая тело рубаха. Подобное искажение характерно для египетского художественного метода: требовалось показать человека в рубахе так, чтобы фигура была хорошо видна. Сбоку к стану пришивались рукава с прямой головкой, ластовиц не заметно, пройма отсутствует. Как показано на изображениях, где отмечены швы, рукав мог быть коротким или длинным, состоять из одной или нескольких деталей. Художники подчеркивали расположение швов, украшенных вышивкой; зафиксирован плечевой шов, переходящий в верхний шов рукава, что трудно отнести за счет художественного приема. По-видимому, уже существовал вариант рубахи с прямым плечевым швом.

Изображения хеттов на древнеегипетских храмовых рельефах донесли свидетельства наличия у них подобных рубах из плиссированной ткани, довольно коротких, с широкими рукавами.

На территории Ближнего Востока такой элемент костюма сохраняется у арабов-кочевников и в меньшей степени — земледельцев. Сравнение конструкции показывает, по какому пути развивался крой. Кроме общего усложнения и появления дополнительных элементов (воротник, ластовицы и т.д.), крой за истекшие 3.5 тыс. лет обогатился прежде всего деталями, скроенными по косой линии: боковые клинья, косая кокетка; и, конечно, отличительная черта рубахи кочевника-араба — огромные треугольные рукава. Появление подобных деталей, скорее всего, связано с усовершенствованием режущих инструментов.

Названные туники, или рубахи, зафиксированы у хурритов, хеттов и сирийцев на территории, находившейся под сильным культурным и политическим влиянием Митанни. Судя по очень многочисленным изображениям, именно такого типа туники были распространены и у женщин-шасу. Однако изображения очень обобщены и памятников слишком мало, чтобы можно было сделать окончательные выводы о полной идентичности мужской и женской туник.

Варианты.

а) Короткая рубаха, употреблявшаяся в качестве дополнения к опоясанию, «сари» до пояса, юбке. На изображениях этот элемент костюма встречается только на глазурованных табличках из Мединет Абу. Такая рубаха была сшита так же, как и длинная. На некоторых табличках видно, что и шасу, и оседлые земледельцы носили аналогичные рубахи из цветной ткани (по желтому фону черные круги и т.д.). Рубахи были распространены практически у всех народов.

б) Платье-рубаха туникообразного покроя с большими оборками на юбке, выступающими одна из-под другой. Зафиксировано у жительниц земледельческих районов Азии. Изображений женщин — представительниц «народов моря» и хеттов — не дошло, кочевницы же носили туникообразные рубахи.

2. Сшитая юбка, короткая, выше колен, отделанная по подолу кантом (кожей?) и поделенная плотными горизонтальными и вертикальными полосами из того же материала.

ла, что и кант, на части. Снизу и иногда сбоку на местах пересечения полос юбку украшали кисточками. Такая юбка была распространена прежде всего у представителей «народов моря» и со времени контактов с ними — у шасу. Позднее эту юбку переняли в качестве военного костюма египтяне, рядом с которыми в войсках фараона служили наемниками шардана.

II. Обувь

На египетских памятниках все семиты, как кочевники, так и оседлые, «народы моря» и подавляющее количество хеттов показаны босыми.

Только на нескольких изображениях мы видим необычные для египтян мягкие сапожки хеттов. Поскольку хеттская терминология, приведенная А.Гётце, отражает наличие разных типов обуви, ясно, что египетские художники сознательно не показали этот элемент одежды. Однако, изображая социальные низы египетского общества, подобного «пропуска» художники не совершали, следовательно, мы имеем дело с элементом этнопсихологии, заставляющей «чужого/врага» показывать именно босым. Несколько изображений хеттов в обуви являются, скорее, исключением из правил, свидетельствующим лишь о внимании художника к необычной, яркой детали.

Хеттская обувь представляла собой невысокие сапожки с острыми, загнутыми вверх носками, выполненные или из очень мягкой кожи, или из ткани и расписанные сверху. На представителях других этносов подобная обувь не встречается.

III. Головные уборы. Прическа. Оформление головы

Анализ одежды всех народов Ближнего Востока показал, что именно оформление головы в целом, включая прическу и бороду, было наиболее важной этнодифференцирующей частью костюма. Характерные прически хеттов и семитов, которые часто обходились без головного убора,

отсутствие бороды у одних (хетты) и густая, окладистая борода у других, шлем филистимлян сохраняются уже как последний признак костюма определенного этноса. Общность одежды в целом и строгая дифференциация головных уборов у «народов моря» — все эти и многие другие детали показали особо важную роль головного убора в costume народов названного региона.

Как при построении конструктивной классификации элементы костюма распадаются на сшитые и несшитые, головные уборы делятся на имеющие строго фиксированную форму и нефиксированную, при употреблении которой допускается та или иная степень импровизации.

Головные уборы нефиксированной формы.

1. Лента или узкая полоса ткани, употребляемая для поддержания волос. Не исключена возможность, что подобные повязки выполняют и другую роль. В книге немецкого врача о жизни в Южном Йемене отмечена важность применения платков или повязок из шерсти для впитывания пота и согревания линии начала роста волос (грань лба) с целью предотвращения заболеваний мозга. Ленты для повязок употребляли немногие и только изредка. Встречаются они у турша, оседлых жителей Ханаана, хеттов.

2. Платок, повязанный в виде чепца, и чепец неопределенной формы, имеющий завязки из ткани, — характерные головные уборы шасу — кочевых семитов. На этот вариант головного убора вполне распространяется замечание К. Д. Шруля, тем более что головной платок очень сходен с платком и манерой его носить, отмеченными у арабов Йемена.

Головные уборы фиксированной формы.

1. Конусообразный головной убор из стеблей какого-то растения (солома?), уложенных от вершины конуса вниз, скрепленных обручем, ниже которого концы тех же стеблей образуют поля. Зафиксирован в XV в. до н.э. у жителей Северной Сирии.

2. Головные уборы из подобного же материала, но укрепленного на налобном обруче. Направление расположения «волокон» или стеблей — снизу вверх. Не исключено,

что подобная «щетка» могла прикрывать шлем. Зафиксированы у кочевников-шасу.

3. Шлем филистимлян и дануна (данайцев). Низ его сделан из какого-то жесткого материала (металл?), завершается в видимой на изображении части обручем, в котором укреплялась щетка из конского волоса (?). Можно предположить, что он имел часть, закрывавшую затылок и темя. У некоторых шлемов были ремешки, завязывавшиеся под подбородком. Сходен с головным убором, изображенным на фетском диске.

4. Шлем шардана изготавливался из какого-то жесткого материала (скорее всего, металл), имел форму полусферы. Наверху укреплялись полукруглые рога, явно направленные вперед, как мы видим на ближневосточных памятниках. По египетской изобразительной традиции рога художник располагал на плоскости, ибо это было выразительнее, отчего один из них направлен назад. На вершине некоторых шлемов находился стержень с шариком; иногда шлем, как и у филистимлян, имел завязки.

5. Шапка царя хеттов имела форму высокого конуса со слегка закругленной вершиной, изготавливалась из каких-то твердых материалов, была признаком высокого достоинства.

6. Небольшие круглые шапочки, иногда с ободком по краю. В основном зафиксированы у хеттов, но встречались и у оседлых семитов. Сами хетты употребляли их редко. Небольшая шапочка, изготовленная из плотного материала (валяная шерсть?), напоминает современные головные уборы иранцев и курдов (*аракчин* — «впитывающий пот»).

7. Дополнительные детали: а) обод — объемный обод употреблялся оседлыми семитами и хеттами; б) страусовое перо — украшение ливийцев, живших на территории Ближнего Востока, явно играло роль этнического знака.

Прически. Оформление головы.

Шасу и «народы моря» закрывали волосы полностью, поэтому можно говорить только о бороде. Все представите-

ли «народов моря» показаны безбородыми, шасу — с маленькой бородкой-клинышком.

Оседлое мужское население Ханаана в XVI—XV вв. до н.э., как правило, брило голову, бороду же носило небольшую — клинышком. Иногда волосы стригли по форме головы или очень коротко.

Начиная со времени Аменхотепа III на египетских изображениях появляется и вскоре становится преобладающим другой вариант оформления головы оседлыми семитами: пышная окладистая борода, иногда — короткая, иногда — до середины груди, и пышные волосы чуть ниже плеч, контур массы которых египтяне передавали закругленной линией, подчеркивая их густоту и пышность.

Крайне редко, но с такой бородой могут быть изображены и хетты. Следует помнить, что население Сиро-Палестины XIV—XII вв. до н.э. было смешанным, так что перед нами явный результат местного влияния.

Характерная для хеттов прическа — длинные волосы (до лопаток) с подбритым спереди лбом. Бород хетты не носили.

Изображений женщин из числа «народов моря» и хеттов не дошло. Семитки же носили длинные волосы, скрученные в две или несколько прядей.

Детям голову обривали, оставляя одну или несколько длинных прядок. Точно так же поступали египтяне, называя такую прическу «локон юности».

IV. Украшения или амулеты

Изображений украшений или амулетов (точнее сказать невозможно) дошло очень мало. Сводятся они к двум группам: цепь или бусы из крупных зерен и круглые медальоны на цепочке. В центре некоторых медальонов видно изображение креста. Интересно, что его вышивали и на туниках («туника Тутанхамуна»). Однако таких изображений немного, и все амулеты (украшения) показаны на оседлых земледельцах и шасу.

ТИПОЛОГИЯ ОДЕЖДЫ НАРОДОВ ДРЕВНЕГО БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Построение полноценной этнографической типологии одежды по свидетельствам изобразительных источников практически невозможно из-за отсутствия материалов об ее изофункциональных вариантах. Однако те факты, которыми мы располагаем, позволяют говорить о доминирующих типах костюмов, несущих основную этнодифференцирующую нагрузку. Отбор типов произвели уже сами египетские художники, зафиксировав наиболее яркие, значимые именно с этнической точки зрения варианты.

Поскольку все типы костюмов были рассмотрены в соответствующих главах, описания в этом разделе будут очень краткими.

Типы одежды оседлых народов Ханаана

I. Наиболее ранний костюм зафиксирован в гробницах вельмож Нового царства (XVI—XV вв. до н.э.). Мужчины носили шитую рубаху или тунику из белого или неокрашенного полотна, отделанную по подолу, прорези для головы и швам цветным кантом. Как показало исследование, этот тип костюма являлся хурритским и был распространен на территории Сиро-Палестины под влиянием Митанни. Позднее его вытеснил другой тип костюма, но он по-прежнему существовал на территории Ближнего Востока и послужил исходной формой для создания современного типа костюма арабов-бедуинов, своеобразная туникообразная рубаха которых в процессе развития приобрела косые клинья с обеих сторон стана, треугольные рукава, воротник и т.д.

Волосы мужчины сбрасывали или коротко стригли. Бороду подстригали клинышком.

II. Другой тип костюма, появляющийся в самых ранних источниках, — короткие опоясания, выполненные из белой (неокрашенной) ткани с цветным кантом, иногда украшенные кисточками, бахромой. Такое одеяние иногда встречается и на представителях верхушки («князь Кадеш»), но, скорее всего, употреблялось оно как военная одежда или

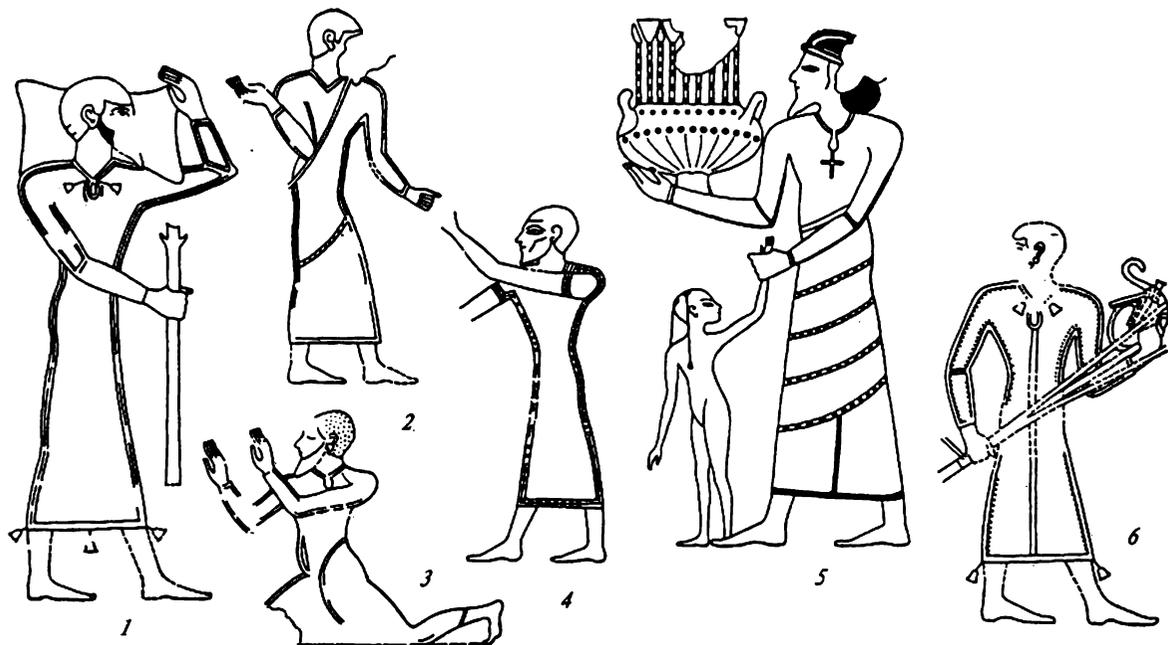

Таблица I. Одежда оседлого населения.

1, 6 — участники посольства из Северной Сирии (гробница Рехмирэ, № 100, Фивы, XV в. до н.э.); 2 — участник посольства из Сирии (гробница Аменмосе, № 42, Фивы, XV в. до н.э.); 3 — митаниец (гробница Амунеджеха, № 84, Фивы, XV в. до н.э.); 4 — князь Кадеша (гробница Менхелеррасенба, № 86, Фивы, XV в. до н.э.); 5 — сириец (гробница Себекхотепа, № 63, Фивы, XV в. до н.э.).

одежда социальных низов. Позднее у жителей Ханаана почти исчезает.

III. Уже с XV в. до н.э. на территории Ближнего Востока появляется переходный тип одежды: поверх туники или рубахи начинают носить полосу ткани, спиралеобразно оборачивая ее вокруг фигуры.

Таблица II. Одежда оседлого населения.

1 — князь из Северной Сирии (гробница Хсви, № 40, Фивы, XIV в. до н.э.); 2 — пленный сириец (гробница Харемхеба, Мемфис, XIV в. до н.э.); 3 — то же (колесница Тутанхамуна, XIV в. до н.э.); 4 — пленный сириец из Амурру (рельеф из заупокойного храма Рамсеса III в Мединет Абу, XII в. до н.э.).

IV. Начиная со времени Аменхотепа III на территории Ближнего Востока распространяются мужской костюм типа современного индийского сари, надеваемый или самостоятельно, или с рубашкой, и одеяние, спиралеобразно обернутое вокруг всей фигуры. Дополняли такую одежду накидкой и рубахой, судя по изображениям — короткой. Происходит и смена прически, бороды. Теперь семитов показывают пышноволосыми, с густой окладистой бородой.

Смена типов костюма происходит в тот момент, когда Митанни разгромлено и Ханаан постепенно освобождается от его влияния.

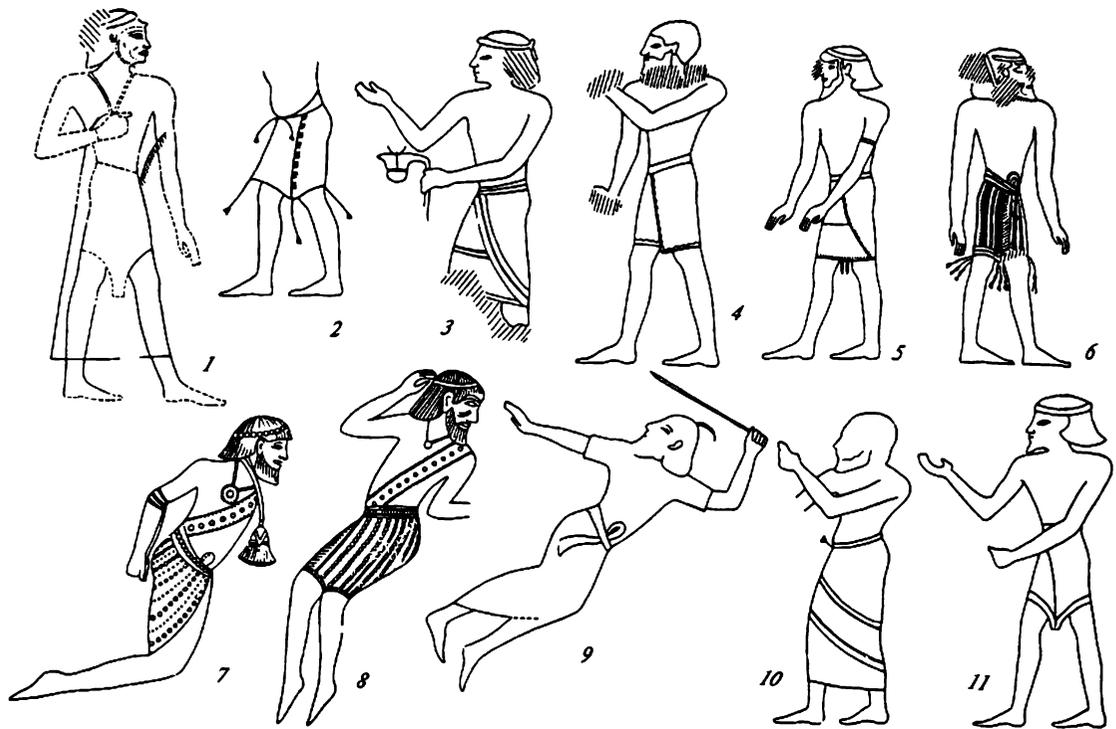

Таблица III. Одежда оседлого населения.

1 — участник посольства из Северной Сирии (гробница Рехмира, № 100, Фивы, XV в. до н.э.); 2 — то же (гробница Хеви, № 40, Фивы, XIV в. до н.э.); 3, 4 — участники посольства из Азии (гробница № 119, Фивы, XVI—XV вв. до н.э.); 5 — сириец (гробница Пуизмра, № 39, Фивы, XV в. до н.э.); 6 — ханаанец (гробница Сети I, конец XIV в. до н.э.); 7, 8 — сирийцы в сцене боя (колесница Тутмоса IV, XV в. до н.э.); 9 — защитник Кадеша (рельеф в Карнаке, конец XIV в. до н.э.); 10 — участник посольства из Азии (гробница Харемхеба, № 78, Фивы, XV в. до н.э.); 11 — кефтиу в составе посольства из Сирии (гробница Менхеперрасенба, № 86, Фивы, XV в. до н.э.).

Таблица IV. Женский костюм Ханаана.

1 — женщина и дети — участники посольства из Северной Сирии (гробница Рех-мирэ, № 100, Фивы, XV в. до н.э.); 2 — женщина и дети (гробница Харемхсба, Мемфис, XIV в. до н.э.); 3 — жена сирийского князя (гробница Небамуна, № 17, Фивы, XV в. до н.э.); 4 — женщина из Азии (гробница Кенамуна, № 162, Фивы, XVI—XIV вв. до н.э.).

Именно поэтому мне казалось закономерным на первом этапе исследования, что хурритский тип костюма был заменен собственно ханаанейским.¹ Однако дальнейшее исследование и особенно новая публикация печати из Мецаморы показали, что данный тип костюма пришел из Месопотамии, где существовал с глубокой древности.

Типы одежды кочевников-шасу

Костюм шасу известен нам в двух вариантах одного типа: полный и облегченный. Полный состоял из цветной рубахи с рукавами, длиной до щиколоток или нижней юбки в сборку и одетого поверх опоясания. На голове носили платок, повязанный в виде чепца, или чепец, а иногда — сложный убор на ободке (шлем?). Волосы прятали под головной убор, бородку стригли коротко, клинышком. Облегченный костюм встречается на изображениях гораздо чаще. Он состоял из опоясания, рубахи, платка или чепца. Со времени контактов с «народом моря» у шасу появляется сшитая юбка. Иногда они бинтовали себе грудь (род «доспехов»).

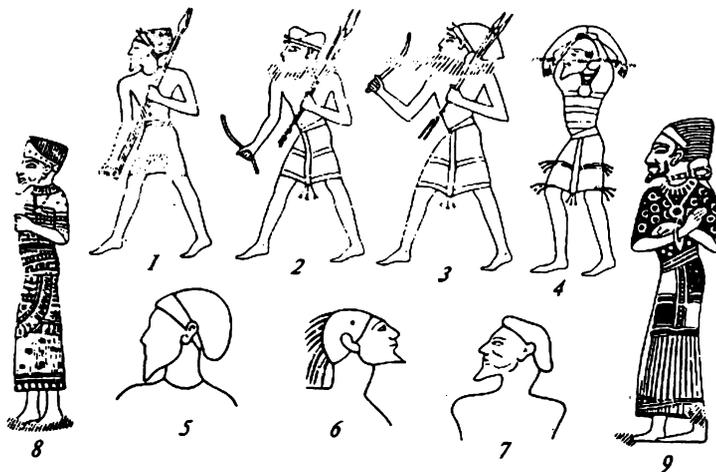

Таблица V. Шасу.

1 — из личной гвардии Рамсеса III (Мединет Абу, конец XIII в. до н.э.); 2, 3 — то же; 4, 8, 9 — пленные (Мединет Абу, конец XIII в. до н.э.); 5 — защитник крепости Ханаан (Карнак, XIV в. до н.э.); 6, 7 — пленные (там же).

Облегченный вариант костюма шасу сохранился до наших дней в виде основного типа костюма арабов Южной Аравии.

Типы одежды «народов моря»

Костюм «народов моря» во всех деталях, кроме головного убора, практически полностью совпадает. Поэтому мы можем говорить об одном типе костюма, по-видимому, отразившем культурную общность данной группы народов в исследуемый отрезок времени.

Комплект одежды состоял из сшитой юбки, иногда рубахи и головного убора. Именно последний был самой важной этнодифференцирующей деталью. По различиям головных уборов мы можем судить о степени близости в некоторых чертах культуры отдельных народов этой группы. Филистимляне, чакараи и дануна по костюму ничем не различаются, но филистимлян и дануна нельзя считать племе-

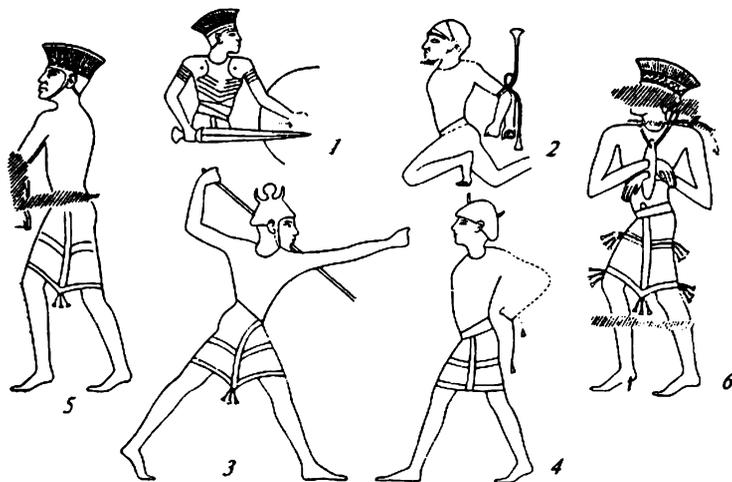

Таблица VI. «Народы моря».

1 — филистимлянин или дануна (Мединет Абу, конец XIII в. до н.э.); 2 — турша (там же); 3 — шардана (там же); 4 — пленный шардана (там же); 5, 6 — филистимляне из Амурру (там же).

нами одного народа; в позднейшей письменной традиции они противопоставлялись. Чакараи же были одним из племен филистимлян. Турша употребляли налобные повязки. Шардана носили шлем, дошедший в двух вариантах. Сохранилось свидетельство заимствования филистимлянами ханаанейского костюма типа «сари». Последней деталью традиционного костюма остался шлем.

Типы одежды хеттов

Наиболее ранним из сохранившихся на протяжении всего периода проживания хеттов на территории Сиро-Палестины (XVI—XII вв. до н.э.) является комплект одежды, состоящий из опоясания, рубахи, плаща, характерной обуви и прически с низко выбритой головой. Хетты могли носить маленькую шапочку; подобный костюм встречается не слишком часто, но по сравнению с другими он несет большую этническую нагрузку.

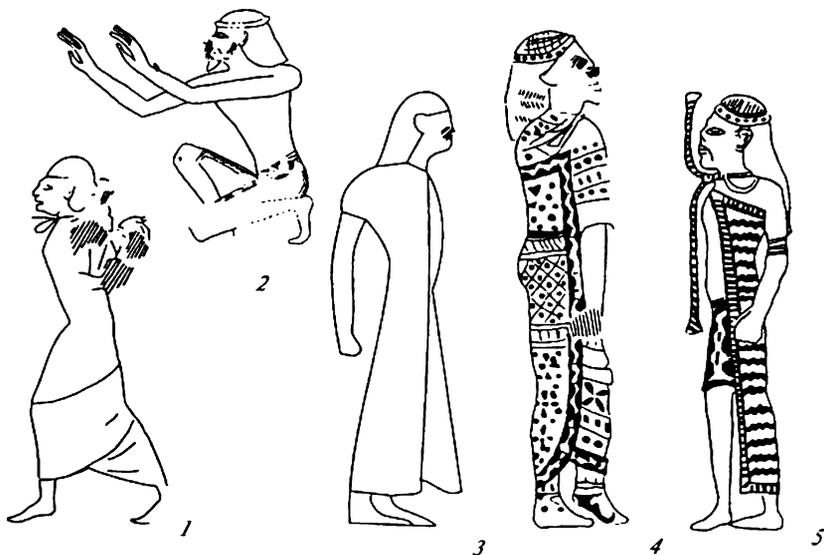

Таблица VII. Хетты.

1 — пленный из Амурру (храм Рамсеса III в Мединет Абу, конец XIII в. до н.э.); 2 — князь (гробница Менхеперрасенба, № 86, Фивы, XV в. до н.э.); 3 — пленный (Карнак, XIII—XII вв. до н.э.); 4, 5 — пленные (Мединет Абу, конец XIII в. до н.э.).

Второй тип костюма, появившийся несколько позднее, — митаннийская туника, которую носили тоже с плащом. Прическа та же.

Третий тип костюма, как и первые два, существовавший у хеттов Малой Азии, — одеяние типа «сари».

Типы одежды ливийцев

В костюме ливийцев, живших на протяжении 150 лет на территории Ближнего Востока (город Сатна и страна Амурру), выделяются два типа.

Один тип — полный комплект из опоясания, плаща (такого же, как у хеттов) и очень характерной прически, ук-

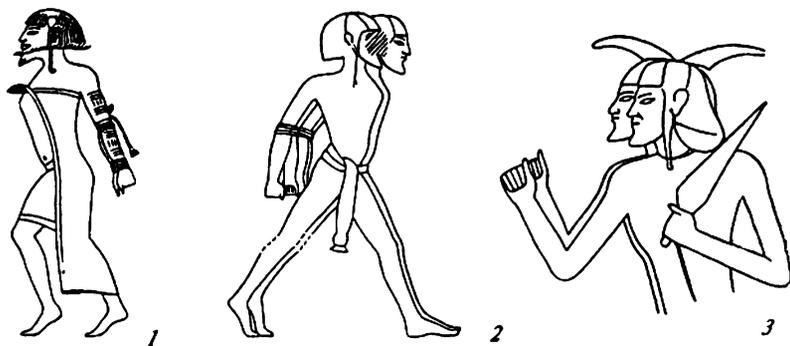

Таблица VIII. Ливийцы.

1 — из Амурру (рельеф заупокойного храма Рамсеса III в Мединет Абу, XII в. до н.э.); 2, 3 — пленные защитники Сатны (рельеф из Луксора, XIII в. до н.э.).

рашенной страусовым пером. Второй тип состоял из набедренной повязки, плаща и такой же прически.

Первый тип костюма был характерен для ливийцев-машауша и либу, второй — для тимху, т.е. здесь отразилась разница в costume племен. Набедренная повязка, страусовые перья и татуировка — характерные черты африканской культуры.

Впервые материалы фиванских гробниц по костюму сирийцев собрал и проанализировал, выделив четыре основных типа, известный американский ассириолог Дж.Б.Причард.² Он обследовал более чем 200 фигур из 21 гробницы, сведя основные данные по распространению каждого из типов в таблицу. Под индексом «А» Причард закодировал короткое опоясание (без дополнений), под индексом «В» — тунику или рубашу, под индексом «С» — «сари», впервые обратил внимание на сходство индийской одежды с костюмом сирийцев, под индексом «D» — то, что является, в сущности, переходной формой — сочетанием рубашки и драпирующейся одежды. Причард счел это одеждой особого типа.

Выдающийся ассириолог особо отметил, что в Азии не сохранилось материалов, подобных египетским, по уровню дифференциации различных народов.³ Однако при всей важности наблюдений Причарда они были основаны на относительно небольшой группе памятников, ограничены по времени и не охватывали других народов. Естественно, что и картина получилась довольно узкой.

Итак, если объединить все типы костюмов, существовавшие на территории Ближнего Востока, и отбросить второстепенные на определенном уровне анализа детали, можно сделать следующие выводы.

У собственно переднеазиатских народов (ханаанеяне, шасу, хетты) существовало три основных типа костюмов: 1) хурритский — главным элементом являлись рубаха или туника (шасу не имели); 2) месопотамский — основным элементом было одеяние типа «сари» (у шасу отсутствовало); 3) переднеазиатский — главный элемент — опоясание. Последний тип костюма был распространен на Ближнем Востоке практически повсеместно. Кочевники употребляли именно его, у оседлого населения и у хеттов он то появлялся, то его вытесняли первые два типа. Представляется, что одежда, в основе которой лежит опоясание, и была издавна именно переднеазиатским типом костюма. Об этом свидетельствуют и росписи в Бени-Хасане (Египет, Среднее царство, XX в. до н.э.), и то, что данный тип одежды сохранился до нашего времени на юге Аравии. Впрочем, тип хурритской туникообразной рубахи также уцелел в одежде современных арабских бедуинов, естественно, в виде, несколько модифицированном за истекшие 3.5 тыс. лет.

* * *

Таким образом, египетские изобразительные источники XVI—XII вв. до н.э. донесли до нас ценные сведения о многих чертах традиционно-бытовой культуры народов древнего Ближнего Востока. Благодаря этим данным мы можем на конкретном материале видеть, какое значение имел кос-

твом как знак определенного этноса. Основные типы переднеазиатских костюмов, конечно, в сильно измененном виде существуют на территории Ближнего Востока и в настоящее время. Естественно, необходимо было разобраться в том, насколько все-таки одежда служит носителем этнической специфики, что именно передает определенную информацию, в каких условиях костюм становится особенно значимым.

Как явление материальной культуры любой элемент костюма и комплект одежды в целом обладают определенной суммой признаков. Структурообразующие признаки: материал, из которого изготовлена одежда; крой-конструкция, качественно связанная с режущими и шьющими инструментами, — все они прежде всего связаны с условиями хозяйствования, особенностями экологической среды и техническим оснащением данного общества. К тем же признакам относится и состав комплекта, образующего костюм (хетты, жившие на севере, к комплекту с опоясанием добавляли плащ, по-видимому шерстяной). Варьирующие признаки — цвет, декор, качества ткани; дополнительные элементы выполняют особую задачу — создания собственно образа «человека в костюме» как представителя конкретной этнической и социальной единицы, занимающего в ней строго определенное место.

Однако не следует считать, что традиционная культура не дает каких-то возможностей для чисто индивидуального варьирования. Именно на этом уровне осуществляется создание конкретного элемента, происходит накопление определенных тенденций, приводящее к крупным качественным изменениям.

На примере ближневосточного костюма XV в. до н.э. мы видим, что «сари» сначала появилось в костюме в качестве дополнительного элемента, выполнявшего вполне второстепенную функцию. Ни по цвету, ни по декору его полотно не отличалось от рубахи и в костюме в целом не играло сколько-нибудь значительной роли. Вскоре происходит качественное изменение состава костюма, и мы видим, как вместе с основными признаками меняются и варь-

ирующие: рисунок ткани становится многоцветным, динамичным, меняется вся стилистика костюма и причесок. Однако серьезных перемен в этническом составе населения этого времени не отмечено; следовательно, мы имеем дело с внутренней динамикой изменения костюма под воздействием в данном случае проникновения на территорию Ближнего Востока культурного влияния Месопотамии, которое прежде подавлялось хурритским. Для материальной культуры Ближнего Востока это был серьезный шаг назад: от преобладавшей до того хурритской сшитой одежды, достаточно удобной и приспособленной к местным условиям, к несшитой одежде, требующей гораздо большего количества ткани, т.е. экономически невыгодной и к тому же менее удобной в употреблении. Разумеется, условием для такого заимствования должно быть влияние в других сферах культуры, прежде всего — в духовной.

Два других типа костюма были созданы на территории Ближнего Востока и вполне соответствовали и местным условиям, и особенностям хозяйствования. Это и обеспечило им столь долгое существование, несмотря на все этнические изменения, происшедшие в регионе.

Кочевники-шасу (они же — хабиру), пришедшие с территории Аравии, в исследуемый период сохраняли костюм, созданный для местных условий и бытующий на Аравийском полуострове по сей день. Аналогичный тип костюма существовал и у жителей Ханаана, и у хеттов, но все же климат этих местностей требовал создания другого рода костюма, более закрывающего тело. Несмотря на то, что во второй половине 2-го тысячелетия до н.э. опоясание еще достаточно распространено у разных народов, видно, как оно активно заменяется другими типами одежды — митаннийским и месопотамским.

Хурритская рубаха сохранилась до наших дней у арабов-бедуинов, а в недавнем прошлом — почти у всего арабского населения Ближнего Востока. Туника сильно изменилась в пропорциях, цвете, декоре, но выделить ее конструктивную основу вполне можно. Очевидно, этот тип одежды отвечал условиям экологического окружения и способу

хозяйствования. Только наступление массового производства европейских костюмов в последнее время, нарушение культурной замкнутости арабского мира подорвало позиции древнего типа костюма, заменив его где-то менее, где-то более на современный мировой тип одежды.

Таким образом, мы видим, что определенный тип одежды может сохраняться и в условиях смены этносов. Является ли тогда традиционный костюм этническим признаком?

Египетские художники, отбирая типичные черты того или иного этноса, обязательно отражали все важные, с их точки зрения, особенности костюма. Следовательно, для них костюм являлся вполне этническим признаком. Создавали же «этническое» в костюме, этнический образ костюма с помощью варьирующих, прежде всего эстетических, характеристик.

В сущности, еще до встречи с другим этносом, когда происходит психологическое обоснование особенностей того или иного явления материальной культуры как этнического, оно уже существует как объективная реальность, облеченная в определенную эстетическую форму. Не исключена возможность того, что при контактах с разными культурами могут быть, по принципу контраста, подчеркнуты то одни, то другие характеристики или детали (лучше всего это видно на роли головного убора). Так, для египтян, употреблявших почти исключительно одежды белого цвета, самым ярким впечатлением от костюмов иноземцев осталось их многоцветье. При контактах с другими традициями могут быть выявлены и совсем иные черты культуры.

Завершая обследование египетских источников по одежде народов древнего Ближнего Востока, следует еще раз отметить, что мы имеем уникальную возможность представить себе на массовом материале генезис одежды целого региона на протяжении почти полутысячелетия, а некоторых черт культуры — и до наших дней. Появилась возможность выявить некоторые закономерности общего порядка развития материально-технической культуры, проследить ее теснейшую связь с духовной культурой, прежде всего с народной эстетикой.

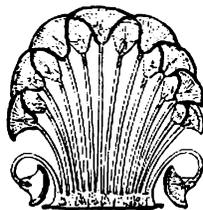
Многие народы, принявшие самое активное участие в формировании этносов и их культуры в районе Средиземноморья, именно благодаря костюму, зафиксированному в египетском искусстве, могут быть опознаны и на неподписанных изображениях.

Костюм оказывается важнейшим носителем этнической информации, но и для того, чтобы понять это, закодированную информацию нужно было расшифровать.

¹ *Богословская И.В.* Одежда оседлых народов... С.132.

² *Pritchard J.V.* *Syrians.* P.36—41.

³ *Ibid.* P.41.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Андреев Ю.В.* Крито-микенский мир // ИДМ. Кн.1: Ранняя древность. М., 1982. С.278—297.
2. *Ардзинба В.Г.* Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982.
3. *Ардзинба В.Г.* Послесловие: О некоторых новых результатах в исследовании истории, языков и культуры древней Анатолии // Маккуин Дж.Г. Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983.
4. *Ардзинба В.Г.* Хеттская дипломатия // Межгосударственные отношения и дипломатия на Древнем Востоке. М., 1987. С.90—130.
5. *Ардзинба В.Г.* Послесловие // Герни О. Хетты. М., 1987. С.192—222.
6. *Байбури А.К.* Изучение системности культуры: (К постановке вопроса) // КСИЭ, 1974—1976. Л., 1977. С.35—36.
7. *Байбури А.К.* Некоторые вопросы изучения объективированных форм культуры: (К проблеме этнографического факта) // Сб. МАЭ. 1982. Т.38. С.5—15.
8. *Берлев О.Д.* Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства. М., 1972.
9. *Богатырев П.Г.* Вопросы теории народного искусства. М., 1971.
10. *Богословская И.В., Богословский Е.С.* Сиро-палестинская богиня Кудшу в Древнем Египте // Палестинский сборник. Л., 1978. Вып.26(89). С.140—164.
11. *Богословская И.В.* Одежда оседлых народов Ханаана по древнеегипетским изображениям XVI—XII вв. до н.э. // ВДИ. 1980. № 3. С.117—141.
12. *Богословская И.В.* Жилище народов Турции // Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Западной и Южной Азии. М., 1981. С.84—96.
13. *Богословская И.В.* Одежда в этногенезе Ханаана во II тыс. до н.э. // Древневосточная культура и вопросы ее преподавания на историческом факультете. Даугавпилс, 1985. С.10—14.

14. *Богословская И.В.* Коллекции Музея антропологии и этнографии АН СССР как источник для изучения региональных особенностей костюма курдов Ирана и Ирака // Проблемы развития культуры народов и изучения культуры по музейным коллекциям. Омск, 1987. С.95—96.
15. *Богословская И.В.* Проблемы изучения типологии костюма в советской этнографии // Проблемы общей этнографии и музеификации. Л., 1987. С.24—25.
16. *Богословская И.В.* Одежда кочевых и мигрирующих народов Ханаана по древнеегипетским изображениям XIV—XII вв. до н.э. // ВДИ. 1988. № 1. С.126—139.
17. *Богословская И.В.* Костюм как отражение межэтнических влияний в культуре народов древнего Ближнего Востока (по древнеегипетским изображениям XVI—XII вв. до н.э.) // Этносы и этнические процессы. М., 1993. С.288—299.
18. *Большаков А.О.* Представление о двойнике в Египте Старого царства // ВДИ. 1987. № 2. С.33—36.
19. *Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. М., 1973.
20. *Бромлей Ю.В.* К проблеме типологизации этнических общностей // IX МКАЭН. Чикаго, сент. 1973: Докл. сов. делегации. М., 1973. С.14—16.
21. *Бромлей Ю.В.* Культура как предмет этнографических исследований // Культурологические аспекты археологических и этнографических исследований. Л., 1976.
22. *Бромлей Ю.В.* К типологизации этнических процессов // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С.3—11.
23. *Всемирная история.* М., 1956. Т.1.
24. *Герни О.Г.* Хетты. М., 1987.
25. *Геродот.* История в девяти книгах. Л., 1972.
26. *Горелик М.В.* Ближневосточная миниатюра XII—XIII вв. как этнографический источник: (Опыт изучения мужского костюма) // СЭ. 1972. № 2. С.37—50.
27. *Горелик М.В.* Среднеазиатский мужской костюм на миниатюрах XV—XIX вв. // Костюм народов Средней Азии. М., 1979. С.49—70.
28. *Древняя одежда народов Восточной Европы.* М., 1986.
29. *Дьяконов И.М.* Народы древней Передней Азии // ТИЭ. 1958. Т.39. С.5—72.
30. *Дьяконов И.М.* Сирия, Финикия и Палестина в III—II тыс. до н.э. // ИДМ. Кн.1: Ранняя древность. М., 1982. С.217—237.
31. *Иванов В.В.* Очерк истории и культуры хеттов // Керам К. Узкое ущелье и Черная гора. М., 1962. С.183—214.
32. *Иванова Е.В.* Типы одежды народов Юго-Восточной Азии (по коллекциям Музея антропологии и этнографии АН СССР) // Проблемы развития культуры народов и изучения культуры по музейным коллекциям. Омск, 1987. С.119—121.

33. История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. М., 1988. Ч. II. Передняя Азия; Египет.
34. История древнего мира. Кн. 1: Ранняя древность. М., 1982.
35. *Каган М. С.* Морфология искусства. Л., 1972.
36. *Каган М. С.* Классификация и систематизация // Типы в культуре. Л., 1979. С. 6—11.
37. *Кленгель Х.* Экономические основы кочевничества в древней Месопотамии (в особенности II тыс. до н.э.) // ВДИ. 1967. № 4. С. 60—69.
38. *Коростовцев М. А.* Писцы Древнего Египта. М., 1962.
39. *Коростовцев М. А.* Путешествие Ун-Амуна в Библи: Египетский иератический папирус № 120 Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве. М., 1960.
40. Костюм народов Средней Азии. М., 1979.
41. *Куббель Л. Е.* Этнические общности и потестарно-политические структуры доклассового и раннеклассового общества // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982. С. 124—146.
42. *Лобачева Н. П.* Среднеазиатский костюм раннесредневековой эпохи (по данным стенных росписей) // Костюм народов Средней Азии. М., 1979. С. 18—48.
43. *Лурье И., Ляпунова К., Матье М., Пиотровский Б., Флитнер Н.* Очерки по истории техники Древнего Востока. М.; Л., 1940.
44. *Маккуин Дж.* Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983.
45. *Матье М. Э.* Искусство Древнего Египта. М.; Л., 1961.
46. Межгосударственные отношения и дипломатия на Древнем Востоке. М., 1987.
47. *Мешкерис В. А.* Женские чалмообразные головные уборы на кушанских статуэтках из Согда // Костюм народов Средней Азии. М., 1979. С. 13—17.
48. *Михайловский К.* Карнак. Варшава, 1970.
49. *Перепелкин Ю. Я.* Египет Нового царства // Всемирная история. М., 1956. Т. 1. С. 326—365.
50. *Перепелкин Ю. Я.* Древний Египет // ИДВ. М., 1988. Ч. II: Передняя Азия; Египет. С. 293—572.
51. *Пиотровский Б. Б.* Об иноземных предметах в гробнице Тутанхамона // Тутанхамон и его время. М., 1976.
52. Проблемы типологии в этнографии. М., 1979.
53. *Пугаченкова Г. А.* К истории костюма Средней Азии и Ирана XV—первой половине XVI в. по данным миниатюр // Труды Среднеазиатского университета. Ташкент. 1956. Вып. 81.
54. *Равдоникас Т. Д.* Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа (V в. до н.э.—конец VII в.). Л., 1990.
55. *Стучевский И. А.* Колониальная политика Египта в эпоху XVIII династии. М., 1967.

56. *Сухарева О.А.* Древние черты в головных уборах народов Средней Азии // Среднеазиатский этнографический сборник. М., 1954. С.299—353.

57. *Сухарева О.А.* Уникальные образцы среднеазиатской одежды XVII в. // Традиционная культура народов Передней и Средней Азии. Л., 1970. С.101—112.

58. *Сычев Л.П., Сычев В.Л.* Китайский костюм: Символика; История; Трактовка в литературе и искусстве. М., 1975.

59. Типология основных элементов традиционной культуры. М., 1984.

60. Типы в культуре. Л., 1979.

61. Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М., 1979.

62. Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Западной и Южной Азии. М., 1981.

63. *Токарев С.А.* К методике этнографического изучения материальной культуры // СЭ. 1970. № 4. С.3—17.

64. *Томановская О.С.* Этнос и этноним в предклассовом обществе: частные аспекты их соотношения // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М., 1982. С.180—206.

65. *Тульчинский Г.Л., Светлов В.А.* Логико-семантические основания классификации // Типы в культуре. Л., 1979. С.22—28.

66. *Тураев Б.* История Древнего Востока. СПб., 1913. Т.1.

67. *Ушаков Н.В.* К вопросу классификации одежды восточных славян // Сб. МАЭ. 1982. Т.38. С.16—27.

68. *Ушаков Н.В.* Сравнительный указатель типов одежды народов Восточной Европы: (Проект) // Сб. МАЭ. 1982. Т.38. С.28—42.

69. *Ханзадян Э.В., Пиотровский Б.Б.* Цилиндрическая печать с древнеегипетской иероглифической надписью из Мецаморского могильника // Ист.-филол. журн. (Ереван). 1984. № 4(107). С.59—65.

70. Хрестоматия по истории Древнего Востока. М., 1963.

71. *Чеснов Я.В.* О принципах типологии традиционно-бытовой культуры // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С.186—203.

72. *Шифман И.Ш.* Угарит в системе международных связей // Палестинский сборник. Л., 1986. Вып.28(91). С.10—23.

73. *Шифман И.Ш.* Культура древнего Угарита. М., 1987.

74. *Akurgal E.* The art of the Hittites. New York, 1962.

75. *Aldred C.* Tutankhamun's Egypt. London, 1972.

76. *Aldred C., Barguet P., Desroches-Noblecourt Ch., Leclant J., Müller N.W.* L'Empire des Conquerants: L'Egypte au Nouvel Empire (1560—1070). Paris, 1982.

77. *Altenmüller H.* (Рец. на:) Loretz O. Habiru-Hebräer: Eine soziolinguistische Studie über die Herkunft des Gentilizium 'ibri vom Appellativum habiru. Berlin—New York, 1984 // SAK. 1985. Bd 12. S.303—304.

78. *Barnett R.D.* A Catalogue of the Nimrud Ivories. London, 1957.

79. *Beckerath J. von.* Tanis und Theben: Historische Grundlagen der Ramessidenzeit in Ägypten. Glückstadt; Hamburg; New York, 1951.
80. *Bell M.R.* A Hittite Pendant from Amarna // Amer. Journ. of Archaeology. 1986, apr. Vol.90, N 2. P.145—151. Pl.8, 1—3.
81. *Bissing F.W.* Denkmäler ägyptischer Sculpture. München, 1914.
82. *Bittel K.* Les Hittites. Paris, 1976.
83. *Bittel K.* Hattusha: The capital of the Hittites. New York; Oxford, 1970.
84. *Boeser P.A.A.* Beschreibung der aegyptischen Sammlung des Niederländischen Reichsmuseums der Altertümer in Leiden. Haag, 1911. Bd VI: Die Denkmäler des Neuen Reiches. 1. Abt.: Gräber.
85. *Bolshakov A.O.* The Moment of the Establishment of the Tomb-Cult in Ancient Egypt // AF. 1991. Bd 18, N 2. S.204—218.
86. *Bonnet H.* Die ägyptische Tracht bis zum Ende des Neuen Reiches. Leipzig, 1917.
87. *Bossert H.Th.* Altanatolien: Kunst und Handwerk in Kleinasien. Berlin, 1942.
88. *Bossert H.Th.* Altsyrien: Kunst und Handwerk in Cypern, Syrien, Transjordanien und Arabien von den Anfängen bis zum volligen Aufgehen in der griechisch-römischen Kultur. Tübingen, 1951.
89. *Brack A. und A.* Das Grab des Haremheb: Theben Nr.78. Mainz, 1980.
90. *Breasted J.H.* The Battle of Kadesh. Chicago, 1903.
91. *Buchholz H.-G., Wiesner J., Borchardt H. und J., Brandenburg H., Catling H.W., Jakovides Sp.* Kriegswesen. Göttingen, 1977.
92. *Capart J.* L'Art égyptien. Paris, 1909—1911. Vol.2.
93. *Capart J.* Thèbes. Bruxelles, 1925.
94. *Carter H.* The tomb of Tut-Ankh-Amen. London, 1927. Vol.II; 1933. Vol.III.
95. *Carter H., Newberry P.* The tomb of Thoutmôsis IV. Cairo, 1904.
96. *Champdor A.* Die altägyptische Malerei. Leipzig, 1959.
97. *Champollion-le-Jeune J.F.* Monuments de l'Égypte et de la Nubie, d'après les dessins exécutés sur les lieux. Paris, 1845. T.IV: Planches.
98. *Contenau G.* Mission archéologique à Sidon. Paris, 1921—1924.
99. *Contenau G.* L'art de l'Asie occidentale ancienne. Paris, 1928.
100. *Contenau G.* La civilisation des Hittites. Paris, 1948.
101. *Contenau G.* La civilisation phénicienne. Paris, 1949.
102. *Contenau G.* Les civilisations anciennes du Proche-Orient. Paris, 1963.
103. *Crowfoot G.M., de Garis Davies N.* The Tunic of Tut'ankhamun // JEA. 1941. Vol.27. P.113—130.
104. *Dalman G.* Arbeit und Sitte in Palästina. S.I., 1932. Bd V.
105. *Daressy G.* Le Palais d'Aménophis III et le Birket Habou // ASAE. 1903. Vol.4. P.165—170.

106. *Daressy G.* Plaquettes émaillées de Médinet-Habou // ASAE. 1911. Vol.11. P.49—63. Pl.I—V.
107. *Davenport M.* The Book of costume. New York, 1948. Vol.1—2.
108. *De Garis Davies N.* The Rock Tombs of El Amarna. London, 1905. Pt II: The Tombs of Paneḥsy and Merira II; London, 1905. Pt III: The Tombs of Ḥuya and Aḥmes; London, 1908. Pt VI: The Tombs of Parennefer, Tutu, and Aḯ.
109. *De Garis Davies N.* The Tomb of Nakht at Thebes. New York, 1917.
110. *De Garis Davies N.* The Tomb of Puyemrē at Thebes. New York, 1922—1923. Vol.1—2.
111. *De Garis Davies N.* The Graphic Work of the Expedition // BMMA. 1924. Vol.19. P. 44—52; 1926. Vol.21.
112. *De Garis Davies N.* The Tomb of Ḳen-Amūn at Thebes. New York, 1930. Vol.1—2.
113. *De Garis Davies N.* The Work of the Graphic Branch of the Expedition // BMMA. 1932. Vol.27.
114. *De Garis Davies N.* The Tombs of Menkheperasonb, Amenmosē, and another (Nos, 86, 112, 42, 226). London, 1933.
115. *De Garis Davies N.* Foreigners in the Tomb of Amenemḥab (N 85) // JEA. 1934. Vol.20. P.189—192.
116. *De Garis Davies N.* The Tomb of Rekh-mi-rē^c. New York, 1943. Vol.1—2.
117. *De Garis Davies N.* and *N.M.* The Tomb of Amenmosē (N 89) at Thebes // JEA. 1941. Vol.26. P.131—136.
118. *De Garis Davies N.* and *N.M.* Syrians in the Tomb of Amunedjeh (Thebes, Tomb N 84) // JEA. 1941. Vol.27. P.96—98.
119. *De Garis Davies N., Faulkner R.O.* A Syrian Trading Venture to Egypte // JEA. 1947. Vol.33. P.40—46.
120. *De Garis Davies N., Gardiner A.H.* The Tomb of Ḥuy, Viceroy of Nubia in the Reign of Tut^cankhamūn. London, 1926.
121. *Desroches-Noblecourt Ch.* Vie et mort d'un pharaon: Toutankhamon. Paris, 1963.
122. *Dussaud R.* L'art phénicien du II-e millénaire. Paris, 1949.
123. *Dussaud R.* Mélanges syriens offerts à m. Rene Dussaud. Paris, 1939. T.I—II.
124. *Eissfeldt O.* Philister und Phönizier. Leipzig, 1936. (Der Alte Orient; Bd 34, H.3).
125. *Erman A., Grapow H.* Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Leipzig, 1955. Bd 1—5.
126. *Erman A., Spiegelberg W.* Grabstein eines syrischen Söldners aus Tell Amarna // ZÄS. 1898. Bd 36. S.126—131.
127. *Faulkner R.O.* Egypt // CAH³. P.217—251.
128. *Fischer-Elfert H.W.* Die satirische Streitschrift des Papyrus Anastasi I. Wiesbaden, 1983.

129. *FitzGerald C.M.* Beth-Shean // Archaeology and Old Testament Study: Jubilee Volume of the Society for Old Testament Study. 1917—1967. Oxford, 1969.
130. *Fox M.V.* Egyptian Onomastica and Biblical Wisdom // *Vetus Testamentum*. 1986. Vol.36, N 3. P.302—310.
131. *Gaballa G.A.* Minor War Scenes of Ramesses II at Karnak // *JEA*. 1969. Vol.55. P.82—88.
132. *Gaballa G.* Narrative in Egyptian Art. Mainz, 1976.
133. *Gardiner A.H.* Ancient Egyptian Onomastica. Oxford. 1947. Vol.I: Text.
134. *Gawlikowski M.* Sztuka Syrii. Warszawa, 1976.
135. *Giveon R.* Le temple d'Hathor à Serabit-el-Khdom // *Archeologia*. 1972, janv.-fevr. Vol.44. P.64—69.
136. *Giveon R.* Les bédouines shosou des documents égyptiens. Leiden, 1971.
137. *Godron G.* Activités de l'égyptologie américaine: (En souvenir de Brown University) // *Bull. de la Soc. Française d'Égyptologie*. 1952. Vol.11. P.59—64.
138. *Goetze A.* Hethite Dress // *Corolla linguistica*. Wiesbaden, 1955. S.48—62.
139. *Görg M.* Namenstudien: Šꜣsw-Beduinen und Sutu-Nomaden // *Biblische Notizen*. Bamberg, 1980. Bd 11. S.18—20.
140. *Green M.* The Syrian and Lebese Topographical Data in the Story of Sinuhe // *CdE*. 1983. T.115—116. P.38—59.
141. *Gray J.* The Canaanites. London, 1964.
142. *Hall H.R.* The Peoples of the Sea // *Recueil d'Études égyptologiques dédiées à la memoire de J.F.Champollion*. Paris, 1922. P.292—329.
143. *Hall H.R.H.* The ancient History of the Near East, from the earliest times to the battle of the Salamis. New York, 1913.
144. *Hamza M.* Excavations of the Department of Antiquities at Qantir (Faqu's District) // *ASAE*. 1930. Vol.XXX. P.31—68.
145. *Harden D.* The Phoenicians. London, 1962.
146. *Hayes W.C.* Glazed Tiles from a palace of Ramesses II at Kantir. New York, 1937.
147. *Helck W.* Die Beziehungen Ägyptens zu Vorderasien im III. und II. Jahrtausend v. Chr. 2 verb. Auflage. Wiesbaden, 1971.
148. *Helck W.* Die Seevölker in den ägyptischen Quellen // *Jahresbericht des Instituts für Vorgeschichte der Universität Frankfurt am Mein*. 1976. S.7—21.
149. *Hölscher V.* Gessodekorationen, Intarsien und Kachelbekleidungen in Medinet Habu // *ZÄS*. 1940. Bd 76. S.41—45.
150. *Hölscher W.* Libyer und Ägypter: Beiträge zur Ethnologie und Geschichte libyscher Volkerschaften nach den altägyptischen Quellen. Glückstadt; Hamburg; New York, 1937.

151. *Hornung E.* Tal der Könige: Die Ruhestätte der Pharaonen. Zürich; München, 1985.
153. *Houston M.G., Hornblower F.S.* Ancient Egyptian, Assyrian and Persian costumes and decorations. London, 1954.
154. *Hrouda B.* Die Kulturgeschichte des assyrischen Frachtbildes. Bonn, 1965.
155. *Al-Jadir W., al-Azzawi Dh.* Les vêtements populaires en Irak. Bagdad, s.a.
156. *Janssen Jac.J.* Eine Beutelliste von Amenophis II. und das Problem der Sklaverei im Alten Ägypten // Jaarbericht van het voorasiatisch-egyptisch Genootschap «Ex Oriente Lux». N 17 (1963). Leiden, 1964.
157. *Janssen Jac.J.* Commodity Prices from the Ramessid Period. Leiden, 1975.
158. *Janssen J.M.A.* Fonctionnaires sémites au service de l'Égypte // CdE. 1951. T.26. P.50—62.
159. *King L.W., Hall H.R.H.* Egypt and Western Asia in the light of recent discoveries. London, 1907.
160. *Kitchen K.A.* The Third Intermediate Period in Egypt (1100—650 BC). Oxford, 1972.
161. *Kitchen K.A.* Pharaoh Triumphant: The Life and times of Rameses II. Warminster (England), 1982.
162. *Klebs L.* Die Reliefs und Malereien des Neuen Reiches. Heidelberg, 1934.
163. *Klengel Ev., Klengel H.* Die Hethiter und ihre Nachbarn. Leipzig, 1970.
164. *Klengel H.* Geschichte Syriens im 2. Jahrtausend v.u. Z. Berlin, 1965—1970. T.1—3.
165. *Klengel H.* Geschichte und Kultur Altsyriens. Leipzig, 1967.
166. *Klengel H.* Zwischen Zelt und Palast: Die Begegnung von Nomaden und Geschäften im alter Vorderasien. Leipzig, 1972.
167. *Körnfeld W.* Neues über die phönikischen und aramäischen Crafiti in den Tempeln von Abydos // Anzeiger der österreichischen Akademie der Wissenschaften. Philol.-hist. Kl. Wien, 1978. Bd 115. S.193—204.
168. *Kosloff A.* A Hittite Priest-King Figure // BCMA. 1972. Febr.
169. *Köster A.* Schiffart und Handelsverkehr des ostlichen Mittelmeeres im 3. und 2. Jahrtausend v. Chr. Leipzig, 1924.
170. *Kuentz Ch.* La bataille de Qadech. Le Caire, 1934.
171. *Lange K., Hirmen M.* Egypt: Architecture; Sculpture; Painting in three Thousand Years. London; New York, 1956.
172. *Leclant J.* La Bible et l'Égypte pharaonique // Le monde de la Bible. 1985. Vol.41. P.6—7.
173. *Lefébure E.* Le hypogées royaux de Thèbes. Paris, 1886.
174. *Lefebvre G.* Stèle de l'an V de Merneptah // ASAE. 1927. Vol.XXVII. P.19—30.

175. *Lehmann G.A.* Die Šikalājū — ein neues Zeugnis zu den «Seevölker» — Heerfahrten im späten 13. Jh.v. Chr. (RS 34.129) // Ugarit-Forschungen. 1979. Bd 11. S.481—494.
176. *Lepsius R.* Denkmäler aus Aegypten und Aethiopien. Berlin, s.a. Bd III.
177. *Lewis J.H.* Tel-el-Jahoudeh (the Mound of the Jeu) // Transactions of the Society of Biblical Archaeology. London, 1882. Vol.VII. P.177—192.
178. *Lhote A.* Les chefs-d'oeuvre de la peinture égyptienne. Paris, 1954.
179. *Lichtenberg R.F. von.* Einflüsse der ägäischen Kultur auf Ägypten und Palästina // MVG. 1911. Bd 16.
180. *Lutz H.F.* Textiles and costumes among the peoples of the ancient Near East. Leipzig, 1923.
181. *Martin G.Th.* The Memphite Tomb of Ḥoremḥeb Commander-in-Chief of Tut^cankhamūn. London, 1989. Vol.I: The Reliefs, inscriptions, and commentary.
182. *Maspero G.* Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique. Paris, 1897. Vol.II: Les premieres mêlées des peuples.
183. Medinet Habu / By J.H.Breasted, Th.G.Allen. Chicago, 1930. Vol.I; 1932. Vol.II.
184. *Mekhitarian A.* Egyptian Painting. Genève, 1954.
185. *Mertens P.* Les Peoples de la Mer // CdE. 1960. T.35. P.65—83.
186. *Meyer E.* Fremdvölkerdarstellungen altägyptischer Denkmäler: Samml. fotogr. Aufnahmen aus den Jahren 1912—1913. Wiesbaden, 1973.
187. *Michalowski K.* Sztuka egipska: Teby. Warszawa, 1976.
188. *Montet P.* Byblos et l'Égypte: Quatre campagnes de fouilles à Gebeil. 1921—1924. S.I., 1928. T.1; 1929. T.2.
189. *Montet P.* Les reliques de l'art syrien dans l'Égypte du Nouvel Empire. Paris, 1937.
190. *Moscatti S.* Ancient Semitic civilizations. London, 1957.
191. *Müller H.W.* Bemerkungen zu den Kacheln mit Inschriften aus Qantir und zu den Rekonstruktionen gekachelter Palasttore // MDAIK. 1981. Bd 37. S.339—357.
192. *Müller W.M.* Neue Darstellungen «mykenischer» Gesandter und phönizischer Schiffe in altägyptischen Wandgemälden // MVG. 1904. Bd 2.
193. *Müller W.M.* Asien und Europa nach dem aegyptischen Denkmälern. Leipzig, 1893.
194. *Müller W.M.* Egyptological Researches. Washington, 1904. Vol.I; 1910. Vol.II.
195. *Murray M.A.* The Splendour that was Egypt. London, 1972.
196. *Nack E.* Ägypten und der Vordere Orient im Altertum: Länder und Völker zwischen Nil und Euphrat. Wien; Heidelberg, 1962.
197. *Na^cuman N.* The Town of Ibirta and the Relations of the ³Apiru and the Shosu // Göttinger Miscellen. Göttingen, 1982. H.57. S.27—33.

198. *Nibbi A.* The Sea-Peoples: A Re-Examination of the Egyptian Sources. Oxford, 1972.
199. *Nibbi A.* The Sea-Peoples of Egypt: Park Ridge. New Jersey, 1975.
200. *Offord I.* Yanoem of the Menepthah Stele // PSBA. 1899. Vol.21. P.142.
201. *Ossing J.* Zu einer Fremdvölker Kachel aus Medinet Habu // MDAIK. 1981. Bd 37. S.389—391.
202. *Ossing J.* Les populations asiatiques // Le monde de la Bible. 1985. Vol.41. P.23—24.
203. *Parrot M.* Le «bon Pasteur» à propos d'une statue de Mari // Mélanges syriens offerts à'm. R.Dussaud. Paris, 1939. P.171—182.
204. *Peck W.H.* Egyptian Drawings. New York, 1978.
205. *Petrie Fl.* Syria and Egypt from the Tell el Amarna letters. New York, 1898.
206. *Porter B., Moss R.L.B.* Topographical Bibliography of Ancient Egyptian Texts, Reliefs and Paintings. 2nd ed. Oxford, 1960. Vol.I, pt 1; 1964. Vol.I, pt 2; 1972. Vol.II.
207. *Pratt I.A.* Ancient Egypt: Sources of information in the New York Public Library, Compiled by I.A.Pratt under the Direction of Dr. R. Gottheil. New York, 1925; Ancient Egypt 1925—1941: A suppl. to Ancient Egypt. Sources of Information in the New York Public Library. New York, 1925; 1942.
208. *Prisse d'Avennes E.* Histoire de l'art égyptien d'après les monuments. Paris, 1879.
209. *Pritchard J.B.* Syrians as pictured in the paintings of the Theban Tombs // BASOR. 1951. N 122. P.36—41.
210. *Pritchard J.B.* The Ancient Near East in pictures. Relating to the Old Testament. Princeton, 1954.
211. *Pritchard J.B.* The Ancient Near East: Supplementary Texts and Pictures Relating to the Old Testament. Princeton; New Jersey, 1969.
212. *Quibell J.E.* The Ramesseum. London, 1898.
213. *Quibell J.E.* The Tomb of Yuua and Thuiu: (Cat. général des antiquités égyptiennes du Musée du Caire). Cairo, 1908.
214. *Ranke H.* Die ägyptischen Personennamen. Glückstadt, 1935. Bd I.
215. *Redford D.B.* New light on the asiatic campaigning of Horemheb // BASOR. 1973. N 211. P.36—49.
216. *Reifenberg A.* Palästinensische Kleinkunst. Berlin, 1927.
217. *Riemschneider M.* Die Welt der Hethiter. Stuttgart, 1954.
218. *Rosellini I.* I Monumenti dell'Egitto e della Nubia disegnati della spedizione Scientifico-letteraria Toscana in Egitto. Pt 1: Monumenti storici. Pisa, 1832—1833. T.I—IV; pt 2: Monumenti civili. Pisa, 1834—1836. T.I—III.
219. *Salonen A.* Die Hausgeräte der alten Mesopotamier: Nach sumerisch-akkadischen Quellen. Helsinki, 1965—1966. T.1—2.

220. *Salonen A.* Die Fussbekleidung der alten Mesopotamier. Helsinki, 1969.
221. *Sandars N.K.* The Sea-Peoples: Warriors of the ancient Mediterranean 1250—1150 B.C. London, 1978.
222. *Sanford E.M.* The Mediterranean World in ancient Times. New York, 1938.
223. *Sauneron S., Yoyotte J.* Traces d'établissements asiatiques en Moyenne-Egypte sous Ramsès II // RdE. 1950. N 7. P.67—70.
224. *Säve-Söderbergh T.* The navy of the Eighteenth Egyptian dynasty. Uppsala, 1946.
225. *Säve-Söderbergh T.* Four Eighteenth Dynasty Tombs. Oxford, 1957.
226. *Schäfer H.* Von ägyptischer Kunst. Wiesbaden, 1963.
227. *Scharf A., Moortgat A.* Ägypten und Vorderasien im Altertum. München, 1950.
228. *Schulman A.* Ankhesenamün, Nofretity, and the Amka Affair // JARCE. 1978. N 15. P.43—48.
229. *Schulman A.* Some Observations on the ꜥh'ikr n R^c-Stelae // BiOr. 1986. Vol.XLIII, N 3—4. P.302—348.
230. *Sethe K.* Eine ägyptische Expedition nach dem Libanon im 15. Jhdt. v. Chr. // SbPAW. 1906. Bd 15. S.356—363.
231. *Simons J.J.* Handbook for the Study of Egyptian topographical Lists relating to Western Asia. Leiden, 1937.
232. *Šliwa J.* Ägyptische Fayence-Kacheln mit Darstellungen von Fremdvölker // Festschrift zum 150 jährigen Bestehen des Berliner Ägyptischen Museums. Berlin, 1974. S.232—238. (Staatl. Museen zu Berlin. Mitt. aus der ägypt. Samml.; Bd VIII).
233. *Smith W.S.* Interconnections in the ancient Nears East. London, 1965.
234. *Spalinger A.J.* The Northern Wars of Seti I: An Integrative Study // JARCE. 1979. N XVI. P.29—47.
235. *Spiegelberg W.* Der Siegeshymnis des Merneptah auf der Flinders Petrie-Stele // ZÄS. 1896. Bd 34. S.1—25.
236. *Spiegelberg W., Erman A.* Grabstein eines syrischen Söldners aus Tell Amarna // ZÄS. 1898. Bd 36. S.126—129.
237. *Stahelin E.* Untersuchungen zur ägyptischen Tracht in Alten Reich. Berlin, 1966.
238. *Stark F.* The Souther Gates of Arabia: A Journey in the Hadhramaut. London, 1936.
239. *Stark F.* Seen in the Hadhramaut. London, 1938.
240. *Steindorf G.* Die Blütezeit des Pharaonenreichs. Leipzig, 1900.
241. *Steindorf G., Seele K.C.* When Egypt: Ruled the East. Chicago, 1957.
242. Typology for afro-asian costume: (Primarily from islamic countries). Draft sublimitted to the members of the international Committee of Costume at the ICOM General Assambly. Leningrad; Moscow, 1977.

243. *Vaux R. de*. La Phénicie et les peuples de la mer // *Mélanges de l'Université Saint-Joseph*. Beyrouth, 1969. Vol.XLV. P.479—498.
244. *Vercoutter J.* L'Égypte et le monde égéen préhellénique. Le Cairo, 1956.
245. *Wainwright G.A.* Some Sea-Peoples and others in the Hittite archives // *JEA*. 1939. Vol.25. P.148—153.
246. *Wainwright G.A.* Keftiu and Karamania (Asia Minor) // *AS*. 1954. Vol.4. P.33—48.
247. *Wainwright G.A.* Caphtor-Cappadocia // *Vetus Testamentum*. 1956. Vol.6. P.199—210.
248. *Wainwright G.A.* Some Early Philistine History // *Vetus Testamentum*. 1953. Vol.9. P.73—84.
249. *Wainwright G.A.* Some Sea-Peoples // *JEA*. 1961. Vol.47. P.71—90.
250. *Wainwright G.A.* The Meshewesh // *JEA*. 1962. Vol.48. P.89—99.
251. *Wainwright G.A.* Shekelesh or Shasu? // *JEA*. 1964. Vol.50. P.40—46.
252. *Wainwright G.A.* Abimilki's News of the Danuna // *JEA*. 1969. Vol.49. P.175—176.
253. *Wallert I.* Der Verzierte Löffel: Seine Formgeschichte und Verwendung im Alten Ägypten. Wiesbaden, 1967.
254. *Wallis H.* Egyptian ceramic art. S.I., 1900.
255. *Weill R.* Phéniciens, Egéens et Hellènes dans la Méditerranée primitive // *Syria*. 1921. Vol.2. P.120—131.
256. *Weill R.* Sur la dissémination géographique du nom de peuple dans le monde égéo-asiatique // *Syria*. 1922. Vol.3. P.27—37.
257. *Wente E.F.* Shekelech or Shasu? // *JNES*. 1963. Vol.22. P.167—172.
258. *Werbrouck M.* Thèbes. Bruxelles, 1925.
259. *Westendorf W.* Das Alte Ägypten. Baden-Baden, 1968.
260. *Wolf W.* Die Kunst ägyptens. Stuttgart, 1957.
261. *Wreszinski W.* Atlas zur Altaegyptischen Kulturgeschichte. Leipzig, 1923. T.I; 1929. T.II.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории. М.
ВИ — Всемирная история. М., 1956. Т. I.
ИДВ — История Древнего Востока. М., 1988. Ч. II.
ИДМ — История древнего мира. М., 1982. Кн. 1.
КСИЭ — Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института антропологии и этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая АН СССР.
Сб. МАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) АН СССР. Л.
СЭ — Советская этнография. М.
ТИЭ — Труды Института этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая АН СССР. Новая серия. М., Л.
АФ — Altorientalische Forschungen. Academie der Wissenschaften der DDR. Zentralinstitut für Alte Geschichte und Archäologie. Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients. Berlin.
AS — Anatolien Studies. London.
ASAE — Annales du Service des antiquités de l'Égypte. Le Caire.
BASOR — Bulletin of the American Schools of Oriental Research. New Haven (Conn.).
BCMA — The Bulletin of the Cleveland Museum of Art. Cleveland.
BIFAO — Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale. La Caire.
BiOr — Bibliotheca Orientalis. Leiden.
BMMA — Bulletin of the Metropolitan Museum of Art. New York.
САН³ — The Cambridge Ancient History. Third ed. Cambridge, 1975. Vol. II, pt. 2: History of the Middle East and the

- Aegean Region. C.1380—1000 B.C. / Ed. by J.E.S.Edwards, C.J.Gadd, N.G.L.Hammond, E.Sollberer.
- CdE — Chronique d'Égypte. Bulletin périodique de la Fondation égyptologique Reine Elisabeth. Bruxelles.
- JARCE — Journal of the American Research Center in Egypt. Princeton.
- JEA — Journal of Egyptian Archaeology. London.
- JNES — Journal of Near Eastern Studies. Chicago.
- MDAIK — Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts: Abteilungen Kairo.
- MVG — Mitteilungen der Vorderasiatischen Gesellschaft.
- PSBA — Proceedings of the Society of biblical archaeology. London.
- RdE — Revue d'égyptologie publiée par la Société française d'égyptologie. Paris.
- SAK — Studien zur altägyptischen Kultur. Hamburg.
- SbPAW — Sitzungsberichte der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philologisch-historische Klasse. Berlin.
- TSBA — Transactions of the Society of Biblical Archaeology. London.
- Urkunden IV — *Sethe K.* Urkunden der XVIII. Dynastie. Bd 1₁—4₄. Leipzig, 1906—1909; *Helck W.* Urkunden der 18. Dynastie. Berlin, 1955—1958. H.17—22; Übersetzung zu den Heften 17—22. Bearbeitet und übersetzt von W.Helck. Berlin, 1961. (Urkunden des ägyptischen Altertums; IV).
- WB — *Erman A., Grapow H.* Wörterbuch der ägyptischen Sprache // Auftrage der deutschen Akademien herausgegeben von A.Erman und H.Grapow. Leipzig, 1926—1963. Bd 1—7.
- ZÄS — Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde. Leipzig, Berlin.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
<i>Глава I.</i> Одежда оседлых народов Ханаана	23
<i>Глава II.</i> Одежда кочевых и мигрирующих народов Ханаана	58
<i>Глава III.</i> Одежда хеттов	79
Заключение	105
Библиография	130
Список сокращений	142

Ирина Владимировна Богословская

ОДЕЖДА НАРОДОВ БИБЛЕЙСКИХ СТРАН

*(по древнеегипетским источникам
XVI—IX вв. до н.э.)*

Редактор *В.Т. Бочевер*
Художник *А.Ю. Харитонова*
Набор *М.П. Онянова*
Компьютерная верстка *В.А. Левая*

Подписано к печати 01.08.95. Формат 60×90 1/16. Печать офсетная.
9 печ.л. Тираж 200. Заказ 227

Лицензия № 020889 от 25.05.94.

J.H.

